

МАХТУМКУЛИ

Сочинения
избранное

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ю. А. Андреев (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов, М. К. Каноат,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов,
Д. М. Мулдагалиев, Ф. Я. Прийма, С. А. Рустам, М. Танк,
В. Л. Федоров, М. Б. Храпченко*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

МАХТУМКУЛИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья

А. Зырина и М. Овезгельдыева

Составление и примечания

М. Овезгельдыева

Редактор стихотворных переводов

В. Ганиев

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1984

Творчество туркменского поэта XVIII века Махтумкули (псевдоним — Фраги) — одно из вершинных явлений в истории классической поэзии Востока. До нас дошло свыше десяти тысяч строк его произведений, среди которых — гражданские и философские стихи, сатира, любовная лирика, лирико-эпические поэмы.

В творчестве Махтумкули органически сочетаются традиции туркменского фольклора и поэтическое новаторство. Он внес коренные изменения в туркменское стихосложение, заменил традиционную арабо-персидскую метрику (аруз) народной силлабической системой и оказал большое влияние на последующие поколения поэтов.

Многие строки Махтумкули стали крылатыми выражениями, а некоторые стихи вошли в репертуар народных певцов-бахши, и до сих пор пользующихся в Туркмении широкой популярностью.

В настоящее издание включены лучшие образцы творчества Махтумкули в переводах русских поэтов разных поколений. Переводы заново отредактированы. Многие произведения печатаются в новых переводах, несколько стихотворений переведены на русский язык впервые для данного издания.

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ, МЫСЛИТЕЛЬ, ПАТРИОТ

История мировой культуры увековечила имена гениальных мастеров слова, художников, философов, чьи творения, составляя духовное богатство и гордость своего народа, в то же время навеки вошли в сокровищницу высших идейно-художественных ценностей всего человечества. К числу подобных титанов слова, мысли и духа принадлежит Махтумкули, сын туркменского народа, живший и творивший в XVIII веке, почти одновременно с Ломоносовым, Вольтером, Гёте. Замечательные произведения Махтумкули — вершина того, что сумел создать в области поэзии и философской мысли немногочисленный, но талантливый, мужественный и духовно богатый туркменский народ за свою тысячелетнюю историю, в которой героика и трагизм столетиями шли рука об руку. В стихах Махтумкули, классика туркменской поэзии, словно в гигантском волшебном зеркале — «чаше Джемшида» восточных легенд, — отразились, в самых существенных, глубинных чертах, и прошлое народа, и его жизнь, быт, и понятия о мире, о человечестве и о самом себе в ответственной, поворотный период истории, и, наконец, чаянья, представления о будущем. Сумев обобщить и поднять на новую, высшую ступень то, что было достигнуто предшественниками в области художественного постижения и отображения мира, Махтумкули стал основоположником национальной туркменской поэзии, а значит, и всей литературы. Все, кто в ней подвизался впоследствии, — его ученики и продолжатели. Заслуги Махтумкули перед народом, его вклад в общечеловеческую сокровищницу духа одинаково велики как в области философского осмысления всего сущего, так и в сфере художественной, образно-поэтической формы. Величие Махтумкули также в том, что в его литературной деятельности ему неизменно удавалось достичь гармонии формы и содержания. В неустанном стремлении к такой гармонии, к тому, чтобы его слышали и понимали современники и потомки, поэт упорядочивал и совершенствовал нормы письменной речи, поэтому он по праву считается создателем общетуркменского

литературного языка новой эпохи, остающегося и по сей день средством словесного воплощения национальной культуры.

Как мыслитель Махтумкули поднимался до высот философской абстракции, проникал в глубинную сущность явлений, в их скрытые от взгляда взаимосвязи. В то же время, родившись в среде трудовых людей и не порывая с ней до своего последнего часа, он всеми нитями души был неотделим от повседневной жизни народа, болел его горестями, радовался удачам, делил с ним его победы и поражения. Оттого глубоким, органичным патриотизмом пронизаны как поэзия Махтумкули, так и его социально-политические воззрения. Любовь к отчизне и родному народу в них органически слита с любовью к человеку. Махтумкули — великий гуманист, в представлениях о человеке далеко опередивший свою эпоху с характерными для нее понятиями. В этом отношении Махтумкули сделался образцом для поэтов и мыслителей последующих времен (причем не только туркменских), для народа же своего — учителем, духовным наставником, зовущим к добру и правде в отношениях между людьми, между нациями и государствами.

Махтумкули отчетливо понимал, что беды, несчастья отдельного человека — следствие несовершенства общественного устройства. В своих высказываниях, облеченных в поэтическую форму, он намечал главные черты социального строя, основанного на справедливости, равенстве, всеобщем благе. В условиях разобщенности туркменских племен, разгула феодальных междоусобиц поэт ясно видел: путь к справедливому обществу на родной земле пролегает через национально-территориальное объединение всех туркмен. В последующие времена передовые силы туркменского общества неоднократно пытались претворить в жизнь политические заветы Махтумкули. Такие попытки в условиях того времени не могли привести к успеху. Завет Махтумкули — сплотиться в единый народ — туркмены сумели выполнить только в результате победы Великого Октября.

Непреходящее в веках значение Махтумкули, ценность его литературного наследия — в величии, гуманности и глубине запечатленных в нем идей, в совершенстве художественной формы их выражения. Сбылось пророческое предсказание поэта:

Махтумкули, пройдут века,
Но не умрет твоя строка.
Ты будешь в юрте бедняка
И в каменной палате виден!

(«Виден»)

Махтумкули, его личность и произведения, — целая эпоха в поэтическом творчестве туркменского народа, лучшее из того, что вложено им в духовную историю человечества.

К первой трети XVIII века большинство туркменского народа, единого по происхождению, было, в силу исторических и географических факторов, разобщено на крупные и мелкие племена. Из крупных племен, кроме гокленов, родного племени Махтумкули, важно упомянуть йомудов, их соседей и нередко соперников на севере, а также теке (текинцев); среди крупных племен, в частности среди гокленов, было растворено немало этнических групп нетуркменского (в основном ирано-тюркского) происхождения, «включенных» в сферу туркменского этноса, что наиболее характерно как раз для районов Копетдага (мелкие племена — мурчалы, нохурли и другие). Все туркмены расселялись приблизительно в тех пределах, которые ныне включают территорию Туркменской ССР, северные земли Ирана и Афганистана, юго-восточные (прикаспийские) районы Казахстана. Расселение в этот период еще не завершилось окончательно, большие массы туркмен неоднократно меняли места обитания вплоть до начала нашего столетия. В социальном отношении туркмены (в большинстве — скотоводы, кочевники или полукочевники, в меньшинстве — оседлые земледельцы, число которых медленно увеличивалось) пребывали в стадии позднего, разлагающегося патриархально-родового или же раннего, набирающего силу феодального строя с его иерархией, поляризацией на бедных и богатых, угнетателей и эксплуатируемых. Господствующим во всех сферах духовной жизни был ортодоксальный ислам суннитского толка, с заметным влиянием суфизма,¹ а также с пережитками доисламских воззрений, прежде всего в быту, в обычаях. Политически же туркмены, как это было всегда в их прежней истории, не составляли единого самостоятельного государства, а пребывали в неустойчивой, подчас лишь номинальной, вассальной зависимости от феодальных правителей соседних Ирана, Хивы и Бухары.

Отношения между этими государствами, нестабильными внутриполитически, почти всегда, на протяжении веков, оставались враждебными, причем в их военные распри постоянно оказывались втянутыми туркмены, между которыми искони не утихали раздоры, чем соседи — феодальные правители — умело пользовались. В Иране, крупнейшей из трех соперничавших держав, пала правившая полтора столетия династия Сефевидов. Власть узурпировал один из военачальников последнего шаха, в прошлом разбойничий главарь, выходец из хорасанских тюрок, Тахмаспули-хан, в 1736 году взошед-

¹ Специфические термины, имена, географические названия и понятия, относящиеся к культуре, быту, мифологии народов Востока, поясняются в Словаре.

на престол под именем Надир-шаха. Одинадцатилетнее правление этого тирана, одного из кровожаднейших в истории Ближнего Востока, отмечено войнами, смутами, разорением на громадной территории от Турции до Индии. Жестокие потрясения пережили Хивинское и Бухарское ханства. Туркмены же, оказавшиеся как бы в эпицентре кровавого смерча, претерпели так много бедствий и разорения, как, может быть, ни один из соседних народов.

Эти события, как и последующий затем, вплоть до конца века, разгул междоусобиц, переворотов, столкновений и в каждом из трех названных государств, и между ними (с участием еще и усилившегося в этот период Афганистана), породили среди туркмен стремление оградить себя от воздействия внешнеполитических враждебных сил, обособиться от них (что выразилось, например, в вооруженной борьбе под водительством Кеймир-Кёра против тирании Надира). Людям, патриотически мыслящим, было ясно: чтобы стать независимыми и сильными, туркменские племена должны прекратить взаимные раздоры и — в соответствии с представлениями эпохи — объединиться в самостоятельное государство — монархию, во главе с государем, могущественным и просвещенным.

Условия жизни туркмен, с тех пор как они осознали себя народом (хотя и разобщенным на племена, но всегда сберегавшим представление о единстве), на протяжении веков оставались такими, что нигде на землях, ими заселенных, не сложилось крупных культурных центров, с длительной традицией образованности, письменной культуры, хранилищами рукописей и т. п. (какими, к примеру, были в средние века Герат, Самарканд, Бухара). Результатом этого явилось, в частности, следующее: практически ни об одном из туркменских поэтов прошлого не сохранилось до наших дней сколько-нибудь полных и абсолютно достоверных сведений биографического характера. В распоряжении литературоведов два источника таких сведений: во-первых, произведения самих поэтов, где они прямо или косвенно повествуют о своей жизни и своей эпохе; во-вторых, сложенные народом предания, передававшиеся изустно, в разное время записанные. Предания как жанр фольклора, со многими свойственными этому виду художественного творчества отступлениями от исторической действительности, и стихи туркменских поэтов былых времен, сохранившиеся в записях позднейших лет, на основе того, что сберегла память народных сказителей и певцов (бахши), — источники не вполне надежные. Утверждения относительно биографий поэтов, в том числе и Махтумкули, только до известной степени заслуживают доверия. С другой стороны, не исключено, что какие-либо новые открытия смогут дополнить, расширить и уточнить сведения, которыми литературоведение располагает на сей день.

На основе этих сведений принято считать, что поэт, при рождении получивший имя Махтумкули, родился около 1733 года. Эта дата выводится косвенным путем, на основании прежде всего народных преданий. Сколько лет он жил, в точности неизвестно. Из высказываний самого поэта ясно, что он, во всяком случае, дожил до пятидесятилетнего возраста («И те пятьдесят неминуемых стрел Остались в душе, изнемогшей от ран»). Еще одно свидетельство содержится в книге венгерского ученого-востоковеда Арминия (Германа) Вамбери, совершившего в 1863 году под личиной дервиша странствие по землям Средней Азии и написавшего об этом странствии книгу «Путешествие по Средней Азии», в которой он дает некоторые сведения о Махтумкули, в частности о том, что умер он «около восьмидесяти лет тому назад». Это позволяет наметить дату смерти Махтумкули; принято считать, что умер он около 1783 года.¹

Родное село поэта — Хаджи-Говшан — расположено в долине реки Атрек с притоками (Сумбар, Чендырь), на севере персидской территории, в предгорьях Копетдага, где издавна селились туркмены различных племен. Семья Махтумкули, согласно племенному делению, не забытому еще и поныне, принадлежала к колену кышкы рода гёркез — одного из ответвлений многолюдного племени гоклен, племени оседлого, земледельческого (в отличие от большинства туркмен), состоявшего в вассальном подчинении у персидских владетелей. В одном из своих лирических стихотворений сам поэт сказал о себе:

Коль спросят путники про меня, скажите, лицо клоня:
«Гоклен он родом, с Атрека он, а имя — Махтумкули».

(«Друзья, у меня любимая есть...»)

В зрелом возрасте поэт избрал себе техаллус (поэтический псевдоним) «Фраги», то есть «Разлученный», «Лишенный». Как было принято, в конце каждого из своих стихотворений он помещал либо этот техаллус, либо — очевидно, чаще — свое подлинное имя. Ибо в народной памяти и в истории он известен не под техаллусом (в отличие от Кемине, Габи, Шейдаи, Сеиди и многих других, вплоть до советского времени), а под своим именем — Махтумкули.

¹ Некоторые исследователи (в частности, Б. А. Каррыев) считают, что Махтумкули прожил, во всяком случае, более шестидесяти лет, ссылаясь на его стихотворение, в переводе озаглавленное «Дни мои», где поэт говорит: «мюридом стал... я в шестьдесят... года про рока насчитал», то есть достиг 63-х лет. На наш взгляд, это не может служить прямым указанием на возраст автора (в стихотворении далее говорится и о семидесяти, восьмидесяти годах и т. д.), ибо оно является традиционным для туркменской поэзии раздумьем в стихах (не единственным у Махтумкули) о качествах человека вообще (пусть поэт и повествует риторически, от первого лица) в разные периоды его «земной» жизни.

Это же имя посыл дед поэта, согласно преданиям, пришлый в роде гёркез. Простой крестьянин-земледелец, в молодости он овладел и ремеслом кожевенных дел мастера (шил конскую сбрую, в том числе потники, откуда прозвище «Епачи» — «Мастер потников»), а в свободное время слагал песни, одна из которых сохранилась доныне. Семья обладала некоторым достатком, и потому отец поэта Довлетмамед, родившийся в 1700 году, не только обучился грамоте в начальной сельской школе — мектебе, но получил возможность продолжить и завершить образование в Хиве — одном из центров мусульманской учености (светского образования тогда не существовало). Довлетмамед возвратился на родину, занялся, как и отец, земледелием, однако наряду с этим сделался школьным учителем, а главное — стал слагать стихи на уровне лучших образцов современной ему поэзии, так что довольно скоро приобрел широкую известность как поэт, под техаллусом «Азади» (от «Азад» — «Свободный»), а также наставник народа в делах морали и политики. Его именовали почтительно — Большой (или Старший) Мулла. Среди произведений Азади особенно интересна большая поэма (или трактат в стихах) «Вагзы Азад» («Свободное увещание»), содержание которой характеризует ее автора как человека высокообразованного, глубоко вникающего в социально-политические и этические вопросы.

Таким образом, личная и литературная судьба будущего поэта Махтумкули была в немалой степени predetermined семейной традицией. Тем более что отец и стал для мальчика первым, авторитетнейшим воспитателем, чье воздействие оказалось решающим для формирования личности будущего поэта и мыслителя. У Азади была собрана библиотека, и его сын, рано овладев грамотой не только на родном языке, но и на арабском и персидском, начал буквально «поглощать» книги, прежде всего поэтов мусульманского Востока, чем вызывал изумление и восхищение окружающих.

Тогда же, в годы детства и отрочества, Махтумкули приобщился к труду, привычному в семье, — к земледелию, а также ремеслам — шорному, кузнечному и ювелирному. Это формировало в душе будущего поэта любовь к простому физическому труду как источнику всех благ, раскрывало его важную роль в жизни человека и общества, еще более сближало с миром тружеников. Прямое и сильное отображение таких духовных начал мы встретим в стихах зрелого Махтумкули.

У оседлых туркмен в немалом числе существовали начальные мусульманские школы, где мальчиков в течение семи-восьми лет обучали основам исламской религиозной догматики, началам этики, правилам поведения мусульманина, знакомили с частью Корана («Хафтияк» — «Одна седьмая»), учили молитвам — все это по арабоязычным текстам, без предварительного изучения языка, и иногда

знакомили с религиозно-философскими произведениями ряда восточных поэтов, частично уже на родном (тюркском) языке, а также на персидском, который в долине Атрека понимали. Результаты этой своеобразной системы начального образования были зачастую весьма мизерными. Пройдя курс обучения в мектебе, многие его ученики не овладевали в достаточной степени хотя бы грамотой — такова была методика преподавания, основанная прежде всего на слепой зубрежке. Однако нельзя отвергать и другого: курс обучения в мектебах прошли многие выдающиеся люди, поднявшиеся до вершин своей национальной культуры. Окончив мектеб, а затем медресе, многие из них сами становились учителями низшей сельской школы. Можно думать, что старинный мектеб при всех его недостатках мог давать и положительные знания, стимулировать наиболее способных и добросовестных учеников к совершенствованию в основах изучавшихся там дисциплин, намечать для них пути, по которым ученики затем продолжали свое образование.

Обучаясь в мектебе (у муллы по имени Нияз-Салих, окончившего в свое время высшую духовную школу — медресе), вероятно с шести-семилетнего возраста, Махтумкули оставил далеко позади своих товарищей.

В 50-е годы, будучи, по преданию, уже известным поэтом, он оставляет родные места и отправляется в странствия, чтобы продолжить образование и увидеть мир:

Путник сядет, отдохнет
И своим путем пойдет.
Мне пределы в свой черед
Чуждых стран увидеть хочется.

Побродить в степи глухой,
Поглядеть с горы крутой, —
Мне добра и зла мирской
Океан увидеть хочется.

(«Увидеть хочется...»)

Не удивительно, что юноша-туркмен из предгорий Копетдага направляется в поисках знаний в дальние края. В 50-е годы, после убийства Надир-шаха и последовавшего затем резкого ослабления влияния Ирана, во всем регионе в отношениях между государствами наступило относительное затишье, и традиционные передвижения мирных купцов, паломников, а также будущих талибов совершались, как правило, беспрепятственно.

В те времена в родных местах Махтумкули и поблизости, в городах, пришедших в упадок — Абиверде, Мерве, — уже не оставалось сколько-нибудь значительных медресе. Здесь следует сказать, что медресе, которые были очень неодинаковы по уровню, объему и качеству преподавания (в целом отмеченного печатью мусульманской схоластики), давали больше простора натурам талантливым, одержимым страстью овладеть знаниями в масштабах своей эпохи, чем мектебы. Редкий из туркменских поэтов прошлого не прошел курса обучения в медресе, зачастую не в одном, а в нескольких. Молодой человек в 1753 году направляется в Бухарское ханство, где, в Кизыл-Аяке на Амударье (нынешняя Чарджоуская область Туркмении), при гробнице святого Идрис-Баба, существовало медресе, широко известное ученостью преподавателей — мудеррисов. Здесь, однако, Махтумкули проучился всего лишь год и оставил медресе, как считают, потому, что его мудеррис умер. На родину поэт не возвратился,¹ а отправился в столичный город Бухару, где в 1754 году сумел поступить в еще более знаменитое и старинное медресе Кокельташ.

В медресе Кокельташ поэт также проучился всего лишь год. Здесь состоялась его встреча и знакомство, переросшее в дружбу, с туркменом по имени Нури-Казым ибн Бахар, родом из Сирии, довольно молодым, но высокообразованным, увенчанным почетным духовным титулом «мавланâ».

Как и его новый друг, Махтумкули был возмущен безнравственным поведением, которым отличались многие из учащихся. Воспитанный в правилах строгой морали, он всю жизнь питал глубокое отвращение ко всякого рода порокам. Обличений порока мы находим в его стихах бесчисленное множество («Скверны бегй, соблюдая закон!..»). С особенным гневом клеймит он мусульманских духовных лиц, отступающих от суровых в своей сущности моральных заповедей ислама. Уже в эти годы наметилось чрезвычайно сложное, неоднозначное отношение поэта к исповедуемому им исламу, вероучению пророка Мухаммеда и Корану, к догматам религии и особенно к ее служителям. Оба друга покинули медресе, а затем вдвоем от-

¹ Большое стихотворение «Разговор с отцом» повествует, как Махтумкули, очевидно совсем еще молодым, просит у отца позволения отправиться в некое странствие, явно с дипломатическими целями («Тут нас благословит родной народ...», «Народ мой, все мои друзья, от слез изнемогли...»), причем упоминаются некий Языр-хан, а также Афганистан, куда, видимо, следует посольство. В какое время это происходило и состоялась ли поездка, не ясно.

правились в долгое и дальней странствие по разным странам Востока.

Уход из Бухары был также шагом к осуществлению заветного желания поэта увидеть и постичь «добра и зла мирской океан». Махтумкули и Нури-Казым побывали сперва у разных туркменских племен, где проповедовали уже сложившиеся в сознании поэта политические истины — о необходимости сплочения всех туркмен, чтобы в будущем заодно противостоять иноземным врагам. В дальнейшем оба отправились в иные страны — побывали во многих городах и местностях, ныне входящих в состав Узбекистана, Казахстана и Таджикистана, затем прошли земли нынешнего Афганистана, добрались до северных пределов Индии. Нетрудно представить, в какой степени это расширило кругозор поэта, обогатило его знаниями о мире, о людях разных национальностей, об общественных отношениях у разных народов.

Во всем, что Махтумкули наблюдал во время этого первого странствия, да практически и всю жизнь, должна быть отмечена одна доминирующая черта, в значительнейшей степени сформировавшая систему его социально-политических и философских воззрений, а также определившая тонус, окраску его восприятия внешних условий жизни и внутреннего облика его соплеменников, наконец — настрой его собственной души, постоянно отображавшийся в его стихах. Это социальная несправедливость, неравенство, многообразные формы угнетения, подавления слабых сильными, бедных — богатыми и властными, — то есть все то, на чем держался феодальный строй описываемого времени:

Я, плача, кличу друзей; не время пришло, а бред;
Рабы мы злобных людей, молитва их — звон монет.
Ах, сколько бедных детей, и каждый нищ и раздет,
И хочется, чтоб скорей прервалось течение лет!
Эпохе зваться моей безбожным временем бед!

(«Время»)

Самыми мрачными тонами окрашены многие и многие его строфы-раздумья о мире и о судьбе человека. Но наряду с этим поэт убеждает себя и тех, к кому обращается: человек может и должен встать на борьбу против тирании земного мира, искать и найти прежде всего нравственные силы противостоять злу, а затем средства реальные, какими владеет человек или сообщество людей — род, племя, союз племен, держава. И всю свою жизнь поэт ищет такие возможности, указывает на них людям в своих стихах. Творчество Махтумкули можно, в немалой степени и в немалом объеме, определить как проповедь, призыв к активной борьбе со злом, социальным

ли, нравственным, — призыв, озаренный яркими проблесками веры в конечный триумф добра. Другой вопрос — насколько успешной оказалась такая проповедь. Здесь же уместно сказать: поэт участвовал в общественной жизни своего времени как поборник добра не только строками стихов и песен: как все мужчины-туркмены его эпохи, он был воином, участвовал в битвах, томился во вражьем плену и т. д. (немного подробнее об этом — в другом разделе). Здесь важно подчеркнуть упрямую жизненную активность, характерную для всех проявлений личности Махтумкули — поэта и человека, в социальных условиях, которые можно счесть прямо-таки идеальными для того, чтобы подобную активность, жизнелюбие, оптимизм во взгляде на будущее — все это в человеческих сердцах задуть и вытравить без остатка.

3

Странствия Махтумкули с его другом из Сирии продолжались не год и не два. В 1757 году оба прибыли в Хиву — столицу ханства, город хотя и уступавший Бухаре по части учености мусульманской, но также крупный центр образования, со множеством медресе. Друзья поступают в то из них, которое по праву считалось первым во всех отношениях, — в медресе, построенное в 1713 году ханом Ширгази (тогда еще наследником престола) и носившее имя этого правителя. Медресе это было организовано лучше других, хорошо обеспечено в материальном отношении, с высоким уровнем преподавания, авторитетными и эрудированными учителями. Здесь обучались выходцы из семей, особо отмеченных ханской милостью, снискавших уважение своими заслугами. Можно предполагать, что доступ молодому Махтумкули в это привилегированное заведение открыл авторитет его отца Азади, видимо, распространившийся далеко за пределы родины.

В первый же год пребывания в хивинском медресе Махтумкули своей осведомленностью в науках, стремлением еще глубже овладеть ими завоевал всеобщее уважение как соучеников, так и преподавателей. По-видимому, теперь он завершил курс обучения, начатый еще в двух предыдущих медресе. Курс этот, по традиции, не был ограничен точным количеством лет (иные нерадивые талибы осиливали его до седых волос). Однако он требовал, чтобы учащийся овладел определенными дисциплинами, среди них основными были арабский и персидский языки, основы мусульманской догматики, Коран и толкования к нему, канонические предания, юрисдикция (право религиозное, государственное, уголовное, семейное); затем науки светские (подчас искаженные намеренно, в угоду мусульманской схоластике) — древнегреческая философия, география, основы

космогонии и естественных наук, математика элементарная (обычно лишь четыре арифметических правила и начатки алгебры); наконец — цикл серьезный, варьируемый в зависимости от вкусов и эрудиции наставника: литература, восточная поэзия. Этот цикл всегда стимулировал учащихся к собственному поэтическому творчеству, к состязаниям, упражнениям в стихотворных приемах, диспутам, подражаниям и т. п. Так что в целом, добросовестно усвоив весь курс, выпускник медресе приобретал сравнительно хорошее знание трудов прежде всего таких корифеев восточной науки, как Аль-Хорезми, Фараби, Бируни, Ибн Сина (Авиценна), получал представление о Платоне и Аристотеле. А произведения классиков поэзии Востока интудировались доскональнейшим образом, так что Фирдоуси и Омар Хайям, Саади и Хафиз, Низами и Навои, Джами, Бабур, Физули с их стихами и поэмами для многих и многих питомцев медресе становились как бы спутниками всей жизни, наставниками в трудах, если человек посвящал себя поэзии либо науке. И хотя медресе вообще выпускали множество невежд и мракобесов, в иных процветали безнравственность и пороки, преподавание было пронизано духом мусульманской схоластики (особенно пагубной в науках светских), в тех же медресе можно было при благоприятных обстоятельствах получить знания весьма глубокие и обширные для своего времени и условий своей страны. Судя по всему, это блестяще удалось Махтумкули, настолько, что уже на втором году обучения он становится помощником мудерриса, а на третьем — замещает его, когда тому случается отсутствовать.

И этот — третий — год оказался последним для Махтумкули в Хиве. В 1760 году скончался отец (по-видимому, вслед за ним и мать). На смерть горячо любимого отца поэт отозвался прочувствованной элегией:

Рок! Ты солнце мое черным платом забрал,
Ты веселье у бедного сердца украл.
Счастья нет для Фраги, веру он потерял.
Где ты, честь моя, где мой отец — Азади?

(«Смерть отца»)

В родных местах поэта сложилось тревожное положение — очевидно, вспыхнула одна из распрей, обычных между туркменами и соседними феодалами, полузависимыми от правительства Ирана, которые осмелели в условиях внутриполитического безвременья, затянувшегося после гибели Надир-шаха. Соплеменники, по всей вероятности, просили Махтумкули вернуться на родину, помочь им в тяжкую годину, возможно, в какой-то степени заменить Азади, кото-

рый был для народа мудрым наставником. И Махтумкули внял их призыву. Прощаясь с медресе, он говорит:

Нам знание дано как заповедь небес.
Ты просветил меня и ввел в тайник словес.
Но требует меня к себе родной гёркез...
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!
(«Прекрасный Ширгази»)

В этом же стихотворении Махтумкули обещает возвратиться в столь полюбившееся ему учебное заведение. Однако осуществиться этому было не суждено. Начался новый период жизни поэта, о котором сведений у нас еще меньше, чем о предыдущих. Более того, некоторые события его жизни, притом важнейшие, невозможно отнести к тому или иному периоду биографии поэта. Вот первое. Все известия единодушны: в юные годы Махтумкули полюбил в родном селе девушку из бедной семьи по имени Менгли. Любовь, очевидно, была взаимной:

Пространство и время любви подчинились могучей;
Соскучась по светлому лику и речи певучей,
На землю слетает звезда за звездою падучей;
С блаженными розами ветер играет летучий...
Красавица нежная, как лепесток, — есть у меня.
(«Есть у меня»)

Соединить свои судьбы влюбленным, однако, не удалось:

Я безумец, я нищий, сожгите меня, мотылька!
Что мне делать на свете? Как небо, Менгли далека.
Что мне райские рощи, когда я лишен цветника,
Без которого душу терзает такая тоска,
Что рыданий подобных в аду не слышали, Менгли!
(«Менгли». I)

Невозможно определить, в какой период своей жизни Махтумкули сложил эти пронзительные строки. С уверенностью можно лишь сказать, что до своего последнего вздоха он хранил в душе неутоленную любовь к этой девушке, пробудившей в нем первое чувство, оставшееся единственным. На деле же все произошло по законам среды и эпохи: семья Махтумкули, хотя и не из беднейших, не смогла дать за его невесту требуемый калым — выкуп, освященный нормами адата и шарната, недоступный для бедняков, исключительно ради выгоды богачей. Один из таких богачей — бай по имени Ши-

ним Харпык — сумел уплатить калым, за что и получил Менгли в качестве второй или третьей жены, — а все они, кроме первой, жили практически на положении невольниц. Такова была судьба тысяч и тысяч туркменских женщин на протяжении веков.

Это горестное событие легло еще одним камнем на сердце поэта, который в дальнейшем для себя, как о том свидетельствуют почти все его стихи, уже не искал личного счастья, хотя можно предположить, что в годы ученья и первого странствия по Востоку он имел семью.

Его женитьба прямо связана с трагическими событиями, коснувшимися семьи Довлетмамеда Азади, имевшего многочисленное потомство. Достоверно известно о существовании двух старших братьев Махтумкули. Один из них — Абдулла — был участником посольства к могущественному властителю Ахмед-шаху. Это посольство не вернулось — то ли погибло в пути, то ли попало в плен. На поиски пропавших направился с джигитами второй брат, Мамедсапа, но их постигла та же участь:

О, тяжкая доля у матери взятых сирот!
За месяцем месяц, за годом сменяется год.
Не видел ли кто их? Скажи мне, заезжий народ.
Вернулась луна из пустыни. Они не вернулись.

(«Они не вернулись»)

Потеря старших братьев, по-видимому горячо любимых (в особенности это касается Абдуллы, вечной разлуке с которым поэт посвятил цикл стихотворений), была для Махтумкули еще одним тяжким ударом, усилившим в его душе пессимистические настроения. Гибель братьев имела и важное последствие для него лично. У одного из них осталась молодая вдова по имени Аккыз. Ее-то и решили, оставив в лоне семьи, выдать замуж за Махтумкули, согласно обычаю левирата, широко распространенному у многих народов. Примечательно, что до нас не дошло ни единой строки Махтумкули, посвященной этой женщине, оставшейся с ним до конца его жизни. Это, разумеется, лишь косвенным образом может охарактеризовать сложившиеся в семье супружеские отношения. О том, что они не были исполнены согласия и взаимной любви, свидетельствуют многие и многие строки стихов Махтумкули, где он, подводя итоги жизни, говорит, что она обделила его радостями, истерзала невзгодами, обрекла на многие горести и мученья.

Что ты сделал, садовник-рок?
Пал на розы морозный иней,

Обмелел мой речной поток,
Нет горы на моей равнине.

...Злые муки тебя сожгли,
Собеседники прочь ушли.
Плачь, несчастный Махтумкули,
Называйся Фраги отныне.

(«Фраги»)

Двоих своих сыновей, Сары и Ибраима, Махтумкули горячо любил, об этом мы можем судить по его элегиям на кончину обоих — мальчики умерли, когда одному было двенадцать лет, другому — семь. Одна из элегий (из цикла «На смерть сына») строится на основе характерного для Махтумкули приема — серии риторических вопросов о том, как реагировали бы на утрату своего потомства различные животные, причем человек уподобляется им в этих проявлениях чувств:

Махтумкули! И зверь свой любит род,
Но смерть хитра. Все гибнут в свой черед.
Когда дитя родное вдруг умрет —
Печальной песней не излиться

можно ль?

(«Скажите лжецам и глупцам...»)

В одном из стихотворений того же цикла у Махтумкули есть такие слова: «Он мертв. Из Хивы я три дня скакал...» («Сын. 1. Смерть»). Это определенно указывает, что семья и дети у поэта появились еще до его отъезда из Хивы в 1760 году. В данном случае три дня, чтобы преодолеть верхом сотни верст от Хивы до Атрека через самое сердце пустыни Каракум, — срок не реальный, а символический.

Вернувшись на родину из Хивы, поэт, как уже говорилось, продолжал заниматься крестьянским трудом, а также ювелирным ремеслом. Но теперь помимо непрекращающейся деятельности поэта, певца он принял на себя еще и обязанности муллы — учителя в сельском мектебе, очевидно унаследовав их от отца. С уверенностью можно сказать: мектеб, в котором преподавали сперва Азади, затем Махтумкули, не мог не выделяться среди других как лучший во всех отношениях, ибо преподавателей отличали два качества: образованность и гуманность.

В описываемый период жизни — от 1760 года до кончины — Махтумкули совершил еще одно странствие, на сей раз к северу и западу от родных мест. Известно, что он побывал на полуострове

Мангышлак, в пределах России — в Астрахани,¹ на территории современного Азербайджана и, наконец, в странах Ближнего Востока, и в частности в Турции, собственно Иране. Вызванное неутоленной и в зрелые годы страстью Махтумкули увидеть и познать в мире как можно больше, это путешествие также обогатило поэта новыми впечатлениями, отразившимися в его стихах.

Путешествие в Закавказье вдохновило поэта на ряд стихотворений. Настроение поэта, как и обстановку в тех местах, характеризуют такие строки одного из них:

Наш путь — в Нуху, дороги далеки,
Но там милы для глаз и горы, и равнины.
Мы обойдем с тобой сады и цветники,
И рощи встретят нас напевом соловьиным.

... Там сахарный тростник, обильная еда,
Там перед братом брат не гнется никогда.

(«Наш путь — в Нуху, дороги далеки...»)

В других строфах говорится, что в этой стране легко живется беднякам, которые дружны со знатыми. Трудно судить, до какой степени это соответствовало политической реальности тогдашнего Шекинского ханства, столицей которого был город-крепость Нуха. В этих строках отчетливо звучит стремление поэта нарисовать своего рода социальную утопию, используя картины природы и быта, которые, видимо, произвели на него самое отрадное впечатление.

Тем временем на родине Махтумкули политическая обстановка складывалась до крайности тягостно и безотраднo. Центральная власть ослабла, зато усилились феодальные правители на окраинах. Произволу таких правителей малочисленные гоклены далеко не всегда способны были дать должный отпор. Они все же пытались вооруженной рукой отстоять свои земли от грабительских посягательств.

¹ Заслуживает внимания отрезок маршрута: Мангышлак — Астрахань. На полуострове Мангышлак, да и по всему восточному побережью Каспийского моря, от пределов Ирана на юге до границ России на севере, жили йомуды — отважные мореходы-рыбаки, порой не брезговавшие пиратским промыслом. Соседи гокленов, они чаще враждовали с ними, подстрекаемые иранскими властями, чем поддерживали дружеские отношения. И все-таки Махтумкули оказался на Мангышлаке — в среде йомудов, а они находились в регулярных сношениях с Россией. Попытку осмыслить тему «Махтумкули и Россия» на основе косвенных свидетельств предпринял туркменский писатель и поэт Аллаберды Хандов в своей поэме о Махтумкули «Последний раб» (перевод на русский язык Анатолия Шалашова).

Последние годы жизни Махтумкули проходили, по-видимому, уже в период правления в Иране Ага-Мухаммед-хана (1783—1797), который, как и его предшественник Надир, был убит в результате заговора придворных, однако прежде успел провозгласить себя шахом и основать династию Каджаров (правила до 1925 года).

Роль поэта в событиях эпохи, судьбах родины, его облик, как он отобразился в сознании народа, ярко рисует предание о том, что во время одного из вражеских нашествий Махтумкули вместе со своей матерью, ее братом и зятем были захвачены в плен и увезены в Шираз, где правитель (очевидно, Керим-хан Зенд), пожелав освободить одного из пленников, предложил матери выбрать его. Она указала на своего брата. Тогда правитель спросил у нее, что умеет делать ее сын. Она ответила, что сын — поэт. Вызванный к правителю, Махтумкули, согласно преданию, прочитал ему в лицо стихотворение «Судил йомудам и гокленам бог...», в котором говорилось о единстве туркменских племен, которое грозит поражением и гибелью их врагам. Правитель, потрясенный услышанным, восхищенный мужеством Махтумкули и его поэтическим мастерством, велел отпустить всех четырех пленников.

Во многих стихотворениях Махтумкули мы находим мотив поисков истины в многообразии жизненных явлений. В гиперболизированной форме поэт выражает свою растерянность, даже смятение перед изменчивостью и разноликостью мира, говорит, что ему нужен духовный руководитель, подобный тому, каким для него был отец — Азади («Наставника в пустыне века, успокоенья дар ишу...»).

Сам Махтумкули, всю жизнь оставаясь правоверным мусульманином, уже в молодые годы постиг идейную и нравственную несостоятельность многих и многих служителей ортодоксального ислама. Традицией образованных людей мусульманского Востока издавна было в поисках религиозно-философской истины обращаться к неортодоксальным течениям и толкам в мусульманстве, в особенности к суфизму. Представители этого течения, также неоднородного по составу, в утонченно-поэтической форме проповедовали аскетизм, равенство в общественных отношениях, возможности для человека непосредственного мистического общения с божеством, особенно приятательные для людей мыслящих, остро ощущающих несовершенство социального строя, а также идеологии правоверного ислама. Стремление приобщиться к суфизму, обрести духовного наставника в лице одного из суфийских проповедников своего времени, сделать его мюридом, послушником испытал и Махтумкули. Таким наставником мог для него стать Ниязкули-халыпá, живший в районе Дарганата. По преданию, Махтумкули отправился к нему, но тот не пожелал даже принять гостя, под тем предлогом, что он светский поэт

и, значит, приверженец дьявола. Уже и прежде Махтумкули подозревал суфийских старейшин в лицемерии, нарушении догматов, ими же самими проповедуемых. Это ощущается в одном из стихотворений «К самым достойным старцам...», созданном после неудачи со вступлением в «орден» суфиев, которых он отныне презирает:

К самым достойным старцам смерть постучится в дверь,
Солнце для них погаснет и не взойдет луна,
Лисы, собак не видя, думают, что теперь
Лев их добычей легкой станет во время сна.

.. Пляшущую блудницу старцы благодарят.
Семьдесят лет прожили — каяться не хотят.
И раздробить Каабу вероотступник рад,
Были бы только деньги — сходной была б цена!

.. Нет, не найти покоя: горечь и боль вокруг.
Прежде я верил другу — оклеветал и друг,
Сердцу давно постыла эта обитель мук...
Если бы знать, где счастья солнечная страна!

Несмотря на пессимистические настроения, явственные обозначившиеся в натуре и творчестве Махтумкули на склоне жизни, оптимистическое начало, светлый взгляд на мир в конечном счете всегда преобладают в его стихах. Вера в лучшее будущее никогда не оставляла поэта. Хотя настоящее не радовало его до самой кончины — последние годы поэта совпали с периодом, когда его народ тяжело страдал от захватнических набегов иноземных правителей.

Могила поэта — в районе селения Ак-Тогай, рядом с могилой Азади (ныне на территории Ирана).

4

Поэтический гений Махтумкули развивался и мужал на исключительно богатой ниве художественного творчества, словесного и музыкального. На этой ниве самое древнее, прочное, освященное тысячелетнюю традицией — это произведения тюркского фольклора: народные песни и сказания, поговорки, пословицы, афоризмы. Все эти богатства были порождены духовной жизнью народа, почти не знавшего грамоты, являясь воплощением его исторической памяти, его идеалов и жизненных заповедей, чувств, переживаний и чаяний.

Вторым источником творческого вдохновения и поэтического мастерства для Махтумкули явилась богатейшая литература народов Средней Азии, на арабском, персидском и тюркском языках, основан-

ная также на фольклоре: ее произведения — дестаны, поэмы, сказки, предания, песни — представляли собой преимущественно творчески обработанные поэтами фольклорные сюжеты (или же циклы сюжетов). Вспомним известный цикл арабских сказок «1001 ночь», грандиозную эпическую поэму «Шахнаме» иранца Фирдоуси, а также героический дестан «Гёр-оглы», названный по имени его главного героя и, возможно, автора содержащихся в произведении песен — легендарного тюркского богатыря, которого многие народы не без основания называют «своим». В сфере идейно-художественной у Махтумкули можно отметить немало точек соприкосновения с классиком узбекской литературы Навои, выдающимися таджикско-персидскими поэтами Джами и Омаром Хайямом. Наконец, сказалось несомненно и прямое влияние отца — поэта Азади.

XVIII столетие принято считать «золотым веком» туркменской поэзии. Для более раннего периода трудно указать сколько-нибудь известных поэтов, о которых доподлинно известно, что они были туркменами, жили и творили в среде своего народа. Так, Мухаммед Байрам-хан, родом туркмен, чьи произведения дошли до нас, был крупным сановником при дворе императоров Индии (Великих Моголов), где и провел значительную часть жизни (первая половина XVI века). Но уже для XVIII столетия мы можем назвать целую плеяду поэтов собственно туркменских, что свидетельствует о наличии на территориях, населенных туркменами, определенной литературной среды. Это прежде всего Андалиб (Индалиб), старший современник Махтумкули, живший в Хивинском ханстве, автор не только стихотворений, но и поэм, дестанов, в которых влияние исламской идеологии ощущалось сильнее, чем у других авторов. Это Магрупи, поэт из Ахала, близкий к военно-феодалной верхушке, тем не менее, по-видимому, личный друг Махтумкули. Далее нужно назвать Гаиби, крупного поэта и видного священнослужителя умеренно-либерального толка из Бухары. Еще Шейдаи — певца-лирика и автора дестанов, возможно из Тедженского оазиса; Хатам-шахира, ровесника Махтумкули, проведшего жизнь на северо-западе туркменской земли, бывавшего и в Астрахани (вспомним поездку Махтумкули в этот город), в чьих стихах получили отголосок события, связанные с восстанием под водительством Емельяна Пугачева (туркмены были в числе участников восстания).

Каждый из туркменских поэтов того времени сделал свой вклад в сокровищницу мысли и художественного творчества народа. Но по величине и ценности такого вклада ни один из них не может сравниться с Махтумкули. Народная память, в рукописях и в устной традиции, сохранила исключительно большое количество произведений Махтумкули. И прежде всего потому, что созданное им резко выделяется глубиной мысли, соответствием народному идеалу, точностью

отображения народной жизни, в такой поэтической форме, которая, отличаясь высоким совершенством и многообразием, в то же время близка и доступна читателям (слушателям), как высокообразованным, так и совершенно чуждым книжной учености, одинаково способна вызвать сопереживание у тех и других. Махтумкули сумел в высокой степени постигнуть и в своей поэтической практике претворить, переплавить лучшие, сильнейшие черты каждого из источников, на основе которых сложился его собственный поэтический гений. От фольклора кочевников-тюрок — близость народному мышлению, простота речи, при ее смысловой насыщенности и афористичности, системе образов, привычных для слушателей, органичных для их жизненной практики в прошлом и настоящем. От книжной поэзии своего и соседних народов — сюжеты и персонажи, также ставшие привычными народу символами важнейших представлений, наконец, многообразие и утонченность стихотворной формы, средства которой умело и точно используются, чтобы как можно ярче выразить содержание.

Приобщившись к миру поэзии в детстве благодаря отцу, Махтумкули, по-видимому, довольно рано осознал собственное поэтическое призвание. Об этом он, в завуалированной форме, окрашенной мистицизмом, поведал в ряде стихотворений — «Ныне», «Сердце», «Откровение». В «Откровении» поэт пересказывает якобы вещий сон, в котором ему явились некие посланники и увезли его к пророку Мухаммеду, первым халифам и другим мусульманским святым самого высокого ранга. Поэта подвергли краткому допросу, и пророк определил: «Он жаждой обуян», после чего приказал пришельцу испить чашу с неким напитком.

И плоть мою на муки обрekli.
Я выпил всё, что в чаше принесли;
Сгорел мой разум, я лежал в пыли...
«Мир — пред тобой. Иди, взирай!» — сказали.

Тогда я в жилы недр земных проник
И, вихрем встав, седьмых небес достиг.
И мне: «Теперь ты властен в краткий миг
Окинуть взором звездный рай!» — сказали.

Открылись мне далекие края
И тайные движенья бытия...

В финале четыре халифа дали поэту последнее наставление: «Теперь блуждай из края в край!» Так поэт объясняет и свою неутолимую жажду познания мира, и свою способность постигать его глубинную сущность, и, наконец, собственную духовную миссию среди

людей. Именно таким и воспринимали Махтумкули его соотечественники во всех краях туркменской земли. Исследователи уже обращали внимание на идейно-тематическое и отчасти даже формальное сходство этого стихотворения Махтумкули с пушкинским «Пророком». В последнем ошутимы отголоски библейской легенды, Махтумкули же использует образы легенд мусульманских, которые, в свою очередь, впитали многое из Библии; так что сходство почти одно-темных стихотворений двух гениев мировой поэзии представляется неслучайным.

«Душа — царица тела, — говорил Махтумкули. — Слово — его свободное крыло». Для туркмена той эпохи наиболее доходчивым и эмоционально действенным было слово поэтическое, песенное. Подавляющее большинство стихотворений Махтумкули с одинаковым основанием можно считать песнями, их и исполняли певцы и сказители — бахши, как и сам автор, в сопровождении игры на дутаре, под мелодии, которые складывались часто как импровизация и заучивались на память (нотной грамоты туркмены не знали). Почти все стихотворные произведения Махтумкули (не считая нескольких дошедших до нас поэм) невелики по объему, а по содержанию чаще всего представляют собой цепь раздумий поэта о мире, о человеке, об обществе и морали, по сути бессюжетных, скрепляемых одной идеей и оживляемых аллегориями из библейских и иных легенд, исторических преданий, из мира природы, реального быта и т. п. Еще одна категория произведений — стихи патриотические, героические, передающие представления поэта о независимости, могуществе и процветании родины, обличающие тиранию и т. д. Наконец — любовная лирика, часто с философским уклоном, порой откровенно биографического свойства; в стихотворениях этого плана динамика достигается тем, что автор (повествующий от своего имени) открывает в возлюбленной и образно живописует все новые и новые свойства, а также повествует о своем все более глубоком постижении их. События жизни поэта отображены в элегиях (на смерть отца, сына, влиятельных соплеменников, потерю братьев и т. д.), всегда насыщенных социальным смыслом и богатых символическими образами. Особый жанр, излюбленный последователями Махтумкули, представляют собой стихотворные диалоги либо с реальным автором-современником, скорее всего импровизации в ходе поэтического состязания на празднестве — тое («Дай ответ — ответ даем»; уже упоминавшийся «Разговор с отцом»), либо с воображаемым собеседником («Ответы» — диалог с пророком Хызром). Результатом книжной образованности являются такие произведения, как «Видел я», «Юсуп» и «Повесть о Юсупе» (небольшая поэма); на темы библейской мифологии, усвоенной Кораном. Сюда же нужно отнести поэмы, един-

ственно обладающие сюжетами — «Подвиг Али» и «Голубь», прославляющие Али, четвертого халифа — личность, наделяемую высокими добродетелями в исторических хрониках и преданиях.

5

В жизни и творчестве большого поэта неизменно наступает пора, когда он вплотную подходит к кардинальным проблемам мироздания, глубоко задумывается над ними, в стремлении решить их для себя, для современников и потомков. Многие произведения Махтумкули озаменованы поисками ответов на «вечные» вопросы. В некоторых он четко выражает свое понимание природы всего сущего:

Широким взором мир окинь:
Он вечно юн и нов — увидишь,
Джемшидов, Искандеров труд,
Создания веков — увидишь.

...Земли и неба волшебство,
Всё, что живет, всё, что мертво,
Всё создано из ничего —
Весь этот мир таков — увидишь.

...Внемли речам Махтумкули:
Всё смертно, всем нам тлеть в пыли.
Но нету смерти у Земли,
Не рухнет тверди кров — увидишь!

(«Широким взором мир окинь...»)

Перед нами — вполне материалистическое постижение основ мироздания в образно-поэтической форме. Здесь нет даже следа религиозного образа мышления (в целом характерного для Махтумкули, как и для самых просвещенных из его современников). Махтумкули отнюдь не был и не мог быть атеистом, последовательным материалистом в вопросах философских и социальных. Однако характер его религиозности таков, что богу — Аллаху — он отводит главенствующую роль скорее в вопросах нравственных, как арбитру добра и зла и отношениям между людьми, карателю злых и бесчестных. Еще одна мифическая сила, распоряжающаяся миром, — это рок, судьба. Рок в стихотворениях Махтумкули вырисовывается как образно-поэтическое представление (не обязательно связанное с исламской догматикой и мифологией) о силе непостижимой и неодолимой, которой подвластно все сущее, прежде всего в окружении человека. И действует эта сила, обычно злобная, несущая смерть и разрушение, в

стихах Махтумкули, когда он изображает отношения людей или связь человека с внешним миром не в реальных, а в обобщенно-символических образах и тонах. По-иному звучат стихи, в которых поэт выражает стремление к материалистическому постижению мира.

.. Мир исполненный жизни и мир преходящий и
тленный
Лишь познавшему мудрость является попеременно.
Жизнь без истины в мире подобна монете разменной. . .
(«Новруз»)

Высказываний о материалистическом постижении живой и неживой природы, глубоких по смыслу и пространных, у поэта немало («Как благостна, мудра и тайн полна природа!»). Наиболее интересной в этой связи представляется небольшая поэма, в переводе озаглавленная «Природа». По своему основному содержанию поэма представляет собой логически взаимосвязанную цепь афористических высказываний, которыми персонифицированные «Алчность», «Сердце», «Перо», затем наделенные речью животные и птицы кратко и точно характеризуют свою собственную сущность в духе, привычном для фольклора и литературы Востока. Для натурфилософских воззрений самого Махтумкули характерно введение к первой части этого произведения («Семь цветов мира»):

Постигая бытия
Многоцветный океан,
Славит радость плоть моя,
Дух мой песней обуян.

От печали пропадешь,
Если правде предпочтешь
Обольстительную ложь,
Соблазнительный обман.

Зеленеющим лугам,
Розовеющим садам —
Путь добра — взгляни, Адам! —
Всея земной природе дан.

Природа обычно воспринимается и рисуется в радужных тонах, как средоточие добра, духовного наслаждения и материальных благ для человека. В особенности, если это природа родной земли, пейзаж которой дается в реалистическом контексте, без всякой отвлеченной символики. Из ощущения неразрывной связи с нею у поэта выросло и развилось глубокое и сильное чувство патриотизма — одно из важ-

нейших слагаемых его духовного мира, получившее яркое воплощение в стихах. Картину природного изобилия и народного благоденствия рисует стихотворение, целиком представляющее собой пейзаж долины Гургена, который, как и провинция Мазандеран, в стихах Махтумкули нередко выступает как синоним понятия родины.

Вершины горные: туманы там и тут;
Морского ветра вой среди высот Гургена;
Когда промчится дождь, — безумствуя, ревут
Потоки мутные вспененных вод Гургена.

Леса густые; там по берегам тростник;
Красавиц в серебре блестит живой цветник;
Там серая овца, конь белый, черный бык,
Там буйвол есть и тур: обилен скот Гургена!

Там неров с майями тяжелые ряды;
Купцы, погонщики толкутся у воды;
И всюду высятся слоистые гряды
Непоколебимых скал — как бы оплот Гургена!

(«Гурген»)

В столь же отраднѣх тонах предстает социальная утопия в строфах стихотворения «Будущее Туркмении», где говорится о светлом будущем страны и объединившегося народа. Соотечественники поэта через всю жизнь пронесли любовь к родине, невзирая на то, даже вопреки тому, что родина далеко не всегда и не для каждого была любящей матерью, обителью благоденствия. Произведения лучших художников слова, в первую очередь Махтумкули, дают нам свидетельство той участи, которая была уготована бедняку на землях туркмен, где царили чужеземный гнет и жестокий произвол своих владык, светских и духовных, — ханов, беков, ишанов, где иной всю жизнь страдал от холода и голода, не имея клочка земли, крова над головой, лишнего куска хлеба для семьи. При всем том Махтумкули твердо считал высшим нравственным долгом человека любить и, не щадя жизни, защищать родную землю. Неисполнение этого долга поэт, выражая идеал своих современников, считал гнуснейшим из пороков.

Махтумкули с презрением клеймил трусов и вместе с этим воспевал храбрых воинов — борцов за родную землю. Сын воинственного народа, сам воин, в эпоху, когда споры между народами решались почти исключительно силой оружия, Махтумкули во множестве вдохновенных строк нарисовал обобщенный образ джигита:

За честь страны, за свой народ
Джигит со славою умрет.

Кто справедливости оплот,
Тем рваться в бой опять пристало.

(«Блестать пристало»)

Коль счастьем одарит отважного рок,
Поддержка народа пойдет ему впрок.
Каков удалец, нам покажет клинок,
Речей остроту — словопренье покажет.

(«Сравнение покажет»)

Типичной воинскою песней, призванной вдохновить соплеменников на ратные подвиги, является стихотворение, публикуемое под заглавием «Гоклен». Здесь прямо указаны и противник — персы, и цели наступательного похода — месть за нашествие. К произведениям подобного рода относится и «Призыв», в котором автор дает реалистическую картину бесчинств, творимых врагами на туркменской земле, и зовет гокленов сплотиться для оборонительной войны.

Патриотизм — не только деятельная любовь к родине, но и скорбь о ее бедствиях. Ряд произведений Махтумкули отображает чувства его современников в связи с нашествиями чужеземцев на земли гокленов и родственных племен. Таково, к примеру, стихотворение «Что делать мне?», где описание событий имеет аллегорический характер, с использованием образов, характерных для книжной поэзии Востока («Моей торговле конец пришел до срока... В саван душа одета и страдает одиноко...»). Иного плана — «Феттах». Оно адресовано — и, возможно, было направлено — скорее всего, Ага-Мухаммед-хану, которого поэт называет «феттах» (арабское «завоеватель») и гневно обличает как безжалостного тирана, душителя свободы народов. Наряду с обличением, мотивами скорби по поводу страданий, переживаемых туркменами, здесь во весь голос звучит грозное, оказавшееся почти пророческим, предостережение победителю:

Сегодня — ты шах, завтра — пищий с сумой,
Лишенный отчизны и веры самой.
Однажды зеницы подернутся тьмой,
Умрешь, обуянный гордыней, феттах!

... Народ мой воспрянет, исполненный сил,
А ты на крови свой престол утвердил,
Ты хлеб наш насущный с отравой смесил
И сгинешь в тюрьме па чужбине, феттах!

Есть в этом стихотворении строка «За слово мое в кандалы закуешь...», как будто указывающая, что Махтумкули, слагая это стихотворение, находился во власти феттаха, во всяком случае рисковал

очень серьезно.¹ О замечательном мужестве поэта мы уже знаем из предания, повествующего о том, как он вел себя в иранском плену. Стихотворение «Судил йомудам и гокленам бог...» стало широко известным и надолго сохранилось в народной памяти, служа боевым призывом к объединению туркмен и к общему отпору врагам.

В другом произведении («Разговор с отцом») содержится намек, что Махтумкули вслед за своими братьями собирался ехать в Афганистан, чтобы его правителя сделать союзником туркмен.

Глубокая скорбь по поводу того, что туркменские племена разобщены, враждуют меж собой и практически все, хотя и в неодинаковой степени, пребывают в зависимости от чужеземцев, подвергаются гнету и разорению, проходит через все творчество Махтумкули. К единению призывал он туркмен и во время странствий, словом проповедника и особенно горячо — в своих стихах. Среди них есть и социальная утопия («Будущее Туркмении»), и высказываемые в эмоциональной форме предположения о том, чего смогли бы добиться туркмены, придя к единению:

Туркмены! Если бы мы дружно жить могли,
Мы осушили б Нил, мы б на Кульзум пришли.
Теке, йомуд, гоклен, языр и алили —
Все пять! — должны мы стать единою семьею!

(«Птица счастья»)

Сплочение, по его мысли, должно привести к созданию самостоятельного государства:

...О, дай сородичам моим
Державу прочную поставит!

(«К тебе, аллах, взываю я...»)

Махтумкули, верный заветам отца и традиции прогрессивного политического мышления, идущей от Фирдоуси, Низами, Навои, считал необходимым, чтобы государство возглавлял мудрый, просвещенный и гуманный правитель («Сгорит Гоморрой каждая страна, коль править мудрый той страной не будет»). Косвенные свидетельства указывают, что Махтумкули близко стоял к некоторым из таких людей, очевидно достойных его уважения и способных оправдать его надежды. Среди подобных свидетельств — две дошедшие до нас элегии. Первая — «Гибель Овеза» — посвящена кончине знатного человека, которого поэт называет: «Краса дружин, мощь исполни-

¹ Деятельность Махтумкули как дипломата и политика (вспомним его длительные и дальние странствия, в которых цели такого рода стояли, очевидно, не на последнем месте) — еще одна тема, ждущая исследования, которое способно дополнить важными штрихами облик великого поэта-патриота.

ская... Глава земель и вод, водитель ратных сил, муж государственный...» Исторических сведений об Овезе не сохранилось. Другая подобная личность, Чоудор-хан, более известна в истории. Военачальник и племенной вождь, он был другом поэта. Цикл элегий на кончину этого человека («Чоудор-хан») состоит из двух частей. Языком обычных гиперболизированных аллегорий здесь говорится, во-первых, о том, что хан, уже снискавший авторитет и уважение народа, ставший средоточием его надежд, куда-то удалился:

Стрела у туркмена застыла на луке.
На мир возложил ты могучие руки
И скрылся. Склонясь, обреченный на муки,
Исходит слезами Туран, Чоудор-хан!

Во второй части — жизнь героя оборвалась, его хоронят на родной земле:

Щит родины, око мое.— Чоудор-хан
Почиет среди похоронных рыданий.
Друзья, кто утешит воинственный стан
Гокленов, рыдающих о Чоудор-хане?

Связанным с ним чаяньям и надеждам суждено было сбыться не скоро. Туркменские племена долго еще оставались разрозненными и взаимно враждующими. Махтумкули с глубокой горечью подводит жизненные итоги: «О творец! Бесплодно жизнь протекла моя...» Предание гласит, что поэт и умер в еще не столь преклонном возрасте не от какого-то телесного недуга, а глубоко опечаленный тем, что туркмены по-прежнему враждуют меж собой и отдают родину на поругание врагам.

Однако в широком историческом контексте заветы Махтумкули — как это почти всегда бывает — не остались втуне. Их усвоила, прежде всего, прогрессивная туркменская поэзия последующих времен. Поэзия учила, формировала мировоззрение, ее роль сказалась и в том, что XIX столетие знает несколько ярких исторических эпизодов, когда туркмены различных племен, соединив силы, побеждали громадные полчища иранских и хивинских захватчиков, хотя бы на короткий срок обеспечив своим землям спокойствие, а главное — в душах и сознании туркмен укрепив идеи братства и сплоченности. Высокими идеалами, завещанными Махтумкули, без сомнения, вдохновлялись и те, кто стоял у колыбели молодой Туркменской Советской Республики.

Трагизмом пронизаны от начала до конца многие и многие произведения поэта:

Что стонешь ты, Махтумкули, несчастный соловей,
Клубок мятущейся тоски,местилище скорбей?!
Увы! Недуг не исцелят и тысячи врачей! . .

(«Когда придет конец»)

Несчастьем, скорбью, недугами, обманом наполнен мир. Он коварен, безжалостен, ненасытен. Все в нем непрочно, тленно. И человек не в силах этому противиться:

Мир, звенящий железом своих когтей,
Ты жаднее голодного пса, о мир!
Сколько б ты ни стяжал, не станешь сытей,
Нам для счастья даешь полчаса, о мир!

Мир мне шепчет: «Найдешь ты подругу. . .» — Ложь!
«Окажу вам любую услугу. . .» — Ложь!
«День и ночь предавайтесь досугу. . .» — Ложь!
Ты увертливей спиц колеса, о мир!

(«О мир!»)

Махтумкули не устает повторять, что человек — лишь гость на земле, что мир для него — «пятнадцатидневен». Тысячи несчастных случайностей готовы ежеминутно оборвать человеческую жизнь. Для человека, постигнувшего такие истины во всей их глубине, естественно, казалось бы, впасть в отчаянье, искать забвения хотя бы временного, призрачного. Именно на такой путь размышлений о мире и человеческой жизни нередко вставали поэты — предшественники Махтумкули в разных литературах, в частности Омар Хайям — величайший пессимист восточной поэзии: для его творчества характерен пессимизм как конечный вывод процесса постижения мира. Отсюда — мотив вина, опьянения; если жизнь коротка, мир тленен, смерть неизбежна — будем проводить жизнь в удовольствиях. Пессимизм в мироощущении у Омара Хайяма и Махтумкули имеет много общего лишь до определенной черты. На общность и различие во взглядах по этому вопросу у обоих поэтов обратил внимание известный советский востоковед Е. Э. Бертельс: «Между ними лежат шесть веков, социальные условия совершенно различные. Но можно полагать, что Махтумкули был хорошо знаком с творчеством Хайяма и что очень часто стихи Махтумкули являются своего рода критикой философии Хайяма, ставят себе задачей пресечь действия тех ее по-

ложений, которые в условиях XVIII века могли бы принести туркменскому народу существенный вред».

Из постулата: жизнь — мгновенье, смерть неизбежна — Махтумкули делает вывод, прямо противоположный тому, который в свое время был сделан Омаром Хайямом, поэтами и мыслителями пессимистического толка.

Но прежде следует вспомнить, что природу, живую и неживую, Махтумкули воспринимает со всем жизнелюбием здорового человека, который способен отвлечься от мысли о неотвратимости конца, о бренности и коварстве мира и т. п. В ряде стихотворений («Лучше», «Растет» и др.) он прямо проповедует идеи, также ничего общего не имеющие с мрачным восприятием окружающего:

Махтумкули поет искусство бога —
Вы эту песню не судите строго
И наслаждайтесь — мало жить иль много, —
Пока у вас хватает сил, друзья!

(«Повесть о Юсупе»)

То же — в связи с мусульманскими представлениями о загробной жизни:

..Но кто там знает, что в раю нас ждет?..
Земные блага для людей — желанны.

(«Желанны»)

Такие высказывания характерны для поэта с материалистической основой мироощущения, однако же не являются определяющими строй его мыслей и поступков. Определяющей является идея, противоположная идее Хайяма, — если жизнь коротка, мир жесток, смерть неотвратима, то эту короткую жизнь в жестоком мире, памятуя о смерти, нужно прожить как можно более достойно. А это значит: творить добро, неустанно трудясь, всегда стоять на стороне истины, не стяжать богатств и не стремиться к власти, не чинить зла людям. Так, на основе постижения роли и места человека в мире складывается система кардинальных нравственных понятий, проповедником которых Махтумкули был всю свою сознательную жизнь и остается в своих творениях и после смерти.

Выполнением собственной заповеди — служить добру и правде, невзирая на краткость земной жизни и неотвратимость конца, — была по существу вся деятельность Махтумкули на поприще общественно-политическом, как воина и дипломата, проповедника единства нации, борца за независимость родины, готовившего для нее достойное, светлое будущее. Его патриотическая, героическая поэзия — неопро-

вержимое доказательство того, что в натуре поэта жизнеутверждающие начала преобладали над пессимистическими.

Труд, деятельность человека в мире — для Махтумкули понятия весьма емкие и многогранные, которым он посвятил немало вдохновенных строк:

..Что в землю ни бросай — всё впрок,
Посев твой не зачах, растет.

(«Растет»)

..Чтоб жизнь свою не проспять, трудись, пока молодой.

..Садом будь — не сухой полынью и лебедой.

(«Пока не умер»)

Любовь к труду Махтумкули считал одной из высших человеческих добродетелей, с гневом обличал лентяев, тунеядцев. Благородный труд — вырастить детей, и Махтумкули наставляет: усилия воспитателя окупятся благом для него же («Хороший сын — опора в трудный час», «Сын лжив — тогда отец бедняга.. С правдивым — беды нипочем!»).

Сферой деятельности человека, хотя и специфической, но для соплеменников Махтумкули важнейшей, является область военного дела. Патриотические стихи великого поэта полны призывами к справедливой войне против иноземной тирании, за свободу и достоинство родины. Воинскую доблесть, готовность ответить ударом на вражеский удар прославляют и дидактические стихи Махтумкули. В основе их — активное отношение к действительности, характерное для туркменской поэзии, в отличие от созерцательной персидской литературы.

Назначение человека — творить добро на земле, в этом мире — утверждает Махтумкули всем своим творчеством и личным примером члена современного ему общества. Притом человек в этом деле обязан спешить — ибо жизнь быстротечна, нить ее непрочна:

Пусть жизни бездонна река,
Ты здесь не пребудешь века,
И юность твоя коротка.
Трудись же, старайся, не спи!

(«Не спи!»)

..Настанет срок — сойдешь в немое царство, —
Ни дня, ни часа даром не теряй!

(«Наставление»)

Любой труд почетен для человека, но его высшее призвание — служить истине и проповедовать ее среди людей. Можно утверждать,

что понятие «истина», по Махтумкули, объемлет главные нравственные заповеди, формулируемые им в стихах, главным образом дидактических, причем основу таких заповедей составляют счастье и благополучие человека на земле, его собственная душевная гармония, мир и доброжелательство в отношениях между людьми. Поэт справедливо ставит себе в заслугу то, что всегда утверждал Истину как высший идеал словом и делом:

Я, Махтумкули, весь пыл
В службу Истине вложил. . .
(«Тот, кто в Истину влюблен. . .»)

В ряде стихотворений он утверждает, что с проповедью истины невозможно медлить, как и с выполнением прочих земных обязанностей человека. Многие с готовностью ждут такой проповеди («Что у истины мало приверженцев — ложь!»), и потому откладывать ее — недостойно того, кто к истине приобщился:

Махтумкули, гони печаль из темных недр своей души,
Успокоение и лень в усталом сердце задуши.
Не жди, пока проснутся все, восстань и действовать спеши.
Не говори: мол, не поймут, — голов пытливых много.
(«Сто тысяч путников. . .»)

Эти слова — яркое свидетельство оптимизма, который в природе и мироощущении Махтумкули в конечном счете преобладает над мотивами безысходности, отчаянья, бесплодности стремления к добру и т. п. Верой поэта в то, что голос его будет услышан людьми, обусловлена его неустанная деятельность в роли проповедника тех начал, которые составляют истину в его понимании.

7

Махтумкули нередко обращал взгляд в будущее, намечая, на основе понятий своего времени, контуры идеального сообщества людей на его родной земле. Создав у себя в сознании такого рода идеальный образец (хотя и далекий от завершенности в деталях) и ориентируясь на него, поэт критическим взором оглядывает социальный строй, существовавший в его эпоху. Хотя Махтумкули находил теплые тона, чтобы живописать повседневную жизнь своих соплеменников, призывал их до последнего вздоха защищать родную землю, но как человек, наделенный могучим, всеобъемлющим умом и пламенным сердцем, глубоко проникал в сущность отрицательных явлений общественного бытия, глубоко скорбел о них и ради их искоре-

нения отдавал все свои силы. В туркменском обществе его эпохи происходило интенсивное формирование феодального уклада; патриархальная община древних кочевников разлагалась на противоположные классы богатых и бедных, угнетателей и угнетаемых. Под влиянием более развитых соседей у туркмен все глубже укоренялись товарно-денежные отношения, что открывало новые возможности богатым и знатным для закабаления простых тружеников.

В произведениях Махтумкули мы находим немало горестных обличений современного ему общественного порядка:

О братья, какие пришли времена!
Никчемные люди — в чести, знамениты...
Земля злодеяний и бедствий полна.
Во мраке лежит она, скорбью повита.

...У беков других в подчинении — бек.
Поносит хорошего злой человек.
Сосед на соседа свершает набег.
«Коль ты послабей — погибай, пропади ты!»

...Посевы мираб не снабжает водой.
Дайхане копаются в глине сухой.
Повсюду — разор, запустенье, застой,
Арыки забиты, дороги разбиты...

(«О братья, какие пришли времена!..»)

В этом стихотворении, одном из наиболее характерных для социально-обличительной линии творчества Махтумкули, есть еще такие строки:

Богач-лихоимец всечасно готов
Последнее взять у сирот и у вдов...
Богач пожалеет несчастному грош.

Закономерным следствием имущественного расслоения представляется моральный упадок во всех сферах жизни:

Но «Больше давай!» — повторяет мулла,
И нету неправедным судьям числа.
А если на битву страна позвала —
Нет сабли и пики в руках у джигита.

Дальше говорится: «Утрачена вера, обычаев нет», «Надменные бии без бога живут», «Распущенной стала у нас молодежь». Стихо-

творенье «Безвремье» дает гнетущую картину социального упадка. Среди его причин указываются и внешнеполитические («Гурген пересечен врагами...», «Шах, как змея, народ язвит»). В этом же ряду — «Примета», «Распад», «Не разобрать», с апелляцией к религиозному представлению о добре и зле, с налетом мистицизма.

Для Махтумкули и его современников естественно было искать социальный идеал не столько в будущем (которое представлялось в самых общих чертах), сколько в прошлом, — его-то знали и помнили очень хорошо, а к тому же идеализировали по обыкновению всех времен и народов. Тревогой по поводу нравственного оскудения общества порождено стремление поэта уберечь своих соплеменников от нравственной скверны во всех ее проявлениях, утрачиваемые добродетели представить как драгоценнейшее достояние человечества. Отсюда обилие у него стихов дидактических, назидательных, поучающих, увещевающих, в виде законченных стихотворений, отдельных строф или высказываний: «Не пристало», «Не будь!», «Да не будет!», «На себя взгляни», «Различия», «Двенадцать советов», «Наставление», «Назидание» и т. д.

Махтумкули не однажды возвеличивает человеческую мудрость, противопоставляя мудрого глупцу:

Коль ты умен — с учеными дружи;
Знай: лишь глупец невежде другом станет...
(«На себя взгляни»)

Одной из высших добродетелей человека поэт считает воинскую доблесть. Воспевает это качество поэт почти всегда способом антитезы, противопоставляя храбреца трусу. Трусость почитается гнуснейшим из пороков, ради обличения которого Махтумкули не жалеет сильных выражений:

Я сотню трусов не моргнув готов отдать за смельчака:
Он защитит родной народ. Надежна храброго рука.
А трусу чудятся враги и в дуновенье ветерка.
Поскачет без оглядки он, судьбу позорную найдя.

(«Найдя»)

Восхваляя храбрость в бою, Махтумкули призывал учиться воинскому мастерству, перечислял качества, которыми должен обладать храбрый и умелый воин (каждое из них уподобляется главному качеству того или иного животного: сила, воля, отвага — как у льва, чуткость — как у журавля, коварство — как у лисы, терпеливость — как у собаки и т. д.). Частично он касается этого в стихотворении

«Нужна», высказывания подобного рода рассеяны и в других произведениях.¹

Не менее достойным человеческим качеством Махтумкули считает щедрость («Щедрость — клад»), скупцов же подвергает суровому осуждению. Поэт неоднократно напоминает своим современникам о необходимости постоянно быть сдержанным в речах («Молчанье — слов дороже»), стараться не доверять важных тайн врагу, глушцу, болтуну. Важное значение поэт придает учтивости, вежливости, умению сохранять достоинство в сложных ситуациях (к примеру, испытывая голод, не кидаться на пищу, ждать приглашения к трапезе, насыщаться в меру и т. д.). Решительно осуждаются воровство, прелюбодеяние, вероломство, мстительность, клевета, сварливость, притворство, зависть, безрассудная горячность и тому подобные дурные качества и поступки.

Так же, без обиняков, с иронией, беспощадною насмешкой, а то и с сарказмом, Махтумкули ополчается против пороков, очевидно уже укоренившихся в окружающей среде, — куренья, в частности употребления наркотических смесей (нас, анаша), пьянства (распространявшегося под влиянием шиитского Ирана, где ислам не смог до конца вытравить домусульманскую традицию винопития).

С позиций практической морали поэт в целом ряде случаев трактует вопросы семейной жизни — призывает быть осмотрительным при выборе невесты, обращать внимание на ее нравственные качества, воспитанность, мягкость в обращении, хозяйственность, чистоплотность и т. д. Сурово осуждает практику многоженства, хотя и освященную законом шариата («Когда смельчак двух жен себе добудет...»). Сдержанной горечью, идущей от собственной несчастливо сложившейся судьбы, проникнуто грустное стихотворение «Женись» («Чтоб этого мира печали изведать глубоко — женись»).

Подобного рода наставления, нравовучения, раздумья характерны для восточной поэзии в самом широком плане. В стихах Махтумкули особого внимания заслуживают те моменты нравственной проповеди, которые выражают демократизм его воззрений, сострадание к простому человеку, добывающему пропитание трудом своих рук, ненависть ко всякого рода алчным бездельникам, в особенности облеченным светской или духовной властью. Призывая к единству племен и созданию туркменской державы, поэт, естественно, ищет

¹ Без сомнения, ему были известны труды предшественников в этой области, такие, как сочинения испано-арабского филолога IX—X вв. Тартуши («Сирадж ал-мулюк» — «Книга царей», по теории военного искусства), который повествует от имени испано-арабского военачальника Насра ибн-Сайяра, с соображениями которого перекликаются высказывания, содержащиеся в книге «Кутадгу билик» («Знание, приносящее счастье») восточнотюркского поэта Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагуни (из Баласалуна, XI в.).

«объединителя племен» в среде феодалов самого высокого ранга, прежде всего ханов, беков, сердаров. Но с другой стороны, по адресу этих же ханов, имея в виду всю правящую верхушку, он неоднократно высказывается весьма резко («Хан упоен грабительской войною, зов милосердия в сердце заглуша»), подчеркивая, что сам он всей душой на стороне бедняка, угнетенного в жизни земной, за что возмездие постигнет угнетателя после смерти:

Я говорил уже: он близок — Страшный суд;
Там за безвинного тирану воздадут,
Там злобных деспотов пятами в прах сотрут!
Не плачь, бедняк: тогда могучим львом ты станешь!
(«Станешь»)

Махтумкули — правоверный мусульманин, иначе он не был бы сыном своего времени и своего круга, где иноверцев только терпели, вероотступников же ненавидели и преследовали. Весь строй его помыслов, воззрений, дидактических высказываний, поэтических образов, символов и т. д. свидетельствует о том, что поэт верен заповедям ислама, глубоко их изучил, а главное — призывает своих современников этим заповедям неустанно следовать. Но вот к духовенству — к нищим дервишам и каландарам, даже к рядовым священнослужителям-муллам, а особенно к представителям верхушки — муфтиям, пирам, ишанам, шейхам, шариятским судьям-кази — Махтумкули, как правило, относится с неприязнью. Выше мы видели, что и с суфиями он не нашел общего пути, тем более — с ортодоксальными служителями культа:

Ты на скаредных мулл глянь, Махтумкули:
Жертв, как волки, дерут — налетай, дели!
Злом, добром ли собрав хлеб со всей земли,
Торопясь, жрут захлеб — каждый вволю жрет!
(«Поиссохли ручьи, пали кражи гор. . .»)

Смысл этого и многих других высказываний поэта в том, что он считает духовных лиц любого ранга приверженными вере, заповедям только на словах, иначе говоря, считает их лжецами и лицемерами, угнетателями народа. В этом еще одна грань свойственного великому поэту глубокого демократизма.

Для антиклерикальной направленности мировоззрения Махтумкули знаменательны единичные, но своей необычайностью для поэзии мусульманского Востока симптоматичные высказывания поэта, в которых он утверждает, что понятия добра, правды, человеколюбивые поступки выше, чем освященные веками догматы веры:

Кто служит благу, внидет в небесное жилище,
Спасен ты, коль халатом твоим оделся нищий,

Ты полон благодати, коль дал голодным пищи,
Кто одного накормит, тот хадж пройдет, друзья.

(«Друзья»)

В свете подобных высказываний естественными выглядят призывы Махтумкули к таким проявлениям чувств и поступкам, которые явно не согласуются с догматами Корана, например милосердие к поверженному:

...Ударом ловким не хвались, джигит, —
Ведь пощадить врага подчас ценнее.

(«Ценнее»)

Далее в этом стихотворении, которое по замыслу и тематике перекликается со многими подобными, говорится: «Не оскорбляй людей и невзначай», «В людях доброта всего ценнее», «Отзывчив будь, добр и не строг, жестоким к недругам не будь...». В других стихах поэт призывает к милосердию независимо от того, кто окажется его объектом («Не вечен ты»). Все это свидетельствует о том, что для мировоззрения Махтумкули была характерна подлинная гуманность, не укладывающаяся в рамки мусульманских добродетелей, значительно опережавшая представления эпохи.

Однако полностью освободиться от этих представлений поэт, разумеется, не мог. В системе нравственных назиданий, адресованных современникам, важнейшую роль у него играет коранический образ Страшного суда — воскресения из мертвых, когда каждому человеку предстоит получить воздаяние сообразно грехам или добродетелям в «мирской» жизни. Почти каждый раз, излагая сумму положительных начал, Махтумкули напоминает: тех из людей, которые отринут призывы к добру, истине, милосердию, ждет неминуемая расплата на Страшном суде.

В стихах поэта мы встречаем конкретные указания, кто именно и за какие грехи направится туда, какие мученья будут испытывать грешники в аду (пример — стихотворение «Если вор ты и мошенник...») и т. д. Сообразно духовному настрою эпохи, когда властвовали жестокость и грубая сила, в творчестве Махтумкули жесткие тона, угроза карой и т. д. преобладают над радужными тонами, картинными, убагаживающими воображение человека.

Махтумкули — поэт и философ-моралист — в своей деятельности проповедника добра, наставника народа не мог игнорировать понятия, для народа привычные и освященные авторитетом религии, ради того, чтобы его проповедь была для современников действительна. Для нас, потомков, религиозное оформление без труда отделимо от гуманной, общечеловеческой сущности его нравственной проповеди, которая не утрачивает действительности в новые и новые эпохи.

Ты освещаешь мир земной,
Красавица с высоким станом;
Ты стала солнцем и луной,
Далеким звездным океаном. . .

(«Менгли», 3)

Это — одна из многих глубоко поэтических строф, обращенных поэтом к возлюбленной, с которой его разлучила судьба. Даже вне контекста она характерна для всей любовной лирики Махтумкули: здесь черты реально существовавшей Менгли сочетаются с гиперболизированным до космических пределов образом абстрактной женщины, недостижимого кумира, объекта страстной любви — дань поэтической традиции, которой были верны как предшественники Махтумкули, так и его продолжатели. Читатель встретит здесь немало строф, где имя Менгли соседствует с картинами терзаний отвергнутого возлюбленного, фразами об изощренном коварстве жестокой красавицы — всего того, чего не было и не могло быть во взаимоотношениях между юношей Махтумкули и его еще более юною подругой. Поэт словами и образами традиционной лирики, в художественной форме выражал то, что происходило с ним и с тысячами его современников в сходной ситуации — когда глубокая, искренняя любовь оставалась неразделенной в силу жестоких, антигуманных устоев общества. Горестные стихи Махтумкули о любви были созвучны настроению страдальцев, подобных ему, что обеспечивало этим стихам популярность в веках и поколениях. Во многих сердцах и донныне находят отзвук такие строки:

Как маленькое солнце — твой зрачок,
Костер любви огнем меня ожег.
Я счастлив тем, что я любовь сберег,
Что мне ее запечатлеть пришлось.

. . . Махтумкули, по воле волн плыви.
Нет берегов, страдалец, у любви.
Друзей на помощь больше не зови.
Рабом любви мне умереть пришлось.

(«Пришлось»)

Вообще не чуждый мистике в духе неортодоксального суфизма, Махтумкули, материалист по духу и даже в немалой степени эпикуреец, считал любовь чувством естественным для человека, притом возвышенным, дарующим радость, пробуждающим вдохновение. Любовь — там, где мужчина и женщина равны. В резком и явном противоречии с догмами шариата и адата (обычного права скотоводов-язычников) Махтумкули возводил женщину на высокий пьедестал как предмет преклонения, находя проникновенные, звучные слова:

Свод небесный рука твоя нежная остановила;
Опочила на косах твоих чудотворная сила;
Исцелила недужного, мертвого ты воскресила;
Раем ад обернулся, дворцом обернулась могила,
Справедливей тебя нет на свете ни шаха, ни хана.

(«Что пред яркой твоей красотой. . .»)

В произведениях Махтумкули мы находим великое множество стрóf, строк, отдельных фраз, где женщина, ее качества уподобляются наиболее чтимым объектам окружающего мира («Ярче солнца и луны твой взор. . .»), награждаются возвышенными, развернутыми эпитетами («Ты украшение души»). Любовная лирика — мощная струя, одна из главных в потоке поэтического творчества Махтумкули. Ее истоки — традиция восточной поэзии, а также биография самого автора, его юношеское чувство к Менгли (ей посвящен обширный цикл стихотворений), которое он, очевидно, сберегал до конца жизни, хотя в любовных произведениях поэта содержатся намеки (как в стихотворениях «К новой милой», «Кто ты?») на то, что, возможно, не одна Менгли была предметом его душевной привязанности. Образ Менгли в ряде произведений поэта освобожден от черт реального сходства с прототипом, возведен до уровня символа женской красоты, совершенства или, наоборот, своенравия, коварства, недостижимости и т. п. Согласно мусульманской поэтической традиции, под видом чувства к женщине — возлюбленной — в стихах иногда выступает образ бога, стремление соединиться с ним,¹ восхищение всемогуществом и непостижимостью божества. Следы подобного рода воззрений мы можем различить в любовной лирике Махтумкули, особенно там, где образ возлюбленной возводится в ранг божественного существа.

Невзгоды личной жизни, как мы знаем, не поколебали нравственных устоев мировоззрения Махтумкули в том, что касается семьи, обязанностей мужа и отца — воспитателя детей. Есть все основания считать, что сам он был примерным семьянином, образцом для подражания соплеменников (вспомним хотя бы его элегии на смерть сына). В своих стихах-назиданиях Махтумкули утверждал идеал дружной, прочной семьи, построенной на взаимной любви супругов, резко осуждал прелюбодеяние (сохранилась легенда о том, как сам поэт отверг поползновения некоей легкомысленной молодки, которая пыталась «отблагодарить» его лаской за украшения, которые он для нее сработал как ювелир), выступал против многоженства. Семья — плод любви, ее естественное продолжение. Потому сотворит доброе дело тот, кто будет способствовать сохранению и укреплению взаимной любви:

¹ Иранским и тюркским языкам чужда в целом категория грамматического рода, поэтому отсутствует несоответствие в роде существительных: «бог» — «возлюбленная».

И если друг получит добрый знак
От той, в ком видит он источник благ,
Ты помоги им, чтоб иной дурак
Влюбленных не рассорил во мгновенье.

(«Ты тайны трусу не вверяй своей. . .»)

Лучшие образцы любовной лирики и семейной дидактики Махтумкули в добротных переводах способны произвести на иноязычного читателя глубокое эмоциональное впечатление. Поэт предстает здесь как последовательный, воинствующий гуманист, отстаивающий право человека, и прежде всего женщины — существа в ту эпоху бесправного, на любовь, на счастье в жизни (земной, без всяких отсылок к потустороннему миру), провозглашающий передовые для своего времени и даже опережающие его идеалы здоровой, счастливой семьи как ячейки благоденствующего общества, призванной вырастить детей — строителей будущего. Любовная лирика Махтумкули предлагает нам образцы глубокого проникновения автора в человеческую психику, его изумительную способность передать тончайшие нюансы переживаний человека во всем их многоцветии — от яркого восторга счастливой любви до жгучей горечи любви неразделенной, загубленной или отвергнутой. В этом отношении поэзия Махтумкули доньше представляет собой образец для всех пишущих о любви на туркменском языке или близких ему, — образец, все еще непревзойденный.

9

У туркмен XVIII века понятия «литература» и «поэзия» были почти тождественными. Проза бытовала как род словесного творчества в виде сказки, предания, а также прозаической канвы дестанов. Однако в целом проза по сравнению с поэзией занимала скромное место в культурной жизни, художественные возможности ее оставались весьма ограниченными. Основным средством выразить все многообразие мира, всю гамму человеческих эмоций, воздействовать на аудиторию была поэзия.

Нам не известно, творил ли Махтумкули языком прозы. В стихотворении «Не сжалилась судьба, не спас нас бог. . .» он с горечью повествует о гибели рукописи его трудов во время одного из нашествий персов («кызылбашей»); вполне возможно, что там были не только стихи. Дошедшее до нас его литературное наследие — это несколько тысяч стихотворных строк. В этом наследии выделяется немного сравнительно коротких поэм (три из них представлены в предлагаемом читателю сборнике), остальное — стихотворения, тоже, как правило, небольшие по объему. И только немногие из них имеют сюжет в современном понимании этого термина (к примеру, стихотво-

рения на тему легенды об Иосифе Прекрасном — Юсупе); как уже говорилось, большинство строится как серия рассуждений, наблюдений, умозаключений, советов и т. д., скрепляемых в одно целое внутренней логикой, единством ведущего образа, идеи либо главной эмоции.

Интонация речи в стихах — от спокойной до патетически-взволнованной. Она оживляется обязательным в конце стихотворения упоминанием имени поэта, чаще от первого лица или же в виде обращения к себе во втором лице («Ты, Махтумкули...»). Нередко вводится прямая речь действующих лиц, реальных, мифических либо персонафицированных (как в поэме «Природа»). Довольно часты риторический вопрос, риторическое обращение.

Махтумкули по праву считается выдающимся мастером поэзии прежде всего потому, что он владел всеми известными в его эпоху и в его культурно-этнической среде средствами этого вида литературы. Читатель, не владеющий языком оригинала, вынужден воспринимать то, что было создано великим туркменским поэтом, через посредство переводов, выполненных по-своему талантливыми представителями русской поэзии, по возможности использующими ее средства, чтобы более или менее полно и точно передать мысли, образы, форму произведений автора. В отношении формы соответствие возможно лишь весьма и весьма относительное — из-за несходства разносистемных языков, туркменского и русского, неодинаковости исторически сложившихся традиций поэзии.

Такое несходство проявляется прежде всего в системе стихосложения. Довольно многие произведения Махтумкули написаны стихом силлабо-тоническим, аналогичным тому, какой привычен для русского стихосложения. Эта форма стиха была привычна и для тюрок-кочевников, предков поэта, употреблялась в народных песнях и потому органично сделалась наиболее употребительной в творчестве поэтов, получивших образование, но живших и творивших в среде народа. Наряду с силлаботоникой Махтумкули применял чистую силлабику в тех стихах, которые исполнялись как песни или читались с музыкальным сопровождением, так что ритмический эффект создавала мелодия в сочетании с текстом. В ограниченной степени употреблял Махтумкули стих квантитативный — основанный на чередовании кратких и долгих слогов (аруз).

подавляющее большинство произведений Махтумкули создано по схеме гошгы (муреббá) — форма эта свойственна народным песням. Значительно реже употребляет поэт другие строфические формы — газель, мухаммас, мусаддас и т. д., вплоть до многосложных (эфсане). Изредка встречается строфа (как в стихотворении «Повелительница»), где строки не одинаковы по количеству стоп (слов).

Строфа всегда является законченной по смыслу и художественному образу. Нередко двух-четырёхстрочная строфа строится по спо-

субу антитезы: сказанное в конце противопоставляется по смыслу, настроению и т. д. сказанному в начале.

Мастерство поэта ярко выявляется в области рифмы. Богатством ее Махтумкули владеет в совершенстве. Строй туркменского языка дает возможность использовать большое многообразие рифмы в сочетании с краткими либо долгими строками. В оригинале мы находим сложные рифмы, из двух и более слов. Редкостный пример монорифмы — стихотворение «Розы прекрасней тебя...». В системе рифмовки важную роль играет редиф, обычный для поэзии Востока, в ряде случаев он состоит не из одного слова, а из целой строки или фразы («Не вечен ты. Не вечен ты»).

Словесная ткань произведений Махтумкули — это разговорный язык туркмен его эпохи, с очень слабой диалектной окраской (диалект гоклен), намеренно ориентированный автором на то, чтобы стать понятным для читателя (слушателя) независимо от принадлежности к тому или иному племени; в этом — осуществление идеи поэта о единстве нации. Махтумкули, во всем объеме владея книжной образованностью своего времени, также намеренно воздерживался от употребления лексики, характерной для круга образованных людей — арабо-персидской по происхождению, совсем или почти совсем непонятной для неграмотных его современников, а также от не употребляемых ими грамматических форм. В этом еще одна грань народности Махтумкули, залог его популярности.

Поэзия Махтумкули, выросшая на почве народного творчества, усвоила многие из его изобразительных средств. К ним, в частности, относится краткость выражения мысли, афористичность. Многие речения Махтумкули звучат как пословицы («Чтобы хитрости лживого друга понять, Проверьте, как держит он данное слово»). Они и сделались пословицами, поговорками, употребляемыми к случаю, обычно со ссылкой на поэта. В свою очередь, Махтумкули в своих стихах широко использует мудрые речения, издревле сложенные народом, нередко в виде эллипсиса — намек: «В одной пословице весь наш удел: „Еж подгрызает плод из лучших лучших“» («Из лучших лучших»).

Беря за основу простой стих народных песен, Махтумкули украшает и усложняет его средствами из богатого арсенала восточной поэтики. Так, с целью смыслового выделения того или иного слова он часто использует инверсию. Характеризуя личность или предмет, употребляет сложные, развернутые эпитеты («царь, облаченный в бесценный багрец»). Мы уже говорили о системе употребляемых поэтом рифм. Чтобы усилить звуковую организацию строфы, Махтумкули помимо рифмы и редифа, то есть оформления строк способом эпифоры (нередко с повтором редифа: «Миром правишь одна — ты, ты. Золотая луна — ты, ты»), широко применяет также анафору — однотипное озвучение начала строк:

.. Кто — с чистой душою отходит ко сну,
Кто — в грязь упадет, кто — взлетит в вышину.
Кто — всё промотав, кто — родную страну
Ограбив от края до края, — уйдет.

(«Жизнь проходит»)

Кроме уже приведенных выше художественных приемов, в частности очень характерной для Махтумкули гиперболизации, широко применяемых поэтом аллегорий, олицетворения, многообразных сравнений, в стихах Махтумкули часты метафора («Злых бровей крутые луки и ресницы злые — сотни стрел в колчане полюбил я. . .»), метонимия («Я со стрелой-зрачком расстался»). Реже встречается синекдоха:

Единой семьею живут племена,
Для тоя расстелена скатерть одна. . .

(«Будущее Туркмении»)

Так же нечасты случаи употребления градации («Сто столиц в державе было, было тысячи духанов. . .»).

Совершенство художественной формы — богатство и выразительность образов, изящество и музыкальность стиха, вместе с необъятностью идейно-тематического содержания, при возвышенности и гуманности утверждаемых идеалов, — всё это делает поэзию Махтумкули бессмертной в веках.

* * *

«Устами Туркмении» Махтумкули по праву называл себя при жизни. Корифеем поэзии туркменского народа он остается и в наши дни. Его стихи еще в прошлые столетия сделались широко известными за пределами Туркменистана, прежде всего среди узбеков и каракалпачков, близких туркменам по языку (особенно в его старописьменном оформлении). Так, крупнейший поэт каракалпачского народа Бердах прямо обращает к Махтумкули слова благодарности и восхищения:

Твои стихи, Махтумкули,
Слагать мне песни помогли.
Я все сокровища земли
В твоей поэзии сыскал.

Книгу стихов Махтумкули в прежние времена нередко можно было увидеть в доме каракалпака, даже неграмотного, — ее хранили, как священную реликвию. То же, разумеется, повсюду было и в самой Туркмении.

В виде рукописных книг, в изустной передаче произведения Махтумкули веками сберегал его родной народ, — первые, еще несовершенные издания их стали появляться только в начале нынешнего

столетия. По-настоящему пришел к своему народу Махтумкули, воплотившись в сотни поэтических книг, лишь после Великой Октябрьской революции, в результате свершившейся следом за ней революции культурной. Ныне, со страниц этих книг, он своими мудрыми советами помогает человеку нового мира совершенствоваться духовно, проникаться чувством гуманности, любить высокое и прекрасное, дорожить Родиной и презирать ее врагов.

В центре столицы республики — Ашхабада — воздвигнут величественный гранитный монумент великому поэту. Его внешний облик воссоздан по его стихам, точно запечатлевшим его пламенные чувства и глубокие помыслы.

Научные учреждения, театр, школы и библиотеки, промышленные предприятия, колхозы и совхозы носят имя Махтумкули. Все это — выражения сыновней любви народа к тому, кто судьбам народа отдал весь свой талант и титанический труд.

Жизни, творчеству, мировоззрению Махтумкули посвящены многие и многие научные работы, далеко не на одном туркменском языке; на эту тему созданы литературные и музыкальные произведения. Ученые продолжают поиски и записи образцов его творчества, преданий о самом поэте.

«Эльбрусом мировой поэзии» назвал Махтумкули выдающийся современный балкарский поэт Кайсын Кулиев. Такая оценка, возвышенная и точная, сделалась возможной благодаря тому, что Махтумкули, со страниц бесчисленных переводов — прежде всего на русский язык, а также через русский, — широко и смело шагнул к миллионной читательской аудитории в нашей многонациональной стране, а в последнее время уже и за ее пределами. Глашатай дружбы и братства между людьми, он в свой темный и кровавый век предвидел, что наступит это «долгожданное светлое время», — и не ошибся в предвидении. Книги произведений Махтумкули, подобные предлагаемой, сами по себе являются красноречивыми свидетельствами того, что идеи межнациональной дружбы в нашей стране не только восторжествовали, но и непрестанно получают материальное воплощение. Подобного рода деятельность — пропаганда высоких достижений духовной культуры одного народа в среде других, иноязычных, неродственных исторически, — мощный фактор еще большего упрочения этой братской дружбы.¹

Ал. Зырин, М. Овезгельдыев

¹ При подготовке вступительной статьи использованы следующие работы: А. В а м б е р и, Путешествие по Средней Азии, М., 1874; Е. Э. Б е р т е л ь с, Литературное прошлое туркменского народа. — «Совет эдебияты», 1944, № 9-10; «История Туркменской ССР», т. 1, кн. 1, Ашхабад, 1957; Н. В. П и г у л е в с к а я и др., История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, Л., 1958.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. НЕСОКРУШИМОЕ

Крепка основа у туркмен! И вечна, как луна!
Пребудет вольною навек туркменская страна.

Врага прогоним, если он к нам стукнет в ворота.
Мы крепость возвели свою — из стали крепость та!

Сам Сулейман, Рустем, Джемшид грозили ей мечом,
Сто тысяч шах слал каждый день бойцов — всё нипочем.

Она пример горам, когда подымет воин щит,
И каждый взмах ее меча ей удальцов родит.

Теке, йомуд, языр, гоклен с ахалом встанут в ряд,
Пойдут в поход — в садах цветы восторженно горят.

Иранцев сбросили с хребтов на дно скалистых ям,
И день и ночь их жалкий стон оттуда слышен нам.

Не страшен враг нам, пусть стоит у самых наших стен,
Нас в плен не взять — туркмена сын не знает слова
«плен».

Когда бы гости ни пришли, всегда готов им той,
Туркмена речь всегда пряма, нет лжи в ней никакой.

Так говорит Махтумкули — нет на душе пятна,
Бог на него направил взор — цветет его страна!

2. БУДУЩЕЕ ТУРКМЕНИИ

Овеяна ширь от хазарских зыбей
До глади Джейхуна ветрами Туркмении.
Блаженство очей моих — роза полей,
Поток, порожденный горами Туркмении!

И тень и прохлада в туркменских садах!
И неры и майи пасутся в степях;
Рейхан расцветает в охряных песках;
Луга изобильны цветами Туркмении.

В зеленом ли, алом ли пери пройдет, —
В лицо благовонною амброй пахнет.
Возглавлен мудрейшими дружный народ,
Гордится земля сыновьями Туркмении.

Душа Гёр-оглы в его братьях жива;
Взгляните, друзья, на туркменского льва:
Пощады не ищет его голова,
Когда он встает пред врагами Туркмении.

Единой семьею живут племена,
Для тоя расстелена скатерть одна,
Высокая доля отчизне дана,
И тает гранит пред войсками Туркмении.

Посмотрит во гневе на гору джигит —
Робеет гора и рубином горит.
Не воды, а мед в половодье бурлит,
И влага — в союзе с полями Туркмении.

Туркмена врасплох не застигнет война;
Былую нужду позабудет страна;
Здесь розы не вянут — из них ни одна
Не ропщет в разлуке с певцами Туркмении.

Здесь братство — обычай, и дружба — закон
Для славных родов и могучих племен,
И если на битву народ ополчен,
Трепещут враги пред сынами Туркмении.

Куда бы дороги туркмен ни вели,
Расступятся горные кряжи земли.
Потомкам запомнится Махтумкули,
Поистине станет устами Туркмении.

Handwritten text at the bottom of the page, possibly a signature or a list of items.

3. ГУРГЕН

Вершины горные: туманы там и тут;
Морского ветра вой среди высот Гургена;
Когда промчится дождь, — безумствуя, ревут
Потоки мутные кипящих вод Гургена.

Леса густые там; по берегам тростник;
Красавиц в серебре блестит живой цветник;
Там серая овца, конь белый, черный бык,
Там буйвол есть и тур: обилен скот Гургена!

Там неров с майями тяжелые ряды;
Купцы, погонщики толкуются у воды;
И всюду высятся слоистые гряды
Неколебимых скал — как бы оплот Гургена!

Джигиты шаль спешат вокруг стана затянуть
И с ловчим соколом в опасный скачут путь.
И ветру влажному лань подставляет грудь;
Оленьим зовом полн весь небосвод Гургена!

Махтумкули прошел немало разных стран,
Но в сердце никогда не чуял столько ран:
Вот пери нежная, колеблясь, как джейран,
Отыскивает брод средь буйных вод Гургена!

4. УВИДЕТЬ ХОЧЕТСЯ

Мне родимые холмы,
Дехистан увидеть хочется.
Мир-Кулал, Бехауддин,
Мне ваш стан увидеть хочется!

Неба блещущий венец,
Упование сердец,
Мне тебя, благой отец
Мусульман, увидеть хочется.

Путник сядет, отдохнет
И своим путем пойдет.
Мне пределы в свой черед
Чуждых стран увидеть хочется.

Побродить в степи глухой,
Поглядеть с горы крутой, —
Мне добра и зла мирской
Океан увидеть хочется.

В Хиндустан и там и тут,
В Туркестан пути ведут. . .
Мне святых мужей приют —
Румистан увидеть хочется.

Буйство духа, мир страстей,
Семь нагорий, семь морей,
Суеты — в кругу людей —
Мне дурман увидеть хочется.

Счастья ждет Махтумкули,
Чтобы слезы потекли;
Мне Каабу, хоть вдали,
Сквозь туман увидеть хочется.

5. РАЗГОВОР С ОТЦОМ

А з а д и

Открой мне тайну, умоляю я;
Моей мольбы не отвергай, птенец мой!
Полна тревогой голова моя,
Страданий мне не причиняй, птенец мой!

Махтумкули

Здесь тайны нет: робел немного я;
Всё честно расскажу — внемли, отец мой;
Полна тревогой голова моя —
Манят сады чужой земли, отец мой!

Азади

Ты захотел, несчастный, новых ран?
Зачем тебе чужой султан иль хан?
Прими удел, что здесь нам богом дан.
Зачем ты едешь в дальний край, птенец мой?

Махтумкули

Не пять, не шесть собралось нас в поход.
Едва ли нас в пути невзгода ждет;
Пусть нас благословит родной народ,
И сердцем я уже вдали, отец мой!

Азади

К чему тебе чужие рубежи?
Куда тебя влскут мечты, скажи?
С кем, наконец, поедешь ты, скажи?
В смущенье глаз не опускай, птенец мой!

Махтумкули

Поводырем у Языр-хана я;
Душа как птица взреяла моя!
Пойми: народ мой, все мои друзья
От долгих слез изнемогли, отец мой!

Азади

Ты не привык, ты молод; долог путь;
Езда ночная; негде отдохнуть;
Оставь затею вздорную, забудь
И дела трудного не начинай, птенец мой!

Махтумкули

Позволит бог, и сможем мы дойти;
Не так я молод: знаю все пути;
Не причиняй мне горя, отпусти,
Мое влечение утоли, отец мой!

Азади

Чужие ты обрадуешь сердца,
Меня ж оставишь в горе без конца;
Не покидай, дитя мое, отца,
Напрасно сил не расточай, птенец мой!

Махтумкули

Мою мечту в меня вложил ислам!
Быть может, я народу счастье дам!
Не мучь меня, удерживая, — сам
Скорей мне ехать повели, отец мой!

Азади

Но ведь и здесь в твоих руках Коран!
Разбойниками полн Афганистан:
На всех тропах — засада иль капкан.
Опасен путь! Ты это знай, птенец мой!

Махтумкули

Что ж, я дерзну, проверю «день и год»,
Узнаю, что сулит мне звездный ход.
Все в божьей воле: если смерть придет,
То я и здесь паду в пыли, отец мой!

Азади

Ну что ж! С тобой согласен Азади.
Быть может, радость ждет нас впереди.
Тебя благословляю я — иди,
Господь с тобою, поезжай, птенец мой!

Живительным дождем была мне мудрость книг,
Простор больших морей передо мной возник.
Я пересек Джейхун — а всё твердит язык:
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

Махтумкули всю грязь отмыл с души своей.
Он так любил и чтит своих учителей, —
Забудет ли он блеск тех золотых дверей?
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!

7—11. НА СМЕРТЬ СЫНА

1

Скажите лжецам и глупцам —
Настало их подлое время.
Скажите безумным скупцам —
Казна — бесполезное бремя.

Скажите подруге моей —
Растерзан я на сто частей;
В песках раскаленных степей
Сгорело пшеничное семя.

Базар мой расхищен, я пьян,
Я болен, я гибну от ран,
Слепит меня горный туман
И грузом ложится на темя.

Мой сын не дождался меня:
Он мертв. Из Хивы я три дня
Скакал, и язвило коня
Мое сумасшедшее стремя.

Ты смотришь на лик восковой.
Фраги, в этот час роковой
Молчи. Твой язык огневой
Печалиг родимое племя.

У перепелки выпадет птенец —
 Не кликать ей, над ним не виться можно ль?
 Не видит розы соловей-певец —
 Ему не плакать, не томиться можно ль?

Осленка нет, ослица вдоль дорог
 Бежит в тоске по следу милых ног.
 У верблюдицы уведен сынок —
 Ей не взреветь, не всполошиться можно ль?

Всё слушает, сынка всё ждет она,
 Ручьями слезы льет и льет она.
 Нет газелёнка, и газель грустна —
 Не бляеть ей, вдаль не стремиться можно ль?

Почует кабаниха злых зверей
 И поросенка скрыть спешит скорей.
 Хромой — один. Без палки он своей —
 Ему душой не помутиться можно ль?

Махтумкули! И зверь свой любит род,
 Но смерть хитра. Все гибнут в свой черед,
 Когда дитя родное вдруг умрет —
 Печальной песней не излиться можно ль?

Меня настиг мучитель-рок,
 Тяжелая пора настала.
 Я сына не сберег, друзья,
 Душа моя что рана стала.

Оставила весна мой дол,
 Повержен золотой престол,
 Ветвь нежная, покинув ствол,
 Добычей урагана стала.

Смерть невозможно обмануть.
 Какой удар я принял в грудь!
 Плоть жалкая моя тонуть,
 Как челн средь океана, стала.

Терпенья нет, и воли нет,
Желанья жить в юдоли нет,
Мне вести ниотколе нет,
Пустыней жизнь так рано стала.

В огне скорбей и злых тревог
Трепещет сердце-мотылек;
Я сгорбился, я изнемог,
Слеза моя багряной стала.

Пью жгучий горечи настой.
Как жить у горя под пятой?
Мне всё тщетою и нищетою
Без моего султана стало.

Махтумкули, от слез больной,
Взывает: сжальтесь надо мной!
По воле рока в час дневной
Какая темнота настала!

4

Душа моя пылает,
Метнувшись наугад.
Муфти Коран читает,
От бога ждет наград.

У тех — дитя рождается,
У тех — растет юница;
А тополь серебрится,
И рвется ветер в сад.

Лицо старуха прячет
И втихомолку плачет;
Джигит за славой скачет
Куда глаза глядят.

Те служат на чужбине
Наживе и гордыне,
А те свой дух в пустыне
Охотой веселят.

В дому нужда гнездится,
И слезы льет вдовица,

А в дверь мулла стучится:
То подать, то зекят.

Судьба грозит разлукой,
И вера стала мукой;
Завистник длиннорукий
На хлеб твой пялит взгляд.

Муж на коня садится
И мчится, словно птица,
Туда, где кровь струится
И стаи стрел свистят.

Махтумкули едино —
Гора или долина,
А руки ищут сына,
Обнять его хотят...

5

Якуб рыдающий, тоскую,
Бреду, воззав: «Юсуп, Юсуп!»
Не слезы лью, а кровь живую,
В бреду воззав: «Юсуп, Юсуп!»

Заплакав, небосвод просторный
Со мною делит жребий черный.
Меджнун — глотаю холод горный,
Во льду воззав: «Юсуп, Юсуп!»

Вокруг меня тьма тем ущелий,
Тень пала, тучи налетели;
Двенадцать гор и семь ущелий
Пройду, воззав: «Юсуп, Юсуп!»

Не шлет Юсуп вестей домашним,
И предан я слезам всегдашним,
Счет городам и встречным башням
Веду, воззав: «Юсуп, Юсуп!»

Вороний грай мне пал на душу,
Я помрачил моря и сушу.
Фархад — я горную разрушу
Гряду, воззав: «Юсуп, Юсуп!»

Быть может, он — на дне колодца?
Не он ли лунным светом льется?
Иль в Кербеле Юсуп найдется?
Иду, воззав: «Юсуп, Юсуп!»

Он стал игрой молвы случайной.
Лечу от розы к розе чайной:
В каком краю разгадку тайны
Найду, воззав: «Юсуп, Юсуп!»

Махтумкули! Твой друг безвинно
Томится скорбью, кличет сына.
Отвечу песней соловьиной,
В саду воззав: «Юсуп, Юсуп!»

12

Опомнись, сердце! Оглядишь кругом!
Опять в волненье закипело ты!
Иль нет других с подобным языком?!
Все тайны раскрываешь смело ты!

«Похожих нет в подлунной», — говорят.
А ошибешься — тут же разберут.
Ужель не ведает любовь преград?
Перешагнул чрез все пределы ты.

Когда стоишь в пустыне недвижим
И прикипает песнь к устам твоим —
Дивятся люди, ты дивишься им,
На них глядишь остолбенело ты.

Бессмертия твоим словам не знать,
Хоть силы все и весь огонь растраты!
Ты сам себя в недуг сумел вогнать,
Ввязался сам в пустое дело ты!

Махтумкули, куда тебе идти?
Ты тридцать пятый год уже в пути.
Чем усладился? Что сумел найти?
О сердце, что уразумело ты? . .

13. ОТ ДРУГА МОЕГО Я ПОЛУЧУ ЛИ ВЕСТЬ?

О роза, чьей красой ослеплены все птицы,
От друга моего я получу ли весть?
Семь поясов земли мне что одна темница.
От друга моего я получу ли весть?

В Рустемовом краю, что взглядом не окинешь,
Вблизи Дамаска, в Мекке иль в Медине,
В пустыне Кербелы или в иной пустыне
От друга моего я получу ли весть?

Напьюсь ли я вина, когда напиться впору,
Или, как Гёр-оглы, с горы направлюсь в горы,
Иль над врагом свершу суд праведный и скорый,
От друга моего я получу ли весть?

В благих садах, куда закрыта мне дорога,
Где роза лишь одна, а певчих птиц так много,
Или в горах Сафа у божьего чертога
От друга моего я получу ли весть?

Впаду ль, как шейх Сенган, в тоску, больной
и слабый,
Или же превращусь во прах в краю арабов,
Или семь раз пройду вокруг святой Каабы,
От друга моего я получу ли весть?

И если, как Джерджис, я одолею змея,
Иль, как Юсуп, с семьей я разлучусь своею,
Иль, как Юнус, молясь, себя не пожалею,
От друга моего я получу ли весть?

Аллаха ли молить, воздевши к небу длани,
И смолоду обречь себя на увяданье
Иль бить в тамбур, пока не кончится дыханье,
От друга моего я получу ли весть?

И если, как Иса, внесусь к небесной тверди
Иль богу возмолюсь с Идрисовым усердьем,
Ответит ли судьба своим мне милосердьем,
От друга моего я получу ли весть?

Махтумкули поет о тех путях безвестных
В семи слоях земных и в девяти небесных,
Где друг его пропал, где канул, словно в бездну.
От друга моего я получу ли весть?

14

К самым достойным старцам смерть постучится
в дверь,
Солнце для них погаснет и не взойдет луна.
Лисы, собак не видя, думают, что теперь
Лев их добычей легкой станет во время сна.

Ворон хвалиться вздумал: «Сокола обгоню!»
Сотню ворон я с ловчей птицею не сравню.
Ящерица проклятья знойному шепчет дню,
Солнце бы проглотила, словно дракон, она.

Мчится джейран усталый ста барсуков быстреей,
Волки, напав на львенка, не соберут костей,
Ящерицам опасен даже и мертвый змей —
Чтобы понять всё это, мысль мудреца нужна!

Пляшущую блудницу старцы благодарят,
Семьдесят лет прожили — каяться не хотят.
И раздробить Каабу вероотступник рад,
Были бы деньги только — сходной была б цена!

Нам не постигнуть рока: темен его язык.
В страхе держать народы — это мечта владык,
Дервишу, что тропюю правды идти привык,
Люди житья не дали; в чем же его вина?

Нет, не найти покоя: горечь и боль вокруг.
Прежде я верил другу — оклеветал и друг,
Сердцу давно постыла эта обитель мук. . .
Если бы знать, где счастья солнечная страна!

Годы прожив впустую, понял Махтумкули:
Злобные судьбы гонят доблестных прочь с земли.
Где для меня Кааба? Воля моя, внемли:
К цели своей приду я — пусть же звенит струна!

Не сжалилась судьба, не спас нас бог,
 Что строили, всё рухнуло мгновенно.
 И вдаль мои стихи унес поток,
 Что столько лет слагал я вдохновенно.

Не знали ничего, не ждали бед.
 Но вдруг бедой застлало белый свет.
 И то, что я писал пять с лишним лет,
 Враг погубил, разрушив наши стены.

Смирился кто-то с участью рабов,
 Увяли старцы, потеряв сынов.
 Враг отпустить кого-то был готов,
 За каждого свою назначив цену.

Бог и меня от зла не уберег,
 И я от слез горючих изнемог.
 Мое творенье селевый поток
 Унес и схоронил на дне Гургена.

Мы быть скитальцами осуждены,
 Друг с другом близкие разлучены,
 Обречены страдать мы без вины
 И дни и ночи плакать неизменно.

Лишь правду вам Махтумкули поет;
 Неволит нас судьбы недоброй гнет.
 Судьба нас жжет, нам неизменно лжет.
 Из-за нее спина моя согбенна.

16—17. НА СМЕРТЬ ОТЦА

1

Шестидесяти лет, в год Рыбы, в день Новруза
 Смерть моему отцу вдруг преградила путь.
 Для мира злобного людская жизнь — обуза,
 И рвет он нить ее, пятою став на грудь.

Отец мой скромным был, жить не мечтал богато;
Он знал, что бременен мир и что презренно злато;
Он тело прикрывал лохмотьями халата;
Его мечта была — на божий рай взглянуть.

Он говорил, что жизнь обречена на муку;
Молясь, блюдя посты, он сокращал разлуку
С обителем святых. И нынче может руку
Друг моего отца к пророку протянуть.

Я взором прозревал небесный дом эренов,
Где нет земных цепей, и рабств земных, и пленов;
Я видел там отца в кругу святых чильтенов! . .
Быть с ними ты хотел, отец, — и вечно будь!

Пусть умер человек — он оставляет имя,
Он тенью призрачной витает меж живыми.
Душа отца живет с бессмертными святыми,
Покой его костей вовеки не спугнуть.

Тебе, Махтумкули, известны тайны эти.
При встрече с мудрыми должны мы быть как дети.
Дружили мудрецы с отцом на этом свете
И, значит, обретут к воротам рая путь!

2

Рок, я встретил тебя, я искал тебя сам, —
Где очей моих свет, мой отец Азади?
Я швырнул свое сердце неистовым псам:
Где сыновней державы венец — Азади?

Где имам? Я стою, как пустая мечеть.
Где луна? Небесам не дано просветлеть.
Мне потока бездонного не одолеть:
Где спаситель мой, где мой пловец — Азади?

Стали речи мои словно горький дурман,
Пожелтело лицо у меня, как шафран,
Пал на очи мои непроглядный туман.
Где алтарь мой, где мой образец — Азади?

Время, скалы расплавив, обуглило дол,
И живой отлетел, и усопший пришел;

Мертвецы окружили господень престол:
Где народа родного певец — Азади?

Земли стали морями, и кровью — моря,
Хумы — чашами, чаши — загублены зря.
Ремесло мое — горе. Я гибну, горя.
Где покой и отрада сердец — Азади?

Обращается к богу ожившая плоть:
«Хсть единое слово промолви, господь!»
Не угодно создателю смерть побороть.
Где высокого духа творец — Азади?

Точит слезы Хызыр, и скорбит Сулейман.
Иноверцы рыдают среди мусульман,
Белым паром на небо взошел океан:
Где опора гокленов, боец — Азади?

Рок! Тебе ли моей торговать головой,
Иль на горло твое наступлю я ногой, —
Выходи, я тебя вызываю на бой!
Где рейхан мой, где сада жилец — Азади?

Божье ухо оглохло в мой горестный час,
Затвердела земля моя, словно алмаз. . .
О муллы без Корана, о пиры без глаз!
Где холм праведных, верный борец — Азади?

Рок! Ты солнце мое черным платом забрал,
Ты веселье у бедного сердца украл.
Счастья нет для Фраги, веру он потерял.
Где ты, честь моя, где мой отец — Азади?

18

О, помоги мне, Зюбейда!
Печаль в моих глазах осталась.
Я зарыдал, и навсегда
Кровь жгучая в песках осталась.

Разлукой нанесен удар.
Померк мой соловьиный дар,

Закрылся праздничный базар,
Моя Менгли в слезах осталась.

Мне снится свет блаженных дней,
Мне стыдно пред страной моей;
Душа моя — приют скорбей,
И плоть моя впотьмах осталась.

Боль прибывает, как вода.
Я жил для мира и труда;
Я — мученик, моя беда
В томительных стихах осталась.

В глухие наши времена
Любовь на казнь обречена.
Моя прекрасная луна
В туманных небесах осталась.

Лицо Фраги черным-черно.
Плачь, Зюбейда! Уже давно
Пустеет лавка. В ней темно,
И только пыль в углах осталась.

19—21. ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЕ

1

Немало на свете я прожил, друзья,
Со старостью совесть моя охладела,
И тает — о господи! — сила моя,
И точат несчастья недужное тело.

Мне горько: я Истину мало любил.
Кончается жизнь, но не гаснет мой пыл,
И духом я тот же, что в юности был,
Да жаль: борода у меня поседела.

А сердце мирская влечет суета,
И очи мне женская жжет красота,
И кривдой мои одержимы уста,
И страсти толкают на черное дело.

И если откажет мне в помощи бог,
Куда мне бежать от предсмертных тревог?
Я — суетен, правде служить я не мог,
И ранняя вера моя оскудела.

Не верю звезде моего бытия,
Черна, словно уголь, недоля моя,
Покинуло счастье родные края,
Душа моя тщетно проснуться хотела.

Судьба моя бурной и страстной была,
Дурные порой совершал я дела;
Прости меня, боже, пока не дошла
Моя многогрешная жизнь до предела.

Фраги задыхается в лютном огне,
Скорбит о себе, как скупец о казне:
И страх и надежды гнездятся во мне.
Души моей жертвою ада не делай!

2

Да будет нам спутником верным народ,
Когда мы и впрямь поведем караван!
Доверимся Ною среди пенистых вод,
Дорогу держа на седой океан.

Нам древние горы поклонятся вслед,
На родину ветер помчится чуть свет, —
Когда принесет он от милой ответ,
Певучее имя впишу я в дестан.

Я стар. Я поистине много скорбел,
Судьбою запродан мой светлый удел,
И те пятьдесят неминуемых стрел
Остались в душе, изнемогшей от ран.

Мне были примером Тахир и Фархад,
Безумец — я в пламя лечу наугад,
Крыла у меня за спиною горят, —
Умру — не узнает Менгли, мой султан.

Я славлю владычицу мира Менгли,
Я кличу подругу мою издали.

Страданья разлуки мне печень сожгли,
А слава Менгли полонила Иран.

В скитаниях помни родимый народ,
Язык обуздай, избегая длиннот;
Готовься, Фраги, собирайся в поход!
Купцы направляются в Мазандеран! ..

8

О, как дрожит моей прекрасной
И страстной жизни мотылек!
О, как растет недуг опасный,
Которым дух мой занемог!

Царица змей для змеелова,
Что для певца — напев и слово.
Влюбленный ради лукобровой
В бездонный кинется поток.

Блажен, кто не застыл в покое,
Познав добро и зло мирское!
Со мной — содружество седое,
Ученых книжников кружок.

Махтумкули, твоя дорога —
Полвека. Это очень много.
Но пусть уходит прочь тревога:
Что старость? — Вздор, пустой предлог!

22. ДНИ МОИ

Во чреве матери я спал девять лун.
Открыв глаза, я в мир попал. — Дни мои!
В пять лун я вышел наконец из пелен.
Мне зубы в восемь бог послал. — Дни мои!

Я в год не мог добро и зло распознать.
Я в два года отца узнавал и мать,
В три было мне дано язык воспринять.
В четыре — камни я кидал. — Дни мои!

Сомкнулись пять начальных лет в яркий круг.
К шести годам я полюбил струнный звук.
К семи годам дичиться начал подруг.
К восьми — беззубым снова стал. — Дни мои!

Произносить «салам» я в девять привык.
На десятом читал я множество книг,
Держал в одиннадцать перо — ученик, —
Слова глотал, и слаб и мал. — Дни мои!

Двенадцать я, тринадцать лет накопил.
В четырнадцать — мне сердце жег ранний пыл.
Меня в пятнадцать — страстный сон посетил.
В шестнадцать лет я бушевал. — Дни мои!

Я в двадцать — буйной силы бремя любил,
Я в двадцать пять — похода время любил,
Я в тридцать лет — стрелу и стремя любил,
И был я в тридцать пять — удал. — Дни мои!

Я чашу знаний наполнял в сорок лет.
Я в пятьдесят за четки брался чуть свет.
Мюридом стал я в шестьдесят, стар и сед.
Года пророка насчитал. — Дни мои!

Неволит под семьдесят лечь — дрожь в ногах.
Под восемьдесят — молкнет речь, муть в глазах,
Под девяносто — ноша с плеч, в сердце — страх, —
Кто память у меня украл? — Дни мои!

Тебе, Махтумкули, до ста не добрать!
Придут халат на мертвый прах надевать,
Да будет спутницею вам благодать,
О, жертва роковых начал, дни мои! . .

23. ОНИ НЕ ВЕРНУЛИСЬ

Из дальних кочевий домой не пришел Абдулла.
И Мамедсапу, и джигитов тропа увела
На поиски брата. Пустыня следы замела.
Вернулись ходившие с ними. Они не вернулись.

О, тяжкая доля у матери взятых сирот!
За месяцем месяц, за годом сменяется год.
Не видел ли кто их? Скажи мне, заезжий народ.
Вернулась луна из пустыни. Они не вернулись.

Недуг побороли принявшие некогда яд,
Обратно домой возвратились погонщики стад.
Из Мекки вернулись, в кругу домочадцев сидят
Хаджи заслужившие имя. . . Они не вернулись.

С вестями уходят, с вестями приходят гонцы.
Больших караванов и малых звенят бубенцы.
Успели не раз побывать в Хиндустане купцы,
С деньгами вернулись хивинцы. Они не вернулись.

За теплым дождем на кибитки обрушился град.
За братом погибшим на гибель отправился брат.
Их жены с утра на пустую дорогу глядят,
Тоскуют в разлуке с родными. Они не вернулись.

Ужели вовек не вернуться в родные места?
Замкнувшись от скорби, давно не смеются уста.
О них не слышали ни шейх, ни погонщик скота.
Вернулись скитальцы седыми. Они не вернулись.

Фраги, по ночам твои сны прогоняет тоска.
Мир зол и широк, а тропа каравана узка.
Пустыня молчит. Как сурово безмолвье песка!
Из дома уйдя молодыми, они не вернулись. . .

24. ИЩУ

Я — раб любви, гоклен с Атрека,
Властительницу чар ищу.
Наставника в пустыне века,
Успокоенья дар ищу.

Судьбою изгнанный сурово
Из-под родительского крова,
Лишенный края дорогого,
Я праздничный базар ищу.

Брат Абдулла — зеница ока —
Исчез. Мамедсапа далёко.
Я покровительства пророка,
Глотая слезный жар, ищу.

И сердце мечется, как птица,
И горько мне, и всё кружится;
Не знаю, где мне притаиться,
Куда бежать? Мазар ищу.

Гулял я по лугам невинным,
Пел небесам, горам, долинам,
А ныне в логове змеином
Я звонкий свой дутар ищу.

Махтумкули в годину мщенья,
Как цепь, влачит свои мученья.
Ты где, Туркмения? Спасенья,
Приняв судьбы удар, ищу.

25—30. АБДУЛЛА

1

Что делать мне? Как не рыдать,
Когда мой свет закрылся тучей?
Что делать мне? Как не страдать,
Когда на сердце — пламень жгучий?

В плену мой брат, наперсник мой.
Как возвратить его домой?
И счастье в сумрак неземной
Уносится звездой падучей.

И, сострадаю мне, друзья
Глядят, как вянет жизнь моя.
И гибну я, песок поя
Всегдашних слез росой горячей.

Мужи достойные сошли
В объятия матери-земли,

И руки вокруг меня сплели
Разлука и неверный случай.

Плачь иль не плачь — настанет срок —
И ставку выиграет рок.
Бегу — меня, сбивая с ног,
Хватает жребий неминучий.

Вращается небесный свод,
Проносится за годом год,
За жизнью — жизнь, за родом — род,
И торжествует вихрь летучий.

Зачем душа моя скорбит?
Я был свидетелем обид.
Судьба ничтожного щадит,
Исходит кровью муж могучий.

Я рыскал по чужой земле,
Я стал собакой в Кербеле,
Но рок меня настиг во мгле
И впился в плоть, как терн колючий.

Шел день за днем, за часом час,
Мой пыл охотничий погас. . .
С руки не рвется бебри-баз,
Нет у меня стрелы певучей.

Смотрите: строится чертог;
Мое чело — его порог.
Мне жилы вскрыл строитель-рок,
Чтоб замесить песок зыбучий.

Махтумкули — полуживой,
Сраженный силой роковой —
В слезах взывает сам не свой:
О, сжался, пощади, не мучай!

2

Ветер, утренний ветер! Слугой твоим стану! Скажи
Полоненному брату: в разлуке я вяну. Скажи
Тем глазам, превращенным в горючую рану, скажи
Красоте его гордой, высокому стану скажи,
Мотыльку опаленному, бедному хану скажи:

Как случиться могло, что лица его нет предо мной?
Почему его очи подернуты кровью и тьмой?
От земли отрекись, если он не вернется домой!
Сам себя заковал он и жизнь мою сделал тюрьмой.
Так болезни моей очевидцу — Лукману скажи.

К нам прислал он разлуку, покинув родные места,
Душу он истерзал мне, печать наложил на уста.
Рук поднять не могу, все дела мои — скорбь и тщета.
Потерял я терпенье, юдоль моя стала пуста,
Реки слез проливаю, — тому океану скажи.

Я дороги не знаю к приютной Каабе моей.
Город горького сердца лишили замков и ключей.
Не взлететь мне без крыл над мятущейся пылью степей,
Нет казны моей больше, ушел от меня казначей,
Ноет память моя, голодая, — духану скажи.

Я склоняюсь пред богом: да будет свободен мой брат!
Видишь — слезы мои как широкое море кипят.
Под пятою разлуки узнал я прижизненный ад.
Где наперсник Фраги? Оба мира смертельно скорбят.
Без него даже правда подобна дурману — скажи.

3

Девять лет мы в разлуке с тобою, брат;
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?
Для тебя не закрыты пути назад;
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Я спросил у горы: где скиталец мой?
Притворилась крутая гора немой.
Что за жизнь без родных! Возвратись домой.
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Временами сменяются времена,
Жизнь кончается, чаша моя полна.
Твой приют — не морская ли глубина?
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Перед жаром разлуки — мы прах и тлен.
Слаб я стал, не могу разогнуть колен;
Ждет отец твой, рыдающий, перемен.
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Я расспрашивал тварей земных: где брат?
Я в державе разлуки нашел свой ад,
Мне кровавые слезы домашних — яд.
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Я не знаю покоя среди людей,
И растет мое горе в потоке дней.
Ты забыл о прекрасной стране твоей.
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Злые вести мне чудятся в тишине.
Ты печаль причинил. Возвратись ко мне.
В пору кинуться в бездну, сгореть в огне...
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Не играл ты на лоне родной земли,
Стал чужим, на рассвете исчез вдали...
Страстно плачет и кличет Махтумкули:
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

4

Брат Абдулла, Мазандеран — твой кров,
Мазандеран — твой стан, мой Абдулла.
Я понял жребий твой: ты — тех садов
И тех лугов — рейхан, мой Абдулла.

Аркак — твой раб, и твой слуга — Багдад;
Иран, Туран у ног твоих лежат.
Тебя — мой жемчуг, друг мой, царский клад —
Возжаждал Румистан, мой Абдулла.

Шлет Абдулле письмо болгарский шах,
Благословенья — праведный аллах.
Тебе хвала — у мира на устах,
Надежда мусульман — мой Абдулла.

Шлет вестников с дарами Гурджистан;
Как барабан гудит Афганистан;
Хинд на колени стал; и Франгистан
Вином восторга пьян, мой Абдулла.

Что пред тобой Рустем и гордый Зал?
Ты с Хатиджой свою судьбу связал.

Шестидесяти слугам приказал
Дать пиалу султан, мой Абдулла.

Шах Туркестана пред тобой дрожит.
Вернись, воитель! Нищих верный щит!
Мне душу слово брата исцелит,
Бальзамов океан — мой Абдулла!

Помилуй, боже, твоего раба, —
Где брат Фраги? Что нам сулит судьба:
Дворцы любви иль тесные гроба?
Где всех джигитов хан — мой Абдулла?

5

Ушел Абдулла, но торговец захожий
Вернул мне надежду, пути указав.
Я — Кайс, я скитался у горных подножий
И понял, что был мой указчик не прав.

И стал я по воле тоскующей крови
Меджнуном, угрюмо нахмурившим брови;
И дети Корана забыли о Слове,
Презренного идола богом признав.

И стан мой согнулся, и сгнула сила:
Напиток мой — желчь, и жилище — могила.
Так пепел Меджнуна земля поглотила —
Кормилица роз и поилица трав.

Мне огненным шелком окутало плечи,
Иду без кровинки в лице и без речи.
Дворец возводил я, тоскуя о встрече,
И рухнули своды: нечистый лукав!

Бессильная птица зажата в ладони,
Стоять не хотят, вырываются кони,
И некуда больше бежать от погони,
И воин хватает меня за рукав.

Теперь для Фраги всё на свете едино,
И нет мне возврата, и нет мне помина.
Друзей моих вдаль увлекает Медина,
Один я рыдаю, на землю упав.

Судьба! Что делаешь, судьба!
Свет у меня в глазах мутится;
Теснятся под землей гроба,
Глохает пленников темница.

Судьба, ты вышла на грабеж,
В твоей руке сверкает нож;
Терзаешь душу, тело жжешь,
И некого тебе страшиться.

Судьба, где твой напарник — волк?
Мой разоренный край умолк;
На пепелищах вражий полк
Твоею помощью гордится.

Судьба, где брат Махтумкули?
Его на пытку повели. . .
Он мертв. Я трепещу в пыли —
Тобой подстреленная птица,

31. ДНИ

Древнее вас, вершины гор,
Идут полуживые дни.
Возьмите, горы, мой позор,
Душе моей чужие дни!

Я горьким сиротою стал,
Я веткою сухою стал,
Безрадостной весною стал,
Встречая роковые дни.

Мамедсапа и Абдулла
Исчезли; с ними жизнь ушла,
Невеселы мои дела
И сумрачны пустые дни.

Потомство сгнуло мое,
Из рук я выронил копье;

В Тавризе б я нашел жильё,
Да помешали злые дни.

Махтумкули — безвольный прах.
О боже, я в твоих руках!
Гоклены, мой народ, в слезах:
Ведут врагов глухие дни. . .

32

Наш путь — в Нуху, дороги далеки,
Но там милы для глаз и горы и равнины.
Мы обойдем с тобой сады и цветники,
И рощи встретят нас напевом соловьиным.

Слаба ли грудь твоя, болит ли голова,
Ты будешь исцелен, придя туда едва.
В долинах и горах, где стройны деревья,
Отменные места охоты соколиной.

Там сахарный тростник, обильная еда,
Там перед братом брат не гнется никогда.
Подобна серебру, в ручьях блеснит вода,
Прозрачная вода в серебряных кувшинах.

Недужные и те не ведают забот,
Тягаются в стрельбе джигиты каждый год.
В Ширване крепость есть, под нею тайный ход,
Над ней на башне флаг полощется старинный.

Поет Махтумкули в любые времена.
Не страшно ничего, ему лишь смерть страшна.
А ты, кто б ни был: раб, богач иль диванá,
Иди в тот край, там рай в нагорьях и долинах.

33

Жизнь, дарованная мне,
Алой розой облетела.
И душа моя в огне,
И в огне томится тело.

Жизнь моя! Какой гоклен
Перенес подобный плен?
Речь моя — зола и тлен
Для родимого предела.

От весенних рощ вдали
Дни мои в слезах прошли.
Больше нет Махтумкули,
Плоть его осиротела.

34. БУДУТ ИСКАТЬ

В черный день одиночества сонные очи,
Увядая, родную страну будут искать.
В тесных клетках своих, опочив с полночи,
Соловьи только розу одну будут искать.

Из-за родины принял я жребий скитаний.
Тяжело мне; мой взор заблудился в тумане.
Зарыдают ладьи о своем океане,
Истлевая на суше, волну будут искать.

Не забудет престол о своем властелине;
Сердце, в пламень одетое, сгинет в кручине;
И, в разлуке с луною, в беззвездной пустыне
Одержимые страстью луну будут искать.

Если кровь страстотерпцев прольется ручьями
И душа задохнется под злыми руками,
Беззаботные бабочки, рея роями,
В чашах роз молодую весну будут искать.

Безъязыкие рты, некрасивые лица
Будут молча на песню высокую злиться;
Вздор пустой, неуместная речь, небылица —
Глухоту, немоту, тишину будут искать.

Наяву, в сновиденьях счастливы, страдальцы,
Неразумные шахи, рабы и скитальцы,
Руки нежные, белые тонкие пальцы —
Жемчуг, золото, клады, казну будут искать.

Стрелы гнет, тетиву обрывает изгнание.
И Фраги и богач — в золотом одеянье
Перемену судьбы, как свое достоянье,
У горчайшей разлуки в плену будут искать.

35

Я слишком рано испытал жестокого мира гнев;
Я заклинаю: пощади! Стенаю, осиротев.

В одеждах пестрых дольний мир сиял, светился, играл.
И я склонился перед ним, смертный наряд надев.

Скиталец темный — я всю жизнь бродил по нищей земле,
И у меня в ушах звучит разлуки немой напев.

Стыдясь, влачу я саван свой с тех пор, как сердце мое
С ума сошло, в недобрый час на царский престол воссев.

Зачем я хитрую лису хмельным вином напоил?
Зачем я отвязал свинью? — Она разорила хлев.

У волка пасть в крови ягнят, убийство — дело его;
Он — ловчий, он пойдет по крови, измучась и одряхлев.

Но как поступит старый волк, что будет делать лиса,
Когда в угоды их придет властительный ловчий — лев?

Себя боевым конем считает вьючный осел, —
И сам я оседлал осла, в скитаниях обеднев.

Бесчестье перед прямою дрожит в юдоли мирской
И принимает образ жен и розовый облик дев.

Султаном доблестных мужей могучий был Чоудор-хан.
Я малодушных посрамил, о родине восскорбев.

И я любил, но, как Юсуп, огня любви не бежал, —
У ног Зюлейхи в смертный час очи смежил, догорев.

В одеждах пестрых дольний мир сиял, светился, играл.
И я склонился перед ним, смертный наряд надев.

И, как Юсупу, царский жезл не стал судьбою мне,
И жарко дышит мне в лицо печали отверстый зев.

В полночном небе золотых чертогов я ей не возвел,
Зато гоклены — мой народ — снимают мой щедрый сев.

И посох свой Махтумкули сложил в приютном краю,
Народу песней поклонясь под сенью родных дерев.

36. ВИДЕЛ Я

Город, добрыми мужами возведенный, видел я,
Область страсти беззаветной, восхищенный, видел я,
В ней прекрасных гурий, пери, ослепленный, видел я,
Сто деревьев плодоносных, удивленный, видел я.
Тысячи лукавых взглядов, пораженный, видел я.

Ты стремишься — отвергают, ты уйдешь — тебя зовут,
Говоришь — не отвечают, умолкаешь — попрекнут.
Сердце накрепко привяжут, а потом летать пошлют.
Пери скрылась и лукаво говорит: «Что бродишь тут?»
Периликую с улыбкой затаенной видел я.

Там живет Ахмед Великий, Хызр, Ильяс и Сулейман,
Селим-шах и сын султана, молодой мекканский хан,
Баязид с султаном Вейсом — много славных мусульман,
И дервиши и Меджнуны там раскинули свой стан —
Моисея посох, в змея превращенный, видел я.

Там Юнус, что был спокоен, спал, проглоченный китом,
И Эйюб, что был испытан мором, голодом, огнем,
Божий друг, к врагу попавший и отмеченный творцом,
Тот, кто на костер возложен, в жертву отданный отцом,
И воздвигшего Каабу, просветленный, видел я.

Из ста тысяч званых богом было избрано семьсот;
Триста десять высших зная, мир венцом Коран зовет,
Там мудрец в столетье каждом лалом, жемчугом слывет;
Покровитель паствы верных — для Фраги святой оплот,
Там живет Ахмед, пророком нареченный, — видел я.

37. ЖАЛОБА

Я в державе страстей. Мне страдания сердце сожгли.
Счастьем я обойден. Мой престол истлевает в пыли.
Ежедневно сменяются гости на пире земли.
Где мужи-храбрецы? Их следы затерялись вдали.
Где отец мой? Где брат мой? — Утратив друг друга, ушли.

Онемели уста мои — в пальцах держу я слова;
Притупился мой слух — только дикая жажда жива.
На коне прилетела разлука, и я, как трава,
Как слуга, перед нею склонился. Моя голова
Помутилась. Горючие слезы из глаз потекли.

Мир, безжалостный мир, погружаясь в туман, зарыдал;
Закатилась луна, и вдали океан зарыдал;
Разгадав мой недуг, равнодушный Лукман зарыдал;
Вспоминая богатство мое, Сулейман зарыдал;
Жизнь тюрьмой обернулась, и мне приговор изрекли.

Онемел ураган, посетивший земные края,
И весну в этот год миновали круги бытия.
Слишком яростен рок, я погибну, любовь затая,
Мой напиток — цикута, и саван — одежда моя.
Торжествует палач. Я — Меджнун, потерявший Лейли.

Пред моими страданиями раем становится ад.
На почетных местах беззаконники злые сидят.
Подозрения полон былого попутчика взгляд.
Горький жребий мне выпал и новые беды грозят.
Став незримыми, в жертву святые себя принесли.

Побережные камни уносит кипучий поток.
Где отец мой? Где мать? На земле я как перст одиночек.
Петь не будет любовь: сторожит ее крепкий замок.
Ибрагимом я стал и в любовном огне изнемог.
Пламя плещет в саду, где когда-то цвели миндали.

О друзья, пожалейте седины моей головы.

Если в дружбе со мною остаться желаете вы,
Так велел Сулейман — а его почитаете вы! —
Вот смиренная жалоба вашего Махтумкули.

Любой из сверстников моих
 В свои заботы погрузился;
 Бог указал пути для них,
 С любимым делом всяк сроднился:

Кто кротко встал на верный путь,
 Молитвой наполняя грудь,
 Кто саблей поспешил взмахнуть,
 За дело правое сразился,

Кто на лихом скакал коне,
 Кто ханство добыл на войне,
 Кто пролил кровь в чужой стране
 И, головой рискуя, бился.

Обнять бы друга стройный стан!
 Увы! нам розный жребий дан;
 Одни ушли в Иран, в Туран,
 Кто в Исфаган переселился.

Кто знает боль души моей,
 Сокрытую от всех людей?
 Увы, Фраги! От тех друзей
 Твой путь отдельно прочертился!

За что еще с меня ты, боже, взыщешь?
 Пью из колодца — на губах песок.
 Привычная, дозволенная пища
 И та сегодня не идет мне впрок.

Счастливым быть не выпадал мне случай.
 Чтобы излить печаль, где друг мой лучший?
 Я вышел в путь — попался мне попутчик,
 Который слова вымолвить не мог.

Где вы, мои друзья, мои родные?
 Я мучусь, я горюю не впервые.
 В дому, куда стучусь, живут немые
 Иль те, кто дал молчания зарок.

Я доверяюсь тем, чей рот что сито.
Бранит меня, в ком я искал защиты.
Уходит прочь или глядит сердито
Мудрец, у чьих я стираюсь ног.

Махтумкули все истоптал дороги,
Искал покоя — обретал тревоги.
Мужам, к кому взывал, ища подмоги,
Пошло б на голове носить платок.

40. ДАЙ ОТВЕТ — ОТВЕТ ДАЕМ

Махтумкули

Кто, если стар — багрян, и желт — если юн?
Кто, безо всяких ног, отличный прыгун?
Кто, семь раз пронырнув, осилит бурун?
Если шахир ты, дай нам ясный ответ.

Дурды-шахир

Плод, если стар — багрян, и желт — если юн.
Змей — безо всяких ног отличный прыгун.
Сельдь — семь раз пронырнув, осилит бурун.
С низким поклоном ответ мы наш даем.

Махтумкули

Что это — бьет крылом, хоть рассудка нет?
Что это — ворот есть, а нагрудка нет?
Что это — пищу ест, а желудка нет?
Если шахир ты, дай нам ясный ответ.

Дурды-шахир

Бабочка бьет крылом, хоть рассудка нет.
К савану ворот есть, а нагрудка нет.
Кладбище пищу ест, а желудка нет.
С низким поклоном ответ мы наш даем.

Махтумкули

Что и без врат храним, как в крепости, мы?
Что без кольца в стене — суровой тюрьмы?
Что за враги дают друг другу займы?
Если шахир ты, дай нам ясный ответ.

Дурды-шахир

Сердце без враг храним, как в крепости, мы.
Склеп без кольца в стене — суровой тюрьмы.
Месяц с солнцем дают друг другу займы.
С низким поклоном ответ мы наш даем.

Махтумкули

Чем бы могла быть плоть без пищи сыта?
Что из людских речей — услада поста?
С чьих это ног при жизни кожа снята?
Если шахир ты, дай нам ясный ответ.

Дурды-шахир

Лаской любимой плоть без пищи сыта.
Звуки людских молитв — услада поста.
С ног Несими при жизни кожа снята.
С низким поклоном ответ мы наш даем.

Махтумкули

Кто это в день пройдет по семи краям?
Чем и кого колотят по всем местам?
Духом, скажи нам, кто, как праведник, прям?
Если шахир ты, дай нам ясный ответ.

Дурды-шахир

В день лишь пастух пройдет по семи краям.
Палкой колотят овец по всем местам.
Духом лишь конь-скакун, как праведник, прям.
С низким поклоном ответ мы наш даем.

Махтумкули

Ну-ка, кому уготован райский сад?
Кто, прошмыгнув тайком, свой отводит взгляд?
Скрыть не может чего никакой наряд?
Если шахир ты, дай нам ясный ответ.

Дурды-шахир

Стойким в борьбе уготован райский сад.
Злоба, шмыгнув тайком, свой отводит взгляд.
Козней не может скрыть никакой наряд.
С низким поклоном ответ мы наш даем.

Не пресытился мир потаенною горечью слез,
У меня в пламенеющем сердце сто тысяч заноз.

Слишком долго я спал, не гулял я в моем цветнике.
Поглядел поутру — не узнал увядающих роз.

И сказали мне розы: «Садовника мир полонил,
За высокие горы и синие реки унес».

И темницу его по горам я искал, как Меджнун,
И гонимую ланью с откоса взбегал на откос.

У темничных ворот, обессилов, упал я, и страх,
Словно ветер, коснулся моих поседевших волос.

И султану темницы я вымолвил: «Освободи!»
И слова его были исполнены ядом угроз.

И султан повелел: «Заточите раба моего!»
И Фраги захлебнулся нахлынувшей горечью слез.

42. НЫНЕ

Мотыльком метнулся в пламя, одержимым стал я ныне.
На жаровне страсти тлея, пеплом, дымом стал я ныне,
Плачем исхожу, для горя уязвимым стал я ныне.
Путь открыт — идите, грабьте, — недвижимым стал я
ныне.
От друзей бежал я, чуждым, нетерпимым стал я ныне.

Мысль пожить в охоту ныне выкинул из головы я,
Повернись, взглядишь, должно быть, видишь облик свой
впервые.

Коль сожжешь себя, развеют пепел ветры грозовые,
Пьян я с горя, черной страстью той палимым стал я ныне.

От меня нет пользы миру, для меня в нем мало прока.
Ныне мне не до веселья — жжет недуг меня жестоко.
Не купить за грош вселенной, ценят тут ее высоко.
Где здесь враг, где друг — не знаю, — жизнь одна
сплошная склока.

Кто поймет меня? Безвестным нелюдимом стал я ныне.

Полон дум, на дол набрел я, там явилось мне виденье:
От себя душа, я видел, отреклась и стала тенью,
О себе забыло сердце, плоть истаяла в раденье,
Рать собрав, любовь мгновенно дум разрушила владенье.
Ум разграблен, одичалым и гонимым стал я ныне.

Как же мне, Фраги, порою ливнем слез не разразиться? —
Я увяз в болоте мыслей, в топь ушел до поясницы,
Станет прахом город сердца, если плоть души лишится,
Это страсть о том хлопочет, ревность к этому стремится.
Непреклонным перед грозным их нажимом стал я ныне.

43. ДУША МОЯ

Ты при жизни омертвела, но проснись, душа моя!
Мир — ничто, к порогу бога возвратись, душа моя!
Будь отважной, из паденья вознесись, душа моя!
Вкруг тебя струи печали обвились, душа моя,
Но раскройся, чистым словом освежись, душа моя!
Мир и тело — тленны, в саван облекись, душа моя!

Слух склони к учению мудрых, наставление прими;
Встань! Об истине радея, к небу руки подыми,
Вьюк отшельничества тяжкий смело на плечи возьми;
Трудно это, но скитайся с этой ношей меж людьми;
Преклонись пред совершенным, корни ложного сломи
И, покаявшись, пред пиром в прах склонись, душа моя!

Как Меджнун, могу любить я... Что Меджнун! — сильнее
стократ!

У меня бы научился страсти огненной Фархад!

Но когда сгорю и к богу устремлю молящий взгляд,
Он, благой и правосудный, пощадит меня навряд.
И тогда навек погибну, поникая в рдяный ад. . .
Будь же смелой, из паденья вознесись, душа моя!

По утрам молись, чтоб ангел отвечал тебе: «Амины!»
Не растрать минуты жизни, в праздной пеге не застынь;
Не трудись искать колодцы в недрах жизненных пустынь;
Лучше дервишем скитайся, плащ покорности накинь,
А не то погибнешь даром в горе, горьком, как полынь, —
И от лжи в словах и мыслях отрекись, душа моя!

Я — Фраги, я чашу скорби дважды пил, но в третий раз
Нет сил: светильник сердца, прежде пламенный, погас.
В сердце — смута: дьявол мучит каждый день и каждый
час;

О, придите, помогите, — умоляю, люди, вас.
Помолитесь, чтоб на помощь Хызр пришел, Иса, Ильяс! —
Но мертва, но не восходит в божью высь душа моя!

44. ОТВЕТЫ

Держа к Ильясу путь, я повстречал Хызыра,
И в сердце вновь нашел загадок старых след.

Вздел руки я с мольбой и попросил святого,
Чтоб на вопросы он дать снизошел ответ.

Я спросил: «На что земная жизнь похожа?»
Ответил он: «На сон или, верней, на бред».

Спросил я: «О святой! А мир на что походит?»
— «На разукрашенный нарядами скелет».

«А что же будет с тем, кто этот мир полюбит?»
— «Страдать он обречен — другой дороги нет».

«К чему же подлинно стремятся в жизни люди?»
— «К обилию детей и множеству монет».

«Что ж происходит с тем, кто лишь богатства ищет?»
— «Сбирает, мучится; утратит — станет сед».

«А как тогда назвать властителя, тирана?»
— «Пес, кошка, носорог, шакал и людоед».

«Когда ж моим страстям придет успокоенье?»
— «Когда изведешь всю горечь зла и бед».

«Ужель стремления людей недостижимы?»
— «Коль не захочет бог, — недостижимы, нет».

«Что делает судьба с аульным старшиною?»
— «Час — ликовать дает, терпеть же — много лет».

Слова Махтумкули, как жемчуг, драгоценны:
Коль ты умен — внимай и выполняй завет!

45

Я на родине ханом был,
Для султанов султаном был,
Для несчастных Лукманом был,
Одеянием рдяным был,
Жизнью был, океаном был —
Жалким странником ныне стал.

Для слепого я зреньем был,
Для немого реченьем был,
Дум народных кипеньем был,
Душ влюбленных гореньем был,
Пеньем был, угощеньем был —
Нищим я на чужбине стал.

Я, Фраги, ятаганом был,
Я червонным чеканом был,
Роц небесных рейханом был,
Над горами туманом был,
Был счастливым, желанным был,
Был дворцом — и пустыней стал.

Я был ласточкой — крыльев лишился, безрадостный, я,
 Отморозила крылья осеннего ветра струя,
 Стал я жертвою девы, в ней видел я смысл бытия,
 Я от бога ушел — безрассудна моя колея,
 Всё от бога: блаженство свиданий, разлук острия. . .
 Кто приходит надолго — тот вскоре уйдет, вопия. . .
 Среди бдящих я спал — это понял я, слезы струя,
 Ел не пищу — отраву, собирал себе груды гнилья, —
 Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья!

Страсть к наживе бессмысленной мной, бедняком,
 овладела,
 Мудрецов избегая, в незнание достиг я предела,
 Лишь бродяжничать, странствовать сердце шальное
 хотело,
 Видно, так суждено и не знать мне иного удела,
 Рок не хочет позволить мне делать желанное дело. . .
 Ни богатства, ни счастья не ведал в свой век закоснелый,
 Я немало мечтал, но мечта от меня улетела,
 И глухая тоска победила меня, одолела,
 Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья!

Я, покорствуя року, не слушал веления бога,
 Я в грязи утонул, — укажи, где к спасенью дорога,
 Ни дервиш, ни мулла, ни суфий я — суди меня строго,
 Стань мне братом навеки, коль хочешь быть в жизни
 подмогой;
 Я скажу тебе правду — владеет всегда мной тревога,
 И меня презирает последний бедняк босоногий.
 Нет под солнцем таких, чтобы жили так нище, убого.
 Стал я прахом, терпел я, страдая покорно и много,
 Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья!

Пусть придет Сулейман и все духи подвластные с ним,
 Царь всех пери, могучий и грозный, с веленьем стальным,
 Ветер-див, с сотней тысяч драконов, всем войском своим,
 Князь всех мук Тартаруз и Хейхат, перед кем мы
 дрожим. . .
 Коль гадюки в наш край приползут по равнинам степным
 И Муса белорукий придет к нам с Исою святым,

Славный Хызр прочитает молитву с Ильясом благим —
Может быть, и воскресну я к жизни, несчастьем гоним. . .
Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья!

Я несчастен, Фраги, и потух моей жизни очаг:
Я болтун и бездельник, один из беспутных гуляк.
Недостойного к скорби ведет всякий бедственный шаг,
Как слепец, спотыкаюсь, и богу молюсь я не так,
Пожелает царица — сияньем засветится мрак,
И поймут меня все, если слова воздвигну я стяг,
Только ныне, друзья, я последний из нищих бродяг,
Змеелов, огневой саламандре подобный бедняк.
Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья!

47. ОТКРОВЕНИЕ

Предстали мне, когда я в полночь лег,
Четыре всадника: «Вставай! — сказали. —
Мы знак дадим, когда настанет срок.
Внимай, смотри, запоминай!» — сказали.

Затрепетало сердце, я притих,
Когда взглянул на этих четверых.
Юродивые были возле них —
Они мне: «Юноша, ступай!» — сказали.

И эти двое дали руки мне,
И мы пошли по дремлющей стране;
И некий знак забрезжил в вышине. . .
«Теперь садись и отдыхай!» — сказали.

Шесть путников я разглядел вдали.
Сидели мы; два пир-заде пришли;
Потоки слез у них из глаз текли.
«Он скоро будет. Ожидай!» — сказали.

И четверо в зеленом, на конях
Невиданных, взметая легкий прах,
Приблизились, привстав на стременах.
«Для встречи тесен этот край!» — сказали.

Увидел я шестидесятерых
Издалека летящих верховых.
«Спешим навстречу! Мухаммед среди них!
И ты его сопровождай!» — сказали.

На круп коня я поднят был. Меня
Как бурей мчало. Я сошел с коня.
Все в круг сошлись, молчание храня.
Я был в середине. «Руку дай!» — сказали.

«Сей муж — Али!» Из-под моих ступней
Тот выхватил циновку. Среди мужей
Упал я навзничь. На груди моей
Был некий груз. Мне: «Вопрошай!» — сказали.

Я спрашивал — и отвечал имам:
«Святой пророк предстал твоим очам,
За ним — халифы первые, а там —
Увейс-Карани — помни, знай!» — сказали.

«Ты видел их, земного праха сын!
Взгляни на тех мужей. Среди них один —
Зенги-Баба, другой — Бехауддин.
Заветной цели не скрывай!» — сказали.

Тогда пророк двум шейхам повелел:
«Благословите жизненный удел
Того раба!» И я привстать хотел,
Но мне: «Лежи, молчи, внимай!» — сказали.

Сказал пророк: «Он жаждой обуян.
Подайте чашу, о Шахимердан,
Абу-Бекир, Омар и ты, Осман!»
И мне мужи: «Не проливай!» — сказали.

И плоть мою на муки обрекли.
Я выпил всё, что в чаше принесли;
Сгорел мой разум, я лежал в пыли. . .
«Мир — пред тобой. Иди взирай!» — сказали.

Тогда я в жилы недр земных проник
И, вихрем встав, седьмых небес достиг.
И мне: «Теперь ты властен в краткий миг
Окинуть взором звездный рай!» — сказали.

Открылись мне далекие края
И тайные движенья бытия.
Так я лежал, дыханье затая.
Благословив меня, «Вставай!» — сказали.

И отвезти меня в родимый дом
Пророк велел халифам четверем.
И мчались мы; и ночь была кругом.
Мы спешились, и мне: «Ступай!» — сказали.

Открыв глаза, я встал, Махтумкули.
Какие думы чередою шли!
Потоки пены с губ моих текли.
«Теперь иди из края в край», — сказали. . .

48. ФРАГИ

Что ты сделал, садовник-рок?
Пал на розы морозный иней,
Обмелел мой речной поток,
Нет горы моей на равнине.

Вор — святой человек теперь,
Раб — хозяин и бек теперь;
На висках моих — снег теперь,
Нет уж юных дней и в помине.

Помоги мне в беде, пророк!
Сжал мне горло убийца-рок.
Трупы, трупы в пыли дорог. . .
Пребывает мой дух в кручине.

Плачет месяц во тьме ночей.
Ад бушует в стране моей.
У других — табуны коней,
А хромой без коня в пустыне.

Рок меня уловил: он рад,
Что пред нищим разверзся ад.
Всюду сети его стоят.
Я лишен его благостыни.

Злые муки тебя сожгли,
Собеседники прочь ушли.
Плачь, несчастный Махтумкули,
Называйся Фраги отныне.

49. НЕ МОГУ ПОНЯТЬ

В чашу вечности хмель мне наставник влил —
Где михраб, где мечеть, — не могу понять!
А желанной красе лишь отдал свой пыл —
Жизни зреть или тлеть, — не могу понять.

Одолеть я не смог тяжких дум-тревог,
Прахом-тленом я стал, меня пламень сжег,
Я — спаленный кебаб, мой ожог жесток,
Вертел где и где снеть, — не могу понять.

В небывалую быль вел бесследный след,
Там узрел я простор, где простора нет,
Вверг в смятенье меня несусветный свет:
Дом и дверь — где? — Ответ, не могу понять.

Я корысти служил, о себе радел,
А потом разглядел суть разумных дел,
Вместо книг в милый лик я, учась, глядел,
Мне Коран чтить ли впредь, — не могу понять.

Вот в чертоге каком был Махтумкули:
Там при шейхах юнцы пляс-обряд вели!
Отблеск милых мне чар лишь узрел вдали —
Как хмелеть, как трезветь, — не могу понять.

50. ПЛАМЯ

Вдохновенье нежданной придет грозою —
И готово мечты твоей взвиться пламя.
Хочешь ты, но не можешь забыть былое, —
И готово тоски заклубиться пламя.

Если поутру дервиш, начав моление,
Вырвет пояс — задушит себя в исступленье.
Если воля творца проклянет творенье —
До небес долетит, словно птица, пламя.

Глупый с мудрым равняет себя. И всё же
Что глупец, кроме глупости, сделать может?
Он, явившись помочь, несчастье умножит,
И надежда твоя превратится в пламя.

Если истину знать небеса мне судят,
Если ум вдохновения не остудит —
Ни земли, ни воды, ни Фраги не будет,
Ибо весь этот мир воплотится в пламя!

51. НЕ ПОЙМУ

Испив печали горькое вино,
Что — встреча, что — разлука, не пойму.
Служивший делу истины давно,
Что — радость и что — мука, не пойму.

Приходит смерть, и муж, подобный льву,
Сраженный ею, падает в траву.
Где смерть берет тугую тетиву
И дерево для лука, не пойму.

Вступая в жизнь, моим словам внемли.
Дна нет у мира, края — у земли.
Мгновенья ли, эпохи ли прошли,
Порой в часы досуга не пойму.

Я жизнь свою растратил на торгах.
Не устоял я в битве на ногах.
То море или лужа в берегах,
Знак севера иль юга, не пойму.

Вошел я в омут жизни с головой,
Прошел степями с выжженной травой,
Но, где граница для души живой
И где ее округа, не пойму.

Я цвет земной небесным заменил,
Я голубым представил этот мир.
И всё же цвета он не изменил,
Где цвет врага, где — друга, не пойму.

Отправившийся в путь поймет не вдруг,
Тяжел иль лепок богом данный выюк.
Махтумкули, любовь твоя — недуг
Иль средство от недуга, не пойму.

52

В одну из пятниц сон я видел странный:
Приснилось мне, что я крылат, друзья.
Я в небо взмыл, в его простор безгранный,
Где звездных сфер извечный лад, друзья.

И Млечный Путь пред восхищенным взглядом
Явился дивным многоцветным садом:
Он весь повит был рдяным виноградом
Средь груш, и яблок, и гранат, друзья.

И я глядел, глядел благоговейно;
Трель соловья струилась тиховойно,
Бил водомет из мраморов бассейна, —
И я восторгом был объят, друзья,

И в том саду я свежий луг увидел,
Я пиршества веселый круг увидел.
И, подойдя, чильтена вдруг увидел
И опустил пред ним свой взгляд, друзья.

Склонился я перед нетленным светом;
На мой поклон ответил он приветом;
Затем мне чашу подали с шербетом, —
Я не вкушал таких услад, друзья!

Не помню, пил я много или мало,
Но некий звук вдруг сердце услышало;
В душе любовь струной затрепетала;
И сладких слов нашел я клад, друзья!

Фраги проснулся, мир увидел снова,
Но огненное в нем кипело слово.
На рынке речи, превратясь в портного,
Стал я стиху кроить халат, друзья!

53. ВМЕСТЕ

Сказало мне сердце: «Беги от людей!
Укройся в горах от обид и бесчестья.
О жизни, оплакав ее, не радей,
Побудь с вековыми утесами вместе».

Любой в суете, на кого ни взгляну,
Лишь мудрые знают заботу одну:
С деревьями утром делить тишину,
С травой, сверкающей росами, вместе.

Мир полон обманов, он стар и хитер.
Мечтою туманит он сердце и взор.
И слабых и сильных, ввязавшихся в спор,
Он давит своими колесами вместе.

Речами иных возвеличен аллах.
Но слабые руки — помеха в делах.
Пусть сердца порывы — мятущийся прах,
К цветам оно тянется с осами вместе.

О множестве сущего поразмышляв,
Не знаю, что делать, в чем прав и не прав.
С лентяями, тропку свою потеряв,
Сижусь за пустыми подносами вместе.

Но жизнь позвала к своему алтарю.
И вновь, опечаленный, встретив зарю,
О счастье простую молитву творю
Я с птицами разноголосыми вместе.

Где мужа такого отыщешь, Фраги,
Которому можно сказать: «Помоги!»
И сердце торопит: в пустыню беги
С дервишами длинноволосыми вместе.

И на огне превратился в кебаб,
И вертелами я буду оплакан.

Сердце трепещет, и согнут мой стан,
Стоны мои поднялись, как туман,
Слезы в кипучий слились океан. . .
Всеми слезами я буду оплакан.

Лалы рождаются в ущельях немых,
Ливни плодятся от жалоб моих,
Горы плывут — и в волнах смоляных
Тают. Камнями я буду оплакан.

Разум безмолвствует, Махтумкули.
Маются дети туркменской земли.
Пирь толпятся, ишаны пришли.
Даже врагами я буду оплакан.

56

Меня беспощадный преследует рок,
Базар мой разграблен, доходы рассеялись.
Мой разум под гнетом слепым изнемог.
Желанья, как вешние воды, рассеялись.

Смотрите: я сброшен с весов бытия,
Недужна любая кровинка моя.
Убийцы пришли в золотые края
И вырвали власть, и народы рассеялись.

Упал на глаза мои сонный туман,
Сковал вдохновенные речи дурман.
Теплом отдаленный дохнул Дехистан —
Те ветры в часы непогоды рассеялись.

Фраги! Где крылатые струги твои?
С тобою остались недуги твои,
А счастье пропало; заслуги твои,
Надежды и лучшие годы — рассеялись.

57. НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Истомил мою душу
Бесконечный обман.
Плот забросив на сушу,
Отступил океан.

Зрячий посох слепого
Не доищется крова,
И чарыки хромого
Не добьются стремян.

Тем — забота пустая
Да казна золотая;
Этим — отповедь злая
И дырявый карман.

Облака — на вершине,
Вольный ветер да иней. . .
Опаленной пустыне
Снится горный туман.

Прелесть этого мира —
Мертвый мрамор кумира.
Пальцы грешного пира
Запятнали Коран.

Если пел я — молчали
Соловьи. . . Но печали
Спеть Фраги помешали
Самый лучший дестан.

58

К тебе, человек, приступаю с мольбою:
Карун обезумевший — твой образец.
Спасайся! Ты накрепко связан собою —
Тщетою одурманенный, нищий скупец.

Унынием грешен и я, мусульмане;
Душа моя также блуждает в тумане.
И я свою ношу забот и страданий
Влачу, неприютного мира жилец.

Я райскую музыку слышал сначала.
Но горькая жалоба громче звучала,
И музыка стихла, и сердце попало
На торжище раненных скорбью сердец.

Есть множество рек и морей полноводных,
И семьдесят два языка разнородных,
И счесть невозможно мужей благородных,
Но только царю достается венец.

Слепой не увидит, как нищий томится,
Глухой не услышит, как плачет вдовица;
И пестрядью мира мой взор не прельстится, —
В золу и песок превратится дворец.

Я — в горле у мира — взываю: помилуй!
Я — снедь ястребиная — кану в могилу,
Как жалкий поденщик, утративший силу,
Как царь, облаченный в бесценный багрец.

И плоть моя стала пристанищем боли,
И жил я для общего счета в юдоли,
И если я утром сидел на престоле,
Я в полдень — отчизной забытый беглец.

Достойных врасплох застигает измена;
Глаза мои слепнут, слабеют колена;
Не вырвется муж из позорного плена,
Клинок свой булатный уронит храбрец.

Состарились горы, Фраги сострадавая.
Темницею стала страна золотая.
Склонись перед матерью-правдой, рыдая,
Пока еще нас не покинул Творец!

59. ПОРАЖЕН БЕДОЙ

Гуляя поутру в стране, досель безвестной,
В долину чудную зашел я, сам не свой.
Шел без дороги я, и вдруг дворец чудесный,
Чертог таинственный воздвигся предо мной.

Мне там вручили лук: без мастера он сделан,
Без тетивы он гнут, и в сердце бьет без стрел он,
Без рук натянутый, берет прямой прицел он, —
Да, столь чудесный лук я робкой взял рукой!

С друзьями я пошел гулять, и вдруг неожиданно
Отбился я от них, отстал от каравана;
Когда ж надежды я утратил — средь тумана,
По звездному пути я встретился с луной.

Шербета я испил; душа возносит руки;
Но у других восторг — а я в объятьях муки;
Стенаю в горести, добыча злой разлуки:
Воды в ключе искав, я унесен рекой.

Нет силы в мускулах, душа безвольно вянет;
Быть может, яд я пью, быть может, смерть
нагрянет;
Нет меры, счета нет, примера нет, числа нет;
Кому поведаю о страсти о больной?

Аркан безумия накинута мне на шею;
На скакуне любви гарцуя, я слабею;
К ширапу сладкому тянусь рукой моею, —
Другим кристальный сок, а мне — один отстой.

Зовясь Махтумкули, я окружен кострами;
Мир обожжет глаза, мое увидев пламя!
Кто помощь мне подаст? Кто друг мой меж
друзьями?
Нет мне спасения! Я поражен бедой!

60. ПРИЧИНЫ СЛЕЗ

Говоря: «Друзья, друзья!
Жизнь моя прошла!» — я плачу.
«Охладела кровь моя,
Ум сгорел дотла», — я плачу.

Говоря: «Увы, для нас
Благодати свет погас;
Человек не хочет глаз
Отвести от зла», — я плачу.

Говоря: «Людской язык —
Празднослов и клеветник.
И кипят земных владык
Черные дела», — я плачу.

Говоря: «В тенетах лжи
Пропадешь, Адам! Скажи,
Где достойные мужи?
Сколько смерть взяла?» — я плачу.

Говоря: «Ровесник мой
Околдован сатаной;
Брата предал брат родной,
Грешным нет числа», — я плачу.

Говоря: «Играет рок,
Души гнет в бараний рог,
И лежат среди дорог
Мертвые тела», — я плачу.

Так, Махтумкули, ты прав:
Плоть безумна, мир лукав.
Говоря: «Мне в грудь запав,
Скорьб гнездо свила», — я плачу.

61

Братья, цвет мусульман!
Ходил я стезею света.
Зная: миров султан
В мир послал Мухаммеда.

В степях — от края до края,
На склонах горы Синая,
В обителях гурий рая
Им оставлена мета.

И горы и даль морскую,
Дома и толпу людскую,
О милой своей тоскуя,
Я спрашивал — нет ответа.

И меркнет взор, и на щеках
Золой лежит смертельный страх,
Слова уносятся, как прах,
И разум тяжело спит, как пленный.

Кто — смертный — видел мира дно?
Заглянешь в бездну — в ней темно.
Я пью любовное вино,
И мне тяжел мой кубок пенный.

И вдохновение мое,
Смутясь, впадает в забытье,
И роковое острие
Грозит моей душе смятенной.

Даны садовники садам,
Туманы — горным высотам,
С женою делит хлеб Адам,
А я — один в юдоли брэнной.

Ума несметная казна
Растратится, распылена:
Дела, кочевья, времена
Проходят чередой мгновенной.

Всё миру суетному впрок.
И в добром сердце скрыт порок.
Соедини меня, пророк,
С моей подругой несравненной!

Когда берется хан за труд —
Мотыги бедняки берут,
От песни утешенья ждут
И жалкий раб, и шах надменный.

Поёшь, а миру невдомек,
Что твой язык солгать не мог.
Бредешь, Фраги, — и путь далек,
В твой Хиндустан благословенный.

Довольно, сердце! Разомкни свой круг:
Я стражду в нем, как жалкий пленник в яме.
Жестокое, избавь меня от мук,
Не дай мне, сердце, изойти слезами.

Мой век промчался, как единый миг.
Я видел цель, но цели не достиг;
Был одинок — смутился и поник,
Обманутый тобою и мечтами.

И, как слепой, склонив главу свою,
Поддерживая ближнего, пою,
И стоны шлю в зенит, и слезы лью,
Чуть белый свет забрезжит над степями.

Ты на дороге ждешь меня. Потом
С тобою мы извечный спор ведем,
И тяжело мне: я пьян твоим вином,
Я одинок, ты — что ни день — упрямей.

Но, может быть, иной понятья готов
Беду мою и силу этих слов;
Мой голос прогремит среди холмов.
Суров господь, и меч его — над нами.

Ни разума, ни глаз я не берег,
Желаниям препятствовать не мог,
И плачу я в сетях земных дорог,
А жизнь летит, как птица бьет крылами.

Бегу от гнета и горю в огне,
Я ликовал, служа твоей весне;
Был этот мир плохой опорой мне,
Остался я в пустыне с мертвецами.

Закрыв глаза, держал я путь в Иран;
Судьбой влекомый, я попал в Туран.
Трубит над миром вечный ураган,
Владеющий безумными сердцами.

Меня кружил и гнал великий страх,
Я золотом считал ничтожный прах,

Я видел гнет, я видел скорбь в домах,
Дела пустые были мне друзьями.

И жажду я, и тщетно жду дождя,
И пламенеет месяц, восходя;
Года летят, за днями дни веда,
И я блуждаю, одержимый снами.

Мне кровь и желчь дают взамен питья.
И тяжело мне бремя бытия.
Я полюбил — и стал Меджнуном я,
Красой Лейли опутан, как цепями.

Зовешь ты, сердце, в Чин-Мачин, в Герат,
В подземный ад, где высится Сират. . .
А родинка чернеет, и горят,
Горят глаза под круглыми бровями.

Напрасно я чистосердечен был:
Погашен роком юношеский пыл.
А все-таки я зла не полюбил —
День истины мне светит и ночами.

Но в море справедливости мой плот
Не движется. Летит за годом год;
Как дервиш, раб Махтумкули бредет
К далекой тайне узкими тропами.

65. ЗАПЛАЧЕТ НАДО МНОЙ

Горит в огне мое больное тело, —
Родной отец заплачет надо мной.
От слов кровавых вся душа истлела, —
Любой мудрец заплачет надо мной.

Увянет юность и уйдет навеки:
Смерть не глядит, рабы пред ней иль беки;
Сотрутся горы, пересохнут реки. . .
Крутой свинец заплачет надо мной.

Но, как ни плачь, нет и не будет толку;
Смерть подползает к миру втихомолку;

Быть кошкой льву, и стать собакой волку...
Лесной певец заплачет надо мной.

Сам для себя я стал причиной горя;
Мне чуждо всё, душа — как бездна моря;
Мой плачет друг, моим рыданиям вторя, —
Родной отец заплачет надо мной.

Я от любви в огне лежу, коснея;
Подарок рока — угли дышат, рдея;
Смолк соловей бы, возвратись к весне я!..
Босой беглец заплачет надо мной!

Кто не страдал любовною тоскою,
И тот меня поймет, хотя б душою;
Кто полюбил — простись навек с мечтою!
Немой мертвец заплачет надо мной!

Махтумкули в словах терзанье прячет;
Кто понял их, тот стоном жизнь означит;
От радости смеющийся — заплачет,
Лихой боец заплачет надо мной!

66. НЕ ГОВОРИТЬ ЛИ?

Не верю жизни я, в душе — тревоги;
Готовясь к смерти, саван не скроить ли?
Я — раб, вне мира нету мне дороги;
У бога помощи не попросить ли?

Но как, друзья, постигнуть божье слово?
Как благодать душой усвоить снова?
Отшельничества вьюк многопудовый
Мне на верблюда страсти не взвалить ли?

В пустой душе пылал огонь гордыни;
Сад смерти я кроплю слезами ныне;
Мне плоть мою не кинуть ли в пустыне,
Средь хищников степных не разделить ли?

Мне б влагой милости омыть напасти,
Найти б в молитве путь среди несчастий!

Да! Птицу духа в диких рощах страсти
Стрелую мысли мне не подстрелить ли?

Не впрок, Фраги, земные наслажденья;
Плоть без души постигнет разложенье,
Не будет слова, и не будет зренья. . .
Но языком живым не говорить ли?

67. СКИТАЛЕЦ

Ты — влюбленных и страждущих падишах,
Ты — властитель всей славы земной, скиталец!
Я брожу по дорогам в степях, в песках.
Но какой же идти мне тропой, скиталец?

Пал я, снова брел себе на беду
И, ничтожный, остался в этом аду.
И Шибли, и Меджнуна я приведу
По веленью любимой, о мой скиталец!

Я спросил: распустилось ли много роз?
Слышу: ветер зимы лепестки унес.
Из-за горькой судьбы, виновницы слез,
Вечно в трауре бедный изгой — скиталец.

Не всегда я бываю тоской объят,
Но мешает нам встретиться супостат,
Я тебя расспросил бы о милой, брат,
По душам говорю лишь с тобой, скиталец!

Я в раздумьях весь день, всю ночь напролет,
Так идут день за днем и за годом год.
Пусть мне чашу свою аллах ниспошлет,
И неважно, какой в ней настой, скиталец!

Ты во имя того, кто наш мир воздвиг,
Дай мне, жалкому, радость хотя б на миг.
Отзвук славы твоей дальних стран достиг,
Покровитель влюбленных, святой скиталец!

Говорит Фраги: всё тебе отдаю,
Плоть и жилы, разум и душу мою,
Кровь мою до капли последней пролью!
Полной чаши меня удостой, скиталец!

Я в час, когда блеснул рассвет,
На Сонги-Даг ступил, о беки!
Потоки вод эренам вслед
Я вброд переходил, о беки!

Я слушал клики лебедей,
Играющих среди зыбей;
Подругам юности моей
Я отдавал свой пыл, о беки!

Я рыскал по степи верхом,
Склонялся над степным цветком,
Я неимущих серебром
И золотом дарил, о беки!

Бежал я помыслов дурных,
Служил мне конь удач моих;
Абикевсерских вод живых
Я сорок чаш испил, о беки!

Я беден был, ходил в слезах,
А завтра — мерил в небесах
Просторы синие размах
Моих могучих крыл, о беки!

На тетиве родной страны
Я был стрелой в часы войны;
Из рая милой без вины
Я жизнью изгнан был, о беки!

Пускай ценители придут,
Суд надо мной произнесут, —
В огне страстей окреп мой труд:
Я двадцать лет любил, о беки!

Поет Фраги: моя спина
В горбатый лук превращена,
Я закатился, как луна,
Свой круг я завершил, о беки!

Вершины гор в тумане млечном,
Они нам не видны зимой.
Не следует о муже встречном
Судить по внешности одной.

Тот прочь ушел, другой садится.
Над недостойным всяк глумится.
Огонь любовный разгорится —
Таится тот, кричит иной.

А предо мною на просторе
Моих надежд играло море! ..
Джигит и в нищете и в горе
Идет дорогою прямой.

Но если рок вам сердце точит,
Над вами зря Лукман хлопочет.
Луна вернуть напрасно хочет
Товар, закупленный землей.

Стесняет буйного одежда.
Пленен пороками невежда.
В трусливом теплится надежда
За крепкой спрятаться стеной.

Стою с поникшей головою:
Что сделал мой язык со мною?
Но только трус не рвется к бою,
Чтоб лечь костями за край родной!

И кто Махтумкули осудит
За то, что он не позабудет,
Что правде слово дал и будет
До гроба верен клятве той!

70. НЕТ СПАСЕНЬЯ

Коль ты не близкий мой, не задушевный друг,
Ты не поймешь меня, взглянув лишь на мгновенье;
Но мудрый, вслушавшись, уловит сердца стук
И догадается, какие в нем томленья.

И сам не в силах я понять, кто я такой!
Увы! Я жемчуга не мог вобрать душой!
Но, что б ни сотворил со мной создатель мой,
К нему я возношу мои благодаренья!

Иной с презрением взирает на меня,
Слух от моих молитв с опаской отклоня, —
Но есть хлеб мудрости, есть благодать огня!
Согреюсь и поем, быть может, в светлый день я!

Пока же счастлив тем, что ем ячменный хлеб;
Жизнь коротка, поймешь: уже зияет склеп;
Дух рвется к небесам, но он бескрыл и слеп, —
Не выбраться вовек из пропасти паденья!

Ах, долго ли, Фраги, стонать под властью зла
И гневу правому подрезывать крыла?
А юности весна уже давно прошла,
И старости зима близка, и нет спасенья!

71. ОСТАЛСЯ

Из колен моих сила былая ушла,
И один я со старостью злою остался.
И в зрачках моих страсть догорела дотла,
И в холодной золе я золою остался.

Я скитался по Неджду, свой разум кляня,
И Меджнун меня проклял, в долину гоня;
Мертвецы умоляли о жизни меня;
Мир томиться над жалкой казною остался.

Я печали бежал, раздарил, что имел,
И, любовью пресытись, от слез онемел;
Мне на голову годы просыпали мел,
На морозе я мертвой лозою остался.

Телу — хлеб и одежда, джигиту — враги,
Песне — лучшее слово. . . О сердце, не лги!
Нет, не туром, а глупым теленком Фраги —
Растерявшимся над крутизною — остался.

К тебе, аллах, взываю я:
 Позволь мне в мире след оставить!
 Глубоко доля спит моя, —
 Ей крылья повели расправить!

Я нищ, и бед моих не счесть;
 Пошли же мне благую весть:
 Хлеб мой насущный дай мне есть,
 Дай мне огня — сердца расплавить!

Мир лжив, обманчив этот свет;
 Мы счастья жаждем — счастья нет;
 Дай мне хоть в восемьдесят лет
 Довольством душу позабавить!

Любовью я, Фраги, палим
 К народу, я страдаю с ним;
 О, дай сородичам моим
 Державу прочную поставить!

73. С КАКИМ ЛИЦОМ Я ПРЕДСТАНУ, БОЖЕ?

О Творец! Бесплодно жизнь протекла моя;
 Я духовного себе не обрел копя;
 Лживый мир пронзил мне дух, не заметил я;
 В Судный день с каким лицом я предстану, боже?

Позабыв добро творить, прожил я, греша;
 Я в земной грязи увяз, сердце сокруша;
 Птицей раненой, в тоске, мечется душа:
 В Судный день с каким лицом я предстану, боже?

Коль исторгнешь душу ты из груди моей,
 Коль не снидет благодать в зареве лучей,
 Коль Мункир-Некир придут в облике судей, —
 В Судный день с каким лицом я предстану, боже?

Жалкий раб я: овладел грех мной и порок;
 Снизойди и пожалей, милосердный бог:
 Как ни плачу — никого, кто бы мне помог!
 В Судный день с каким лицом я предстану, боже?

Плачь, Фраги, моли послать благодатный хлеб!
Раздавило грудь мою колесо судеб!
Если грешным я сойду и голодным в склеп —
В Судный день с каким лицом я предстану, боже?

74

Тот, кто в Истину влюблен, —
Весь в круженье, весь в движенье,
Он сияньем ослеплен,
От любви — в изнеможенье.

Светом Истины согрет
В рубище ходжа Ахмет,
Он глядит на божий свет,
Трепеща от восхищенья.

К небу рвутся деревья,
Из земли растет трава.
Дервиш Истины слова
Изрекает в озаренье:

— Стань безумцем! Стань святым!
Стань родным сердцам людским!
Завещал нам Ибрагим:
Радость — в жертвоприношенье!

На святой горе Синай
Сам господь явил нам рай.
В созерцанье пребывай,
В непрерывном постиженье!

Тот, кто божий лик узрел,
Двух миров познал раздел.
Чти Коран — великих дел
И законов изложение!

Я, Махтумкули, весь пыл
В службу Истине вложил.
Тот, кто Истину забыл,
Да пребудет в униженье!

Изменило мне счастье, мучительный мир!
Скинуть с плеч невозможно твой тягостный гнет.
Нет лекарств для меня; я печален и сир.
За тобою по следу мой разум бредет.

В белый саван оденется тело мое —
Ты на чашу весов положил бытие.
Я, безумец, из рук твоих принял питье.
Что ты делаешь? — В кровь превращается мед.

Каждый помысел мой исполняется зла;
Я взлететь не могу — ты подрезал крыла;
Золотая казна моя в землю ушла. . .
Бренный мир, я твоих не желаю щедрот!

На базаре твоём заблудилась душа;
Плоть моя истомилась, любовью дыша.
Плыл я по морю, к пристани дальней спеша,
Но кипучей волной захлестнуло мой плот.

Дивный муж посетил меня в горе моем;
Следом юноша некий пришел, а кругом
Черный ветер свирепствовал в мире ночном
И над юртой незримой дрожал небосвод.

Кто мой гость? Кто пятнадцать стремянных его?
Он в огне, но его не горит естество;
Слово мужа — пророчество и волшебство.
И без лука он стрелы пернатые шлет.

Кто — крылатый — означил земные пути,
По которым Исе предстояло пройти?
Ни слону, ни коню переправ не найти,
Если гнев его ливнем на землю падет.

Восемь дней горевал, десять дней тосковал.
И безмолвные слезы в тоске проливал,
И спустился я в дол, перейдя перевал,
Словно гнал меня дэвов озлобленных род.

Здесь четыре стихии связует вражда;
Проповедуют правду земля и вода;

Пред огнем не согреется дева, когда
Зимней стужей кончина в лицо ей дохнет.

Повествует Фраги о чудесных делах.
Божьи слезы — жемчужины падают в прах.
Обо мне вседержитель скорбит в небесах:
Душу отдал бы я, да никто не берет.

76. ДАЙ ИСЦЕЛЕНИЕ МНЕ

Средь этих выжженных песков ты сжался надо мной.
Создатель сущего, Субхан, дай исцеленье мне.
Моей измученной душе, истерзанной, больной,
О врачеватель смертных ран, дай исцеленье мне!

Останови на мне хоть раз свой пламенный зрачок.
Бесплодно жизнь моя прошла средь суетных тревог.
Услышь мольбы мои, Ильяс, ты, Зикрия-пророк,
Коус премудрый и Уман, — дай исцеленье мне.

Я сердцем и душой ослаб, как старец Ибрагим.
Моя Кааба далеко, и я не пилигрим.
Шепчу я пересохшим ртом, простерт и недвижим:
Гозли прозревший и Сельман, дай исцеленье мне.

Я корень сохнувший в песке, нет у меня ствола.
Господня воля у меня наследника взяла.
Властитель духов, дивов царь, и ты, чья власть
Провидец мудрый Сулейман, дай исцеленье мне!

Хотел о помощи взывать — теснится вопль в груди.
И вместо слез из глаз моих кровь брызнула, гляди.
К чему мне жить, где цель моя, что будет впереди?
Ответствуй, добрый Пеливан, дай исцеленье мне.

Отчизна, мой родимый дом мне чудится везде.
Там даже львы ко мне добры, там места нет вражде.
Искал тот край Махтумкули, но где он, люди, где?
О лекарь ласковый Лукман, дай исцеленье мне!

Слушай, рок, слепец бездомный, —
 Как свирель, мой стих поет:
 Что ж глушит его твой темный,
 Твой губительный полет?

Одного желанья мало,
 Чтобы дело делом стало.
 В сердце мне любовь запала,
 Тяжек сердцу давний гнет.

Силе времени покорный,
 Серебрится волос черный,
 И охотника — озерный
 Серый гусь давно не ждет.

Предстает мне мир базаром
 С жалким нищенским товаром;
 Царский кречет мой недаром
 Сонных век не разомкнет.

Я скитался по юдоли,
 Я искал счастливой доли;
 Как борец на ратном поле,
 Стрелы слов я слал в народ.

Нужен лев мирской пустыне,
 Трон — властительной гордыне.
 Вековечные твердыни
 Подвиг мой переживет.

Сердца пламень сокровенный
 Разольется по вселенной;
 Мой дворец — мой труд нетленный —
 Что кременный кряж встает.

У светил — сиянье мира,
 У меня — страданье мира,
 В небесах — желанье мира —
 Пленная Менгли живет.

В старом сердце — упованье,
 Вера в дальнее свиданье;

В ослепительном сверканье
Рай на землю снизойдет.

Мне судьба сулила горе,
Я тону в любви, как в море.
Пусть пред милой в звездном хоре
Голос мой не пропадет.

Боже, где моя награда
За мученья горше яда?
Без подруги мне не надо
Мира этого щедрот.

Времена идут лихие,
Души мучатся людские,
И красавицы другие
Водят вешний хоровод.

Соловью — цветок любимый,
Мне, Фраги, — народ родимый.
Стих мой скромный, стих гонимый
Правнук мой произнесет.

78. ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Дай птицу счастья нам, прекрасную Хумай!
Туркмены бедные, мы слезы льем рекою.
Услышь меня, аллах, спаси несчастный край:
Нам наглый кызылбаш опять грозит войною!

В степях, где жил Хызыр, пусть бедный наш народ
В державе собственной века веков живет!
Пусть неры буйные одни найдут оплот,
Пусть с общей скатерти насытимся едою!

Пусть вместе дервиши свершают свой намаз;
Пусть храбрым воинам поет хвалу наш саз;
Пусть вечная весна сойдет на бедных нас,
Чтобы расстались мы с мучительной зимою!

Туркмены! Если бы мы дружно жить могли,
Мы осушили б Нил, мы б на Кульзум пришли.
Теке, йомуд, гоклен, языр и алили —
Все пять — должны мы стать единою семьею!

Измученный Фраги не хочет встать с колен:
Не дай сынам твоим изведать вражий плен!
Пусть руку братскую йомуду даст гоклен,
Вождя испытанного ты нам дай главою!

Ты мчишься по степям безводным
 Проворней, чем кулан, гоклен;
 Ты в битву рвешься львом голодным,
 Твой гнев — как ураган, гоклен!

С тобою благодать аллаха;
 Ты никогда не ведал страха;
 Ты всех врагов разил с размаха;
 Несокрушим твой стан, гоклен!

Словам внимая вдохновенным,
 Отбей врага рывком мгновенным.
 И, воротясь, владей Гургеном:
 Тебе он богом дан, гоклен!

В грядущее стремлю я взгляды,
 Мне бог внушил слова услады:
 Враг приползет, прося пощады,
 Дымясь от жарких ран, гоклен!

И дни придут ясней лазури:
 Ты пролетишь быстрее бури
 И править будешь в Нишануре
 На благо мусульман, гоклен!

Аллах коням пути укажет;
 Весь Хорасан руиной ляжет,
 Кесе-Аркач «помилуй!» скажет,
 Падет Мазандеран, гоклен!

Тобой любясь, мусульмане
 О румском вспомнят великане,
 И заалеет поле брани
 Красней, чем гюлистан, гоклен!

Джигиту битва — солнца краше;
 Ты счастье выпьешь полной чашей;
 Клинки вонзая в кызылбашей,
 Ты потрясешь Иран, гоклен!

Я к богу возношу моления;
Умножит он твои владенья!
Зовет Фраги: пускай в Гургене
Раскинется твой стан, гоклен!

80

Судил йомудам и гокленам бог
Объединиться, чтоб с врагами биться,
Где окончанье рати, где исток?
Ведь ей в Даштидахане не вместиться.

И ворон бьется с недругом своим,
Хоть будет недруг тот орлом степным.
Восстанет мертвый, чтоб помочь живым,
Чтобы с врагом в последний раз сразиться.

Идут пять тысяч копыеносцев в ряд,
Несут другие тысячи лопат.
Текинцам и салорам нет преград,
И в битве враг не сможет отличиться.

Идут под сенью праведных знамен
Все наши племена со всех сторон,
И крепости падут, и рухнет трон,
И покорится вражия столица.

Смотри, Фраги, ведут пророки в бой
Рать, где герой из воинов любой,
Коней дыханье даль покрыло мглой,
Под небом Хорасана пыль клубится.

81. ФЕТТАХ

Иран и Туран под твоею рукой —
Ликуй, попирая святыни, феттах!
Но помни: ты кровь проливаешь рекой,
Туркмены томятся в пустыне, феттах!

Сегодня — ты шах, завтра — нищий с сумой.
Лишенный отчизны и веры самой.
Однажды зеницы подернутся тьмой,
Умрешь, обуянный гордыней, феттах!

За слово мое в кандалы закуешь.
Задушишь меня и в колодец швырнешь;
Я правду скажу возлюбившему ложь:
Убийца, ты чужд благостыни, феттах!

Слезами туркменский народ изошел,
Окрасился кровью мой горестный дол.
Подымутся головы — где твой престол?
Не будет его и в помине, феттах!

Народ мой воспрянет, исполненный сил,
А ты на крови свой престол утвердил,
Ты хлеб наш насущный с отравой смесил
И сгинешь в тюрьме на чужбине, феттах!

Привел ты в страну мою казнь и грабеж.
Ты бьешь по глазам, совершая правеж,
По сорок бичей ты невинным даешь;
Мы тонем в кровавой пучине, феттах!

Под властью твоей как в темнице живем,
В разлуке с глазами, руками, умом,
В разлуке с певучим своим языком,
И гибнем у смерти в притине, феттах!

Обуглилось небо от нашей тоски.
В удавках людские хрустят позвонки,
Не знают пощады твои мясники,
Но мы — не рабы, не рабыни, феттах!

О муках Фраги повествует, скорбя;
Когда ты пресытишься, души губя?
Я жив, но распятым считаю себя
За песню, пропетую ныне, феттах!

82. ПРИЗЫВ

Нет больше равновесья на земле.
Какие судьбы смотрят в наши лица!
Клокочет мысль, как кипятик в котле;
Не тронь ее, она должна пролиться!

Из ничего мы в мир пришли вчера;
Тот — сын порока, этот — сын добра,
Пусть волчья начинается игра
И добрый слух из края в край помчится!

За Сонги-Даг врага! И племена
Покроют славой наши имена.
Туркмены, в битву! Чтобы вся страна
Не плакала над нами, как вдовица!

Мы не напрасно кровь свою прольем:
За наши семьи, за родимый дом.
Друзья, мы все когда-нибудь умрем, —
Настало время смерти не страшиться.

Враг властвует — а день за днем идет,
В страданиях за родом гибнет род...
И мы — туркмены — терпим этот гнет!
Вставайте, братья, нам нельзя смириться!

Народу нынче говорит Фраги:
Меч доблести, отчизну береги,
Да не коснутся наших роз враги!..
Взлетает мести яростная птица!

83. ТВОЕ

Управляй, сын Фетха, могучий сердар,
Будь владыкой: настало время твое!
Царство старое ты получаешь в дар;
Обновить его — вот в чем бремя твое!

Правь! Просторы пустынь, где ходит Хызыр,
Вод Ильясовых синь и небес эфир,
Горы Коуса, грады, весь божий мир
Со зверьми и птицами всеми — твое!

Милость мощи твоей — солнце верных стран;
Перед властью твоею падет смутьян;
Биджингир алмазный, Йемен, Бадахшан,
Чьи рубины — розы в Эдеме, — твое!

Кто накличет твой гнев — станет пыль и прах;
Кто обласкан тобой — парит в небесах;
Феридуна судьба на твоих плечах, —
И величье сверкнет в поэме твое!

Знай: тебя славный трон Самарканда ждет;
Знай: от стрел твоих грозных дрожит народ;
Правь, как царь Сулейман, глубинами вод;
Древних гор ледяное темя — твое!

На восток обратясь, иди в Хорасан;
Курд признает тебя, за ним Бурзыхан;
Ты увидишь Ирак, потом Исфаган,
Что найдешь в любом гареме — твое!

Что сказал я, то сбудется! Надо сметь!
Я взгляну — превратится в золото медь!
Ты на дальние царства накинешь сеть;
Всё, что в мире — и плод и семя, — твое!

Все имамы святые — твои друзья;
У Али в мощной длани узда твоя;
Оседляет Хызыр твоего коня,
И эрены поддержат стремя твое!

Верь, Фраги! Знай: как румских не сдвинуть
стен,
Как не взять Искандера хоть на день в плен,
Так тебе не изменит вовек туркмен:
И гоклен, и любое племя — твое!

Выходят гоклен и йомуд на дорогу
И смотрят: не скачет ли в стан Чоудор-хан?
С молитвой припав к милосердному богу,
Муллы дочитали Коран, Чоудор-хан!

На поиски горлицы вдаль полетели,
Рванулись и выпили реку форели;
Невесты халаты скроили — хотели
Окутать шелками твой стан, Чоудор-хан!

В туманы оделся гранит крутоглавый,
На небе Мюррих показался кровавый;
Не в силах взлететь, через мертвые травы
Влачится, трубя, ураган, Чоудор-хан!

Пришли конепасы, пришли коневоды,
Глубинные рыбы покинули воды.
Томясь на земле, застонали народы, —
Тревогой весь мир обуян, Чоудор-хан!

Скитальцы забыли далекие страны,
Купцы возвратили свои караваны;
Встречают рыданьями сумрак багряный
И дэвы и люди всех стран, Чоудор-хан!

Высокое имя гремит по вселенной,
Кто был в Хиндустане — вернулся мгновенно.
Гадающим ныне по книге священной
Не сможет помочь и Лукман, Чоудор-хан!

Стрела у туркмена застыла на луке,
На мир возложил ты могучие руки
И скрылся. Склонясь, обреченный на муки,
Исходит слезами Туран, Чоудор-хан!

Взывает Фраги: где мой брат? Где земная
Опора моя? Где мой сокол? — Седая
Мутится моя голова, поникая,
Клубится кромешный туман, Чоудор-хан!

Щит родины, око мое — Чоудор-хан
 Почует среди похоронных рыданий.
 Друзья! Кто утешит воинственный стан
 Гокленов, рыдающих о Чоудор-хане?

Пока он родимые земли берег,
 Враги не топтали окрестных дорог.
 За старой горой Чоудор-хан изнемог —
 И змеи клубятся у ног, мусульмане!

Морозом хазан задышал на лету,
 Осыпалась лучшая роза в цвету,
 И горы в немую глядят высоту,
 И слезы роняют глаза их в тумане.

Где лук исфаганский? В небесном краю —
 В небесном краю, светозарном раю.
 Я в плоти остывшей, скорбя, узнаю
 Дворец разоренный людских упований.

Что плачешь, Фраги, при могучих мужах?
 Но слезы дрожат и у них на глазах.
 Серебряный прах за клубился в горах,
 И меркнут светила в ночном океане...

86. ГИБЕЛЬ ОВЕЗА

О братья, горе нам! Сия краса дружин,
 Мощь исполинская, сокрушена — сказали.
 Мир тленный рушится. Среди немых руин
 Зашла затменная моя луна — сказали.

Безумствует скорбей горячий океан,
 Рыдает мой Сеид, горюет мой Тархан...
 Обильный урожай развеял ураган,
 У жизни из-под рук ушла казна — сказали.

Овез покинул нас. Веселья больше нет,
Ни песен праздничных, ни дружеских бесед. . .
Туркменская земля подьемлет бремя бед,
В одежды черные облачена — сказали.

Арабский прынул конь. Вооружась мечом,
Гостелюбивый муж покинул добрый дом,
Богатый золотом, обильный серебром. . .
Орда могучая распылена — сказали.

Обиды юности пройдут, как легкий дым. . .
Но сына потерять, но слезы лить над ним
Насколько тяжелей и дряхлым и седым!
Тот караван ушел. Там тишина — сказали.

В слова, Махтумкули, вдохни свой жгучий пыл!
Глава земель и вод, водитель ратных сил,
Муж государственный в сраженье опочил,
И плоть его земле возвращена — сказали.

87. ДОЖДЯ, ДОЖДЯ, МОЙ СУЛТАН!

Припадаю с мольбой к тебе, всеблагодь,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!
Стражду я, жажду я, клонюсь пред тобой,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Да сойдет в этот мир по воле твоей
Покровитель земли, поилец полей!
Арша свет, вождь планет, твой мир пожалей,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Напой соловьев — умолкли они.
Мир от бед охрани, печаль отгони:
Новширвановы дни страдальцам верни,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Отвориться вратам добра повели.
Над полями пролей твои хрустали!

Небо меркнет в пыли над ликом земли,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Истомились мы все по твоим чудесам,
Дай цветенье садам, свершенье — мечтам.
Свой небесный бальзам дай страждущим, нам,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Беден я, слаб и наг, я — раб из рабов,
Ты всещедр и всеблаг: взыскую даров.
Нет мне жизни без них. Где щит? Где покров?
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Пред высоким твоим порогом стоим,
Губ сухих не омыв, молитвы творим:
Ниспошли урожай страдальцам земным,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Я — Фраги — всю любовь к тебе устремил.
В середине пути ты гасишь мой пыл,
Дай до цели дойти, владыка светил,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

88. ЖЕЛАЕТ

Как плоть возврата бытия,
Изведав смертный сон, желает,
Окровавленная моя
Душа иных времен желает.

Меджнун, от родины вдали,
В глухих горах чужой земли,
Своей смеющейся Лейли,
Слезами опьянен, желает.

Ища Ширин, из града в град
Бредет измученный Фархад;
Ее живительных услад,
Уже испепелен, желает.

Вамык, попавший наконец
К своей Узре в ее дворец,
Свободы ищет, как беглец,
Расторгнуть злой полон желает.

Пригож Юсуп, как божество.
В свое не веря торжество,
Зюлейха смотрит на него,
Сдержать любовный стон желает.

Фраги недугом истомлен:
Объединителя племен
Прихода благостного он,
В Туркмению влюблен, желает.

89. ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА

Что таит в своих покоях сердца запертый чертог?
Ты царевен своеправней и властительней царик!
Твой любовник изнемог,
Твой зрачок его обжег;
Плачет он — тебе потеха!
Даровал тебе сам бог
Блеск султанского доспеха:
Точно луки, гнутся брови над колчанами ресниц!

О красавицах прелестных где б беседу ни вели,
Все тебя считают первой между перлами земли.
Весть об этом журавли
В Рум и Индию снесли.
Ты пленишь любого шейха:
Пред тобой ничто — Лейли,
Пред тобой раба — Зюлейха!
Пред тобою, розоликой, поникают розы ниц!

Пламенеющие угли раскидала в поле ты;
Сталь расплавится на углях, сердца выгорят цветы.
Как тебе внушить мечты?
Чем смягчить твои черты?
Звезд не видно пламезарных
Перед солнцем красоты,
И скользят вдоль щек янтарных
Звенья локонов чудесных — вязь искусных кружевниц.

Ты сидишь, как птица Сирин, ты, как сокол, вьешься
ввысь;
У тебя как месяц брови, зубы жемчугом зажглись;

91. ДРУГ

Мир нищ, как степи без полыни, друг.
В моей душе один отныне друг.

Друзьям былым уже неверен друг.
От слов твоих душа в теснине, друг.

Согнув свой лук, мне сердце ранишь, друг.
Но жалоб нету и в помине, друг.

Высокий мир бровей прекрасен, друг.
Прекрасней нет их строгих линий, друг.

Не забывай о милосердые, друг.
Сломай копые своей гордыни, друг.

Лишив надежды быть с тобою, друг,
Бросаешь друга ты в лавине, друг.

Махтумкули томим любовью, друг.
Отринь его — и он в пустыне, друг.

92. НЕ ЗНАЮТ

Ты украшение души. Тебя желанней нет.
Весь мир наполнила собой, но мир тебя не знает.

Я за тобой свою ладью направил в море бед.
Где ты, я спрашивал у всех, но встречные не знают.

Твою стоянку отыскав, спешил, напав на след,
Где ты, у стойбища спросить, но стойбище не знает.

Земля вращается тобой и небо — много лет.
Где ты, я спрашивал не раз у вечности — не знает.

Тоскуют волны о тебе, песок тобой согрет.
У волн я спрашивал, где ты, но океан не знает.

Молил я землю: «Дай ответ» — и небо: «Дай ответ,
Как мне любимую найти». Но о тебе не знают.

Махтумкули пошел к друзьям, исколесившим свет.
Друзья о многом говорят, но о тебе не знают.

93. КЛЯНУСЬ!

О пери! Навеки пленен я тобою, прекрасной, клянусь!
Не видя тебя, я в геенне сгораю всечасно, клянусь!

Случайно я в город твой прибыл, я имя твое услышал,
И вот — соловей я плененный, певец твой несчастный,
клянусь!

Купец я: с пустыми руками вернуться домой не хочу, —
Любовный товар покупаю, твой шелк темно-красный,
клянусь!

Ты душу мою отнимаешь, а чем я тебе ужожу?
Святым угодил бы и пирам я песнею страстной, клянусь!

О пери! Подобные косы твоей лишь даны красоте!
Поверь же Фраги! Он взывает: «Я раб твой безгласный,
клянусь!»

94. ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Родинка моей возлюбленной — вечных снов жилище;
Яркие уста красавицы — жемчугов жилище.

Речи прячутся, как страусы, пред ее речами.
Что мне дни и что мне месяцы? Вот — годов жилище!

Не гулять рассветной свежести по горам и долам;
Платье у моей избранницы — холодков жилище.

Прозябает в небреженье ваш язык арабский;
Что скрывать! Моя любимая — лучших слов жилище.

Нет, не кипарису темному с ней сравниться станом;
Милая — всех взоров пристальных, всех зрачков жилище.

Будь смелей, Фраги, лукавую догони подругу:
Для тебя твоя желанная — свет, покров, жилище!

95

Одержимый любовью сожжет за собою мосты;
Любоваться он будет избранницей до слепоты.

Повстречается с нею и слова не сможет сказать.
Сколько в мире влюбленных стенают, ломая персты!

Разгорается уголь — поистине жар нестерпим,
Но любовь дорога в этом царстве пустой суеты.

Если осенью поздней на сердце низринется страсть,
Что влюбленному ранней весны молодые цветы?

Что, скажите, павлинья стоцветная роскошь ему,
Если он лебединой не может найти красоты?

Пусть живым серебром у него затрепещет душа,
Ради прихоти женской он примет обет нищеты.

На красавицу встречную он не посмотрит, — пускай
У подруги его — ни единой прекрасной черты.

В дни разлуки влюбленный к седьмым небесам воззовет,
Даже если они для него безнадежно пусты.

Из объятий скользнув, обратится к рассудку она —
Он вздохнет и покорно свои остановит мечты.

Розу будет искать и метаться среди множества роз,
Умирая под бременем этой безумной тщеты.

Но зато — как застонет счастливое сердце, когда
На призывы стократные пери слетит с высоты!

Что за речи, Фраги? Что за песня? Ведь ты не влюблен!
А слышал ли о жертвах Меджнуна влюбленного ты? ..

Слезы жгучие лью: стал я братом печали сегодня.
Слишком злые обиды меня повстречали сегодня.

Уязвлен я любовью, исхода найти не умею,
Чели мой держит разлука на крепком причале сегодня.

Как непрошенный гость, посетил я державу любимой,
Где на вечное царство кого-то венчали сегодня.

Я сказал: «Здесь я брат, не считайте меня посторонним!»
И холодной усмешкой меня привечали сегодня.

Отними у меня эту горькую душу, создатель!
«Нищий, дерзостный нищий!» — мне в уши кричали
сегодня.

Скорби этого дня ты, Фраги, никогда не избудешь.
Кривда, черная кривда у мира в начале сегодня.

97

Сгорю, полюбив: я — наследник Меджнуновой славы,
Умру — посмеется гонитель Джемшида лукавый.

Что — слон, что — комар, — кем губительный рок
не играет!
Души комариной не мучь ради глупой забавы.

У шаха-невежды храбрец превращается в труса,
И трусы наглеют, и счастье бежит из державы.

Один недочет, но двенадцать достоинств у пери.
Вглядись в молоко и увидишь в нем пурпур кровавый.

Губами касаешься губ и не знаешь блаженства.
Есть берег любви, но нельзя отыскать переправы.

До света не спишь; у тебя в том затворе зеленом
По имени Дерево есть собеседник кудрявый.

Скорбя, как Меджнун, испытал ли ты, сын человека,
Огонь пожирающий — жарче расплавленной лавы?

Ты року поверил, ступил на дорогу мучений —
Не будет возврата! Иди, сокрушая заставы.

Но родины, Махтумкули, не бросай: на чужбине
Объятья красавицы райской не слаще отравы.

98. ПОЙМЕШЬ ЛИ ТЫ?

Послал письмо тебе, но строк моих ты не поймешь.
И заклинания читал, но их ты не поймешь.
Три дня, три ночи прорыдал, затих, — ты не поймешь.
Послал удода, чтоб тебя настиг, — ты не поймешь.
Сев на осла, словно Иса, скакал — поймешь ли ты?

В слезах скитался по степи, Меджнуну был под стать.
Кораллы слез пытался я на нити нанизать.
Воспламенялась подо мной земли любая пядь,
Я, как Варка, надежду мог в час смерти потерять
И, как Шибли, вершины гор сжигал, — поймешь ли ты?

С полей Европы в Чин-Мачин летел я, как удов.
Царицу Савскую нашел в саду, где листьев свод.
И с трона Сулеймана я оповещал народ,
И, подражая соловьям, птиц прекращал полет,
Присесть на голову мою их звал, — поймешь ли ты?

А за пещерою Меджнун придумал волшебство:
Учителя, вскричав: «Аллах!», — призвал он своего,
Но, кроме Истины, никто не услышал его,
И сорок пар, в огне любви, не знали ничего.
Моей слезой он их огонь смирял, — поймешь ли ты?

И если, пир очередной замыслив, хан Ширван
На волосок переборщит, ответ им будет дан
В тот Судный день, когда в ряды построят горожан.
Разлив любви не ручеек — застывший океан,
И жажду множеством глотков я снял, — поймешь ли ты?

Я молодой соколик; дунь — под перышком пушок.
Но мир не пощадил меня — стрелу направил в бок.
И молодую кровь мою впитал в себя песок.
А с каждых сорока цветков сорвал я лепесток,
Не сто бутонов — сто шипов сорвал, — поймешь ли ты?

Махтумкули тебя назвал Венерой всех светил,
Большой Медведицы сестрой тебя он окрестил.
И ярче Солнца и Луны твой взор ему светил.
Как будто к роднику Земзем шел, не жалея сил,
И клятву, словно Сулейман, он дал, — поймешь ли ты?

99. ГДЕ ЖЕ ТЫ?

Горе мне! В разлуке тяжелой умираю. — Где же ты?
Спутница моя, подруга, пери рая, где же ты?
Свет мой, месяц в полнолуние, повторяю — где же ты?
Роз не стало ни единой, догораю, — где же ты?
Мекка ты или Медина, дорогая, где же ты?

Рок — гонитель мой — с душою разлучил меня, о горе!
В рай ушла, меня покинув, — хмур с того я дня, о горе!
Унеслись, сшибаясь, грозы, толпы гор тесня, о горе!
Океан седою пеной изошел, стена: «О горе!»
Мекка ты или Медина, дорогая, где же ты?

Не успел, не разглядел я, что с цветком лицом ты схожа.
Я сказал: «Ах, не увидеть мне уж той, что всех дороже!»
Вся в слезах: «Фраги! — стонала. — Помоги, Фраги!»
И всё же
Ты взята была землю, здесь твое пустоет ложе.
Мекка ты или Медина, дорогая, где же ты?

Плачет, бьется куропатка — птенчиков ее не стало!
Век в тоске по алой розе соловью рыдать пристало.
Загрустит в разлуке с ланью сердце белого марала.
Ах, тебя судьба-злодейка — потеряла стыд — украла,
Мекка ты или Медина, дорогая, где же ты?

Если подданных не будет, для чего же царство шаху?
Брось в огонь могучий тополь, чем он станет? — Горсткой
праха.

У разрушенного улья пчелы мечутся со страха.
Станет падалью козленок, если в пропасть прыгнет
с маху. . .

Мекка ты или Медина, дорогая, где же ты?

За стада чабан в ответе, так считается повсюду,
Чуть заснет он, разбегутся по ущельям все верблюды.
Загрызет их волчья стая, лишь костей оставит груды.
Ах, на голову свалилась мне беда! Как жить я буду?
Мекка ты или Медина, дорогая, где же ты?

В горе ввергнуты все люди, в мире счастья не найду я.
Вёсны в зимы превратились, стужа в дом вошла, лютуя,
Изошли дождями тучи, плещут вспененные струи,
Воя, вскачь пошли потоки, — море так шумит, бушуя. . .
Мекка ты или Медина, дорогая, где же ты?

Ах, цветы мои поблекли: в сад вхожу и вижу это.
Соловьев моих не стало: плачет роза — нет ответа.
Вздулись реки в половодье, разлились они по свету,
И луна моя и солнце в траур сызнова одеты. . .
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

Выронил клинок разящий из руки джигит удалый,
Зря рукою замахнулся — он не воин без кинжала.
Никнет тополь, вихрем горя всю листву с него сорвало.
Плачут братья, плачут сестры, все — от велика до мала.
Мекка ты или Медина, дорогая, где же ты?

Я, Фраги, несчастен ныне, разлучен с моей Қаабой.
Дом, родня забыты, вспомню ль образ матери хотя бы?
Вор добро разграбил, я же был тому помехой слабой. . .
Мекка ты или Медина, дорогая, где же ты?

Судьба тебя мне не дала, хоть с осени тебя я жду,
Сказала ты — зима пройдет, весной я тебя найду. . .
Средь многих девушек тебя я выбрал, как цветок в саду,
Я оробел и не посмел обнять тебя, мою звезду,
Спросить, когда же мы начнем годов счастливых череду?

Любимая! Когда бы знать, что помнишь ты, что
веришь ты,
Сто раз на дню передо мной твои прекрасные черты.
Я бедный раб, томлюсь, горю в костре бессмертной
красоты;
Пусть бог с дороги уберет врага, чьи мысли нечисты,
Прости меня, коль от обид я всё ж тебя не уведу.

Пред богом речь моя — ничто. Бедняг подобных в мире
нет,
Владыки мной пренебрегли, я пленник бесконечных бед,
И сердце пронзено мое, пусть злой стрелы не виден след,
И ты бедна, и я бедняк, на нашей радости — запрет,
На горе разлучил нас бог, послав нам лютую нужду.

Войти бы в утренний твой сад, петь, превратившись
в соловья,
Пока соперник не узнал, тебя прижал бы к сердцу я,
Таких лодыжек тонких нет у горлицы, любовь моя,
Любуюсь станом я твоим, в груди дыханье затая, —
Пусть бог убережет тебя, пусть ты не попадешь в беду.

Враг видит счастье от тебя, а друг навек лишен услад.
И тяжелей Балханских гор печаль души моей в сто крат;
Нет в мире счастья без тебя, я больше ничему не рад.
Так говорит Махтумкули: обет твой ложен, лжив твой
взгляд,
Ты неверна, и в сети я теперь твои не попаду.

101

Нет хуже доли — жить без милой,
Брести стезею сиротливой.
Аллах, дай спутницу, помилуй,
Влачусь я в муках, несчастливый.

И чтоб румяна, пышнотела,
С умом вела бы речи зрело,
Была б сердечна, да умела,
Да и с лица была красивой!

Сведи с учтивою, создатель,
Да не с кичливою, создатель,
Да не с болтливою, создатель, —
С простосердечной да неживой.

Найди мне ту, что, всех добрее,
Живет, молитвой душу грея,
Сыщи, прошу, ее скорее, —
Нет счастья мне, о справедливый.

Пусть будет она ладной, стройной,
Не слишком томной да спокойной,
Не глупой, а умом достойной,
Простой по-тюркски и нельстивой.

Попробуй добрую сосватай!
Скорей сойдешься с плоховатой.
А всех несчастней неженатый,
Будь он, как Сулейман, сметливый!

Махтумкули, горю в огне я,
Горю, безвестно пламенея,
Жену б обнять, да я не с нею, —
Вот мое слово — зов правдивый.

102. МОЯ ЧЕСТЬ

Ее румянец, как гранат, горит, огнем играя,
Перед гранатом щек ее — ничто гранаты рая.

Не дам страданий ей терпеть, взвалю их на себя.
Приди, Лукман, чтоб поглядеть, как мучусь я,
сгорая.

Махтумкули всё может снести, страдая и любя.
Но только не заденьте честь: обид я не прощаю.

Пустились вдаль мои слова к тебе, моей царнице,
Слетели медом с уст моих, чтоб ядом возвратиться.

Судьба ко мне бывала зла, от бед я поседел,
И в день весны метель бела, что предо мной кружится.

Ушла удача от Фраги, мой сокол улетел,
В сетях запутались мои все остальные птицы.

104. ЕСТЬ У МЕНЯ

Горящее сердце, смертельный ожог — есть у меня;
Базар опустевший, разбитый чертог — есть у меня;
Огонь беспокойства и пламя тревог — есть у меня;
О двух опалённых крылах мотылек — есть у меня;
Еще Хиндустан за туманом дорог — есть у меня.

Бледнеет луна — ты восходишь, свой лик открывая,
И пеплом в саду рассыпается роза живая;
Для мира твой гнев — меч судьбы, доверьт роковая.
Стою пред тобою, арабскую речь забывая;
Сладкая речь — твой голосок — есть у меня.

Как сумрачный латник, надвинулась тучи громада,
И кончилась битва; и лилии райского сада
Цветут на земле; и весенняя дышит прохлада.
В Эдем превратилась темница кромешного ада:
Над грешной землею господень пророк — есть у меня.

Пространство и время любви подчинились могучей;
Соскучась по светлому лику и речи певучей,
На землю слетает звезда за звездою падучей;
С блаженными розами ветер играет летучий. . .
Красавица нежная, как лепесток, — есть у меня.

Но в клетке моей покидает меня сновиденье.
Пою, соловей, ненавижу свое заточенье.
Смертельную скорбь мне сулит одинокое бденье.
На что мне Эдем, если путь мой — любовь и мученье
И рай — у возлюбленной в прахе у ног — есть у меня.

Встречавший — блажен, повстречавший тебя — истомится.

Я дымом истаю — позволь пред тобою склониться.
Я гибну от жажды — откройся в пустыне, криница!
Струится коса твоя — как Зеравшан не струится!
Коса твоя — море, волна-завиток — есть у меня.

На след нападет — не упустит охотник марала.
Тяжелой косою ты руки мне туго связала.
Когда бы ты речи услышать moi пожелала,
Ужели меня устршило бы зависти жало?
Рыдания и вечная жалоба: «Я одинок!» — есть у меня.

Народ разделяет мое неизбывное горе;
Печальные розы моих терпеливых нагорий
Ждут песен Фраги; потемнело Хазарское море:
Какие дестаны в твоём заблудились просторе!
И только отравленный мед этих строк — есть у меня. . .

105

В сердце страсть любви вскипела, жжет огнем невзгод
меня,
Дым мой ветром заметает, к облакам влечет меня,
Небо за руки хватает, крутит небосвод меня!
Кто взглянул бы, кто помог бы, спас бы доброхот меня.
Дождь разлуки яро хлещет, гонит в бездну вод меня.

В стан любви меня забросил мук и горестей поток,
Я хотел умом раскинуть — ветер ум мой прочь увлек.
Меж зевак один стоял я, помрачен и одинок,
А любовь клинок вострила, меч измен мне грудь рассек,
Всем в забаву стал я притчей — дразнит глупый сброд
меня.

В плоти духа не осталось, в теле — сил, я сам не свой,
Изумлен собой, поник я горемычной головой,
Я ни хворый, ни здоровый, ни умерший, ни живой!
Скорбь напала — был низринут я небесной синевою,
Но опять втянуло небо в свой круговорот меня!

Приключилась мне кручина, хуже смерти доняла,
Да любовь дала совет мне, как избавиться от зла:

Пожалела, порадела, в горе руку подала,
Красотою мне сверкнула — вновь душа моя светла,
Только зря, друзья, всё это: губит новый гнет меня.

О Махтумкули, любимой быть рабом ты обречен:
Тысячей ладов в надежде млея твой соловьиный стон,
Жаром вспыхнула разлука, дунул вихрь со всех сторон,
Страсть взметнулась языками — в пепел ты дотла
сожжен,
В сито мук мой прах насыпан: взмах — и вихрь несет
меня!

106

Что пред яркой твоей красотой все цветы гюлистана?
Пред бровями твоими — изогнутый лук Исфагана?
Что пред медом твоим — мед луны и дыханье рейхана?
Нет столь розовых губ, нет на свете подобного стана;
Я не знаю прекрасней, не знаю опасней тирана.

Истомила меня, непрозрачный покров надевая;
Даже тени твоей не нашел я в обителях рая.
Заблудился я в пламени — только и вижу, сгорая,
Расплетенные волосы: ходит волна смоляная;
В Нил я брошусь, в Кульзум — я, пловец твоего океана.

Свод небесный рука твоя нежная остановила;
Опочила на косах твоих чудотворная сила;
Исцелила недужного, мертвого ты воскресила;
Раем ад обернулся, дворцом обернулась могила.
Справедливей тебя нет на свете ни шаха, ни хана.

Ты подруг собираешь, беседы твои нелукавы.
Нет границ на земле для твоей несмолкающей славы.
Если рок ополчается против прекрасной державы,
Ты ее защитишь. Выходи, мой султан величавый,
Выходи! Во вселенной нет больше такого султана.

Копит черную злобу недоля моя на престоле,
Молвит слово дурное. Отравлены стрелы недоли.
Хитрый ловчий стреляет — и кровью окрашено поле.

Я встаю во весь рост, задыхаясь от страсти и боли.
О, мои времена! О, носители зла и обмана!

Пой, Фраги! Веселись! Жизнь тебе возвращает подруга.
Смело бой начинай: победителем выйдешь из круга,
И останется пояс твой крепкий завязанным туго.
Захотите послушать — народу почет и услуга,
Речи есть у меня — благодатней луча среди тумана. . .

107. СТРАДАНИЯ ЛЮБВИ

Город жизни разгромлен. Скитальцем я стану. Как быть?
Потерявшему царский престол Сулейману — как быть?
Бог послал мне болезнь — что же делать Лукману?

Как быть?

Зажимаю ладонью смертельную рану. Как быть?
Я, как бабочка, в пламя любовное кану. Как быть?

Где душе моей спрятаться? В мире охотится рок.
С кем из вас разделить мне постылое бремя тревог?
С кем вступить мне в борьбу? На кого мне обрушить
клинок?

Не посмел я открыться, покой моих близких берег. . .
Я в темнице сурового мира увяну. Как быть?

Я не вижу любимой и в лютом огне трепещу,
Словно вещая птица, на плечи разлуки слечу!
Я на торжище страсти горячие слезы точу.
Нет Лейли у меня, но Меджнуном назваться хочу.
Что мне делать? Я пьян, я поддался дурману. Как быть?

И в чертогах любви я составил хвалебный дестан;
Изумил я влюбленных восточных и западных стран:
Я — Меджнун из Меджнунов, мне жребий неслыханный
дан.

Наг я, беден и нищ, дикой жаждой любви обуян,
А богатство мне дай — на него и не гляну. Как быть?

Свой народ умоляет Фраги: помогите, друзья,
Мой язык обезумел, горящие речи струя.

Стан мой согнут, как лук. Поглядите: состарился я.
Всё же — роза моя полонила навек соловья.
Но садовника нет. Без него гюлистану как быть?

Розы прекрасней тебя меж цветов гюлистана нет.
Косы твои как рейхан, но такого рейхана нет.
Речи, подобной твоей, на страницах Корана нет.
Перлов, как зубы твои, в глубине океана нет.
Выше престола, чем твой, во дворце Сулеймана нет.
Родинок слаще твоих у цариц Хиндустана нет.
Месяца ярче тебя в небесах Румистана нет.
Рядом с тобой — Чин-Мачина и Афганистана нет.
Роза эдемская рядом с тобой не румяна, нет!
Рядом с твоими кораллами пламя не рдяно, нет!
Луков, как брови твои, в мастерских Исфагана нет.
Лалов, подобных твоим, в подземельях султана нет.
В мире тебя справедливей ни шаха, ни хана нет.
Дышишь прохладным туманом — блаженней тумана нет.
Яства прикажешь подать — у царя дастархана нет.
В слове твоём, как в алмазе бесценном, изъяна нет.
Сила твоя — как дурман, и пьянее дурмана нет.
Смотришь на рану без жалости: «Это не рана, нет!»
Рдеют гранаты твои — для тебя урагана нет.
Даже у пери небесных подобного стана нет.
Косы... такого струенья у волн Зеравшана нет.
Жалят ресницы твои: избыльней колчана нет.
Гибну в капкане тугом: совершенней капкана нет.
Вот — я сожжен, как бурьян, даже пепла бурьяна нет.
Духом я был великан, а теперь великана нет.
Гору в бархан превратила, а вот и бархана нет.
Рядом с тобою вино молодое не пьяно, нет!
Мертвым ни сна, ни покоя в приюте Субхана нет.
Раны души: острей твоего ятагана нет.
Чтобы тебя полонить — силы нет и аркана нет.
Где мне защиту найти? Судьи скажут: обмана нет.
Слов твоих сладостней — меда у пчел Дехистана нет.
Вот — я мертвец. Почему надо мною кургана нет?
Краше тебя ни у господ, ни у шайтана нет.
Амбры, подобной твоей, у тычинок тимьяна нет.
Я бы лекарство купил — у меня и кармана нет.
Осень настала дождливая, летнего стана нет.

Горе мое — как хазан; ветра, злее хазана, нет.
Стражду, Лукмана зову. Что мне делать? Лукмана нет.
Ты заалела — и розы Булгара, и розы Ирана нет.
Я разорился: ни торжища, ни каравана нет.
С милой весна не сравнится, ни луг, ни поляна, нет.
Сколько ни пел ты, Фраги, а такого дестана — нет.

109. К НОВОЙ МИЛОЙ

Бог — по милости иль в гневе —
Для души дворец возвел;
Девять месяцев во чреве
Пробыл я и в мир пришел.

Спеленали, обнимали,
С нежной лаской целовали,
Но отец и мать едва ли
Ждали столько бед и зол.

Жизнь трудна зимой и летом;
Что мне делать в мире этом? ..
Ах, не смейтесь над поэтом,
Что он эту речь завел!

Ветер страсти в душу хлещет,
Ум во мгле слепой трепещет,
И крылами песня плещет,
Как привязанный орел.

И Фраги взывает к богу:
«Ты вселил мне в дух тревогу, —
Дай, чтоб старую дорогу
К новой милой я нашел!»

110

Увижу тебя на миг — отваги былой не станет.
Для тех, кто любовь познал, уделом покой не станет.
И если надежды мне на встречу с тобой не станет,
Пусть жизни прервется нить, — хоть боли земной
не станет... ..

Любовью ответь, молю, и к счастью открой пути.
Ты видишь: я пленник твой. Свободу дай обрести!
От злого тирана — судьбы лишь ты сумеешь спасти.
Не будет со мной тебя, — и друга со мной не станет.

Я немощен, скорблен, слаб. Кем был на земле —
забуду...
Дворцы иль развалин прах — не всё ли равно, где буду?
И нет лекарей для меня, хоть их я искал повсюду.
Не медли с приходом, смерть, пусть плоти больной
не станет!

Как смерч, налетел хазан, в нем голос моей печали.
Я грудь для тебя рассек мечом исфаханской стали...
Взгляни: даже кости мои в дорожную пыль втоптали.
День Судный прервет мой стон, и грусти с тоской
не станет.

Несбыточны смертных мечты, всеильна воля творца,
Подвластны ей души людей, покорны лишь ей сердца.
Твой путь предначертан, Фраги, его пройдешь до конца.
Судьба у тебя одна, вовеки другой не станет!

111. НЕДУГОМ СТАЛО

Отдал сердце я неверной, да ушла она из рук,
А клеймо от страсти этой для меня недугом стало.
«На нее, — твердит влюбленный, — и глядеть мне
недосуг,
А увидел — счастлив снова, всё к ее услугам стало...»

Знать, гордынею испортил я навек свои дела.
Далеко завел в болото я судьбы своей осла.
И на господу надежда у меня теперь мала,
Не сойти, рабу, мне с места, жизнь пустым лишь звуком
стала...

От охотника мой сокол улетел, грущу о нем,
Тело полнится тоскою, сердце полнится огнем.
Я страшусь: меня подруга позабудет ясным днем —
Обитает в новом месте, жить за дальним лугом стала...

Не далась мне лебедь в руки — сокол послан мною вслед,
Но явился черный ворон, вижу — лебеди и нет;

Хоть меня и волком звали, стал я тих, не взвидел свет,
И прикинулся лисою, что глядеть с испугом стала...

И Махтумкули промолвил: «Для меня недуг — конец...
Кто же видел, чтобы волки зарождались от овец?
Братья, только от героя в мир приходит удалец,
Допустимо ли, чтоб доблесть жалким трусам — другом
стала?»

112. КТО ТЫ?

Ах, никогда я тебя не видел, моей любимой!
Кто ты? Голубка ль в росе медвяной? Скажи мне,
кто ты?

Душе печальной я лгу, обманной мечтой палимый;
Ты роза ль в роще благоуханной? Скажи мне, кто ты?

Скажи мне, кто ты? Сеид ли гордый? Святой ходжа ли?
Ты виночерпий или вино ты в златом фиале?

Ты год ли, день ли, иль ночь, иль вечность в туманной
дали?

Луна ль ты, солнце иль свод туманный? Скажи мне,
кто ты?

Ты мирра ль, амбра ль, иль пряный мускус,
иль свежесть мяты?

Ты колесо ли судьбы лукавой или петля ты?

Ты вал ли пенный в кипящем море, в реке ль волна
ты?

Ты водоверть ли иль вихрь песчаный? Скажи мне, кто
ты?

Кто ты? Червонный тяжелый слиток? Ты серебро ли?
Престол ли божий, иль трон султана, иль просто поле?

Лампада ль, луч ты иль зыбь цветная на ореоле?

Ты перл ли, лал ли, коралл ли рдяный? Скажи мне,
кто ты?

Фраги! Не думай об этой страсти неуловимой!

Прочь руки: образ ее лукавый прочтится мимо!

К чему мечтаешь ты о незримой своей любимой?

Ты кто? Безумец? Мечтатель пьяный? Скажи мне, кто
ты?

Соль желаний всенародных, боль мечтаний полюбил я.
 Розу лунную — в небесном океане полюбил я.
 Соловей — и шум, и ссоры в гюлистане полюбил я;
 Водоверть косы тяжелой как в дурмане полюбил я;
 Стень меня околдовала: путь скитаний полюбил я.

Гнал меня жестокий жребий через реки и долины,
 Предо мною промелькнули горы Мекки и Медины,
 Я блуждал в садах Эдема, видел призрачные крины,
 И меня заполонили, привели в страну кручины.
 Что мне делать? Сто печалей, сто страданий
 полюбил я.

Я один. В песках пустыни потонул мой взгляд. О горе!
 Для чего ты стрелы мечешь? Ранен твой Фархад.
 Ты мне сердце истерзала. В жилах — желчь и яд.
 Слепленные надежды по ветру летят. О горе!
 Так — рыдая — уголь жаркий заклинивший полюбил я.

Что за море предо мною? Что за дикие утесы?
 Догорающее тело жалят огненные осы.
 Кто ты: горлица, орлица? Соловей среброголосый?
 По семидесяти тысяч жалких пленных губят косы.
 Киноварный шелк на тонком стройном стане полюбил я.

Приходи! Иль ты не видишь, как влюбленный раб
 Как меня в неволю манит черных кос твоих темница?
 Неужели в злое время не должно мне счастье сниться?
 Нищета впилась мне в душу, тело точит огневица:
 От руки твоей недоброй смерть в аркане полюбил я.

Милая меня отвергла: не желает на поруки
 Взять полуживое сердце у тюремщицы-разлуки.
 Тяжело мне в ожиданье вздрагивать при каждом звуке
 И ломать при встречах руки... Злых бровей крутые луки
 И ресницы злые — сотни стрел в колчане — полюбил я.

Так Махтумкули влюбленный стал добычею обманов.
 Разнесли мою державу кони вражеских султанов.

Сто столиц в державе было, были тысячи духанов...
Я исчез, убитый милой, став золой, под землю канув,
Потому что слишком сильно цель скитаний полюбил я.

114. ВСТРЕЧАЛ ЛИ ТЫ?

Кидающую в ночь сиянье и свеченье,
Встречал ли ты мою царицу красоты?
В день радостной весны иль светопреставленья
Встречал ли ты мою царицу красоты?

Анку, выдавшую свет истины воочью,
Днем недвижимую, порхающую ночью,
Ту, что блистательна в одежде, рваной в клочья, —
Встречал ли ты мою царицу красоты?

Злой рок разлукою мне грудь разъял навеки;
В пустынях я брожу, переплываю реки,
Ища любимую в Ираке, в Шаме, в Мекке, —
Встречал ли ты мою царицу красоты?

В Хорезме, в Кыпчаке, в далеком Чин-Мачине
Иль там, где Зумаил сквозь звездные пустыни
На крыльях ангельских витает и поныне, —
Встречал ли ты мою царицу красоты?

У моря Красного, что стонет, как влюбленный,
Иль в царстве лотосов, иль на Аму вспененной,
В Ерусалиме ли, в Медине ль раскаленной —
Встречал ли ты мою царицу красоты?

Где милая? — томит Махтумкули тревога;
Как отыщу ее средь горного чертога?
Архангел Джебраил, святой посланец бога,
Встречал ли ты мою царицу красоты?

115. ЕСТЬ ЛИ?

О любви послушать слово
Есть желающий, друзья?
Стонам бедного больного
Есть внимающий, друзья?

Опьянен я! Волей рока
В сердце страсть вошла глубоко;
Есть ли в мире столь жестоко
Изнывающий, друзья?

Жжет мне тело, сердцу больно,
Плачу я, кричу невольно;
Есть ли в мире столь бездольно
Погибающий, друзья?

Наслаждаясь миром лживым,
Можно ль быть хоть миг счастливым?
Есть — в котле любви бурливом —
Умиравший, друзья?

Страсть и мысль — в извечном споре;
Мужу страсть — беда и горе!
Есть ли кто в любовном море
Утопающий, друзья?

Я терзаюсь, я тоскую,
Покидаю грудь земную!
Есть ли смехом боль такую
Оскверняющий, друзья?

Как Фраги ни пламенеет,
Пери злая не жалеет. . .
Вправду ль страсть как ястреб реет,
Всё терзающий, друзья?

116

Коль время-кравчий мне не даст испить шербету —
Умру, не вытерплю, истаю, как свеча!
Дай чашу, милая! Мы скроем тайну эту!
Знай, образумлюсь я, лишь нежный клад ища!

Пловец потерянный, я плыл по океанам;
Я спутницу нашел, стремясь к блаженным странам;
Испив ширап любви, я буйным стал и пьяным;
Мне чужд и утра шелк, и поздних зорь парча.

Покуда страсть кипит — душа сверкает в теле;
К тебе мои слова, мои мечты летели;
Я муку пережил, рыдал я дни, недели —
И был мне каждый миг как бы удар бича!

Твой взор — палац, уста — с лазутчиками схожи.
Ты рушишь мой покой, вливая волны дрожи;
Но если б, как Мансур, остался я без кожи —
Я б за тобою полз, ее как плащ влача!

Махтумкули — я спал, мне было так отраднo;
Но повелела ты, и — раб я страсти жадной;
Я утерял себя навек и безоглядно;
Так пусть хоть имя мне останется, звуча!

117. ПУЖНА МНЕ

Ты добр ко мне, аллах могучий,
Но милость вящая нужна мне:
Красавица с душою жгучей,
Меня пьянящая, — нужна мне.

Не дашь — поникну под бедою.
Куда пойду с моей тоскою?
Рот, как миндаль, и бровь дугою,
Смолой кипящая, — нужна мне.

Прославленная добрым нравом,
Не склонная к пустым забавам,
С лицом веселым, нелукавым,
Дух веселящая, — нужна мне.

Минуло двадцать лет напрасно,
Хоть счастья ждал я ежечасно.
Жена со ртом медвяным, страстно
Меня манящая, — нужна мне.

Махтумкули, бедняк бездомный,
Был сопряжен с невеждой темной.
Ах, жить бы с милой, умной, скромной!
Мой труд ценящая — нужна мне!

Кто милой сообщит об участи моей?
 Набита грудь моя горящими углями.
 Пусть милая придет, погасит поскорей
 То, что не погасить и долгими дождями.

Пришедшим свой чертог ушедший уступил.
 Любовь герой сокрыл, трусливый разгласил.
 Любимая во мне, хоть я ей и не мил,
 Сначала разожгла, потом раздула пламя.

Недобры небеса, их неверна рука.
 Где милая моя? Как прежде, далека.
 И счастья на земле не будет мне, пока
 Не встретятся мои глаза с ее глазами.

Тяжелый мой недуг согнул мой тонкий стан,
 Чтоб излечить меня, бессилен и Лукман.
 Муть в голове моей, передо мной туман.
 Смогу ли я избыть свою печаль словами?

Ценою ста обид и тысячи забот
 Стягаем мы добро, приумножаем скот,
 Но мир — морская ширь, а наше тело — плот.
 Его вот-вот зальет и разобьет волнами.

То, что копили мы, достанется не нам,
 Когда придет конец недолгим нашим дням.
 Кто б ни был человек, чей праотец Адам,
 Ты превратишься в прах, исчезнет даже память.

Именье и твое, Фраги, не на века.
 Из вечного тебе дадут наверняка
 Лишь холмик вышиной в два или три вершка,
 Да полотна кусок, да надмогильный камень.

119. ВЗОР УПАЛ

Богом радость мне дана!
 Взор упал мой на желанную.
 В мейхане испив вина,
 Вижу, вижу страстью пьяную!

Локон твой душист и густ;
Взор — алтарь, и он не пуст;
И кораллы влажных уст
Глубью дышат океанною.

О запретная, приди,
Ты на раны погляди.
И прильни к моей груди, —
Дай мне видеть богоданную!

Ты — джейран: легка, стройна;
Меда речь твоя полна;
Ты — как полная луна
Над равниною безгранною!

Жгут желанья грудь людей;
Предан раб княжне своей;
Трели нижет соловей,
Если видит розу рдяную.

Гиацинт твоих волос
В сердце песню мне занес;
Соловей я: райских роз
Вижу гроздь благоуханную.

От страданья исцели,
Красотою уголи:
Душу душ Махтумкули
В милой видит осиянную!

120

Сердце что-то замыслило, вскинулось ввысь,
Выше белого облака вьется, друзья.
Всё-то на небо смотришь да кличешь: «Вернись!»
Как его ни зови — не вернется, друзья.

Сердце вольною мудростью окрылено,
Разучилось отшельников слушать оно;
А вернется в темницу свою — всё равно
Снова привязь его оборвется, друзья.

И в разлуке — читающий свиток любви
Не желает укрыться от пыток любви;

156

И — однажды пригубив напиток любви —
Не находишь блаженней колодца, друзья.

Говорят, письма в волосах у Фатьмы
Не увидим до часа возмездия мы.
Не боится любовь ни сумы, ни тюрьмы,
Сердцу жребий огня достается, друзья.

Дело есть у любви: поминутно расти,
Жечь огнем, закрывать пред влюбленным пути.
Знает бедный Фраги: от любви не уйти,
Слишком поздно седлать иноходца, друзья.

121. УСЛЫШУ ЛИ Я О ТЕБЕ, ЛЮБИМАЯ?

О дева-роза, соловьев царица!
Услышу ли я о тебе, любимая?
Все страны мира для меня темница;
Услышу ли я о тебе, любимая?

От бронзотелого Исфендиара
Иль от Рустема, бывшего яро,
В Медине иль в Дамаске, средь базара,
Услышу ли я о тебе, любимая?

Вина испив, в восторге пребывая,
Или врага на части рассекая,
Иль по горам, как Гёр-оглы, летая,
Услышу ли я о тебе, любимая?

От соловья в саду благоуханном,
В священной Мекке, в храме богоданном,
В горах Сафа, поросших маком рдяным,
Услышу ли я о тебе, любимая?

Как Шейх-Сенган, скорбь затая навеки,
Иль как Шибли, землей засыпав веки,
Иль обойдя Каабу трижды в Мекке,
Услышу ли я о тебе, любимая?

В темнице, как Юсуп, томясь годами,
Или, как Джерджис, поникая в пламя,
Иль к богу, как Юнус, летя мечтами,
Услышу ли я о тебе, любимая?

В молитве страстной вскинув к небу руки,
Иль пожелтев, как Гюль-Ферхар, в разлуке,
Иль из дутара исторгая звуки,
Услышу ли я о тебе, любимая?

Исе подобно в небесах укывшись,
Иль, как Идрис, в молитвах изнувившись,
Иль, как Хызыр, во тьме ночной забывшись,
Услышу ли я о тебе, любимая?

Фраги, присев средь пьяных и влюбленных,
Средь тусклых глаз, любовью удивленных,
В семи краях иль между звезд бессонных, —
Услышит ли вновь о тебе, любимая?

122. ПРИДИ

Моя мучительно-любимая, приди!
Я горько бедствую, грудь пронзена ножами.
Ищу тебя, зову: нет жизни впереди!
Ужель не тронешься правдивыми словами?

Совета я прошу, и говорит народ
Простой пословицей: «Где масло, там и мед».
Встаю к молитве я, лишь утро расцветет,
И — первыми — тебя к себе зову мольбами.

Для понимающих — ты ярких лалов нить.
Невеждам никогда твой ум не оценить.
О, если б ты могла моей женою быть,
Любимая моя, чей образ — смерть и пламя!

Войдя, любимая дом сердца озарит
И счастье мертвое навеки воскресит.
Я захочу — как воск расплавится гранит,
Я повелю — и дуг покроется цветами.

Нет в мире ярче солнц, чем солнце красоты!
Крылатыми твои становятся мечты.
Беда тебе, Фраги, коль не добудешь ты
Той, на кого глядишь влюбленными глазами!

Я бродил по теснинам любви. Лучше, кажется, смерть!
 Что за мука! Душа изныванья такого не стерпит!
 Если гору любви взгромоздить на небесную твердь,
 То обрушится небо — страданья такого не стерпит!

Без дыханья любви даже факел не станет гореть.
 Даже волки стенают, почуя любовную сеть;
 Горы грозные дрогнут, расплавятся камни и медь
 От любовного зноя — пыланья такого не стерпят!

Не найти никого, кто бы в муках любви устоял;
 Даже рок отступает, почуя любовный накал;
 Покачнется земля, океаны отхлынут от скал,
 И просторы пустынь содроганья такого не стерпят!

Рай бежит от любви и на небе укрылся навек;
 Ал, под землю скрываясь, ущельями горы рассек;
 Всё бежало; остался покорен любви человек,
 Но и он без рыданья терзанья такого не стерпит!

И вовеки Фраги не бежать из любовных оков,
 Но напрасны все жалобы: небу не слышен их зов.
 Эта смерть и тоска — нам наследство от грешных отцов,
 Хоть душа никогда наказанья такого не стерпит!

Нет красивей!.. Взоры — стрелы,
 Бровь, как лук, напряжена;
 Перед нею солнце меркнет,
 Затмевается луна.

Душу ей отдать не жалко:
 Нет красавицы подобной!
 Голова — с поставом гордым,
 Грудь — высокая волна.

Сердце смута охватила,
 Ни минуты нет покоя,
 И от страсти — на дутаре
 Стонет жалобно струна.

Для влюбленного — блаженство
Быть с такою, слаще рая.
А разлука — точно пламя,
Точно ада глубина.

Не утрать последней силы
Пред ее палящим взором:
Ведь и так слабеют мысли,
Красотой душа полна!

Скрыты в ней, на гибель мудрым,
Сатанинские соблазны;
Ей избранники — по нраву,
Но жестока к ним она.

И Фраги взывает к богу:
«Нищий я! Пошли мне милость —
Пусть хоть на мгновенье будет
Счастьем жизнь озарена!»

125. ВСПОМНИШЬ ВДАЛИ

Я люблю тебя, милая, с первых дней.
Что скрывать мне, что прятаться от людей!

.
.

Не один я влюбился в глаза-лучи.
Жажду я тебя днем. Я томлюсь в ночи.
Я — твой раб, о любимая! Научи,
Как достичь, чтобы вместе мы быть могли?

Был я нищий гость — так войду в почет.
Был — сухая кость — в жилах кровь потечет,
Было сердце мертво — вновь оно оживет,
Если ты обо мне вспомнешь вдали.

Я огнем своей муки весь мир поджег.
Я молю о спасенье, — горит чертог!
Все стихи в единый слились поток,
Чтобы мы наши судьбы в одну сплели.

Кто свой хлеб отдает, тот берет вдвойне.
С каждым днем ты нужнее, желанней мне.
Коль на торге любовном душа в цене —
Душу милой вручает Махтумкули.

126. ЛЮБИМОЙ

Братья, только взглянул я — и понял вдруг:
Адский жжет огонь не сильнее любимой.
Бровь ее изогнулась, как меткий лук.
Взоры смертных прикованы к ней — любимой.

Эту пери не мог породить Адам.
Плач влюбленных не даст передышки нам.
Тот, кто видит ее, не верит глазам —
Ярче молний сверканье очей любимой.

Свет ее красоты как солнечный свет,
Верных слов для ее описанья нет,
Это диво — тонкий узор, самоцвет,
Райских дев не бывает светлей любимой.

На ее пиру я и сам побывал
И ее вином был сражен наповал,
Речь любимой язвила сотнею жал,
Сколько было ранений от змей любимой.

Я владычице душ век внимать готов,
Вы прислушайтесь к нежной музыке слов.
«О, мой раб!» — из-за полога слышу зов,
Повелительный голос моей любимой.

Удостоенный видеть ее цветник,
На пустынной горе я очнулся вмиг,
Легкий ветер к нежным ланитам приник,
Гладит черную пряжу кудрей любимой.

Бровь нахмурит она — и конец всему,
Трубный глас прозвучит — не спастись никому.
Души добрых и злых — все канут во тьму, —
Ничего нет на свете грозней любимой.

Жар разлуки в сердце разжег костер,
Прах у ног любимой — мне приговор,
У нее нет ни братьев и ни сестер,
Не встречал я врагов и друзей любимой.

Никого нет на свете, только она,
Кто полюбит ее, тем смерть не страшна,
А сама не знает ни пищи, ни сна,
И пристанища нет у моей любимой.

Все, увидев ее, скитались вдали,
Часто слезы из глаз влюбленных текли.
Говорит без утайки Махтумкули:
Я всю душу пожертвую ей — любимой.

127. КРАСАВИЦА

Солнца меч опустился, остер и слепящ, —
Ты луной серебришь всё вокруг, красавица!
Ты — изденье Джафара, ты — беличий плащ,
Исфаганский изогнутый лук, красавица!

Шнур серебряный в косах, зарницы двойник,
Каждый встречный к тебе обращает свой лик,
Твои губы — как Мекки священный родник,
Ты — творенье божественных рук, красавица!

Ты — багрянец, ты — пурпур, ты — алый восход,
В Хиндустане ты — сахар, а в Булгаре — мед,
Лик твой в пору любви, словно роза, цветет,
Зулейха и Юсуп — ты, мой друг, красавица!

Кто силен, тот — считается — праведным стал,
У такого и дар исцеленья немал.
Молвят: лучшую дыню съедает шакал.
Осчастливленный раб — твой супруг, красавица!

Твоя слава достигнет восточных вершин,
Ты — высокий кальян, тонкогорлый кувшин,
Искрометный прозрачный индийский рубин.
Всех рассудка лишаешь ты вдруг, красавица!

Если правду не скажет вам Махтумкули,
Зубы выбив, лжеца изваляйте в пыли.
Если б видел аллах все страданья земли,
Ты бы наш исцеляла недуг, красавица!

128. ТВОЙ СТАН

Поистине, что кипарис,
Красавица, строен твой стан.
Проходишь в одежде из роз —
На диво спокоен твой стан.

Плывешь, как луна, далека,
И душит мне горло тоска.
Как стан Зулейхи, пояска
Златого достоин твой стан.

Я — жертва осенних ветров;
Ты — вера моя и покров,
Мой храм. Из каких жемчугов,
Алтарь мой, построен твой стан?

Я плачу и слез не таю,
Я гибну во славу твою;
Я выронил меч и пою —
Израненный воин — твой стан.

Стенает Фраги: пощади,
О, не добивай, погоди,
На горе мое погляди,
Приди! — неспокоен твой стан...

129

Кульзум я готов переплыть сорок раз,
Заметив у милой вниманье ко мне.
Крылами взмахну, полечу я тотчас,
Услышав: «Приди на свиданье ко мне!»

Я буду служить ей полвека подряд —
Подобно мгновеньям года пролетят!
Когда б на меня она кинула взгляд,
Скользнула бы легкою ланью ко мне.

Где взять мне огонь, чтоб ей душу зажечь,
Заветное слово, волшебную речь?
Чтоб мог я владычицу сердца привлечь,
Хотя бы шепча заклинанья, ко мне?

Мне встретился муж на распутье одном...
Он ветром намаз совершал и дождем.
Плащом был окутан, и маска — на нем...
Шагнул он в таком одеянье ко мне.

Ему я на время попутчиком стал.
Зывал он ко мне, точно дервиш-абдал.
С друзьями его я средь поля стоял.
Слетались все их пожеланья ко мне.

Призвали меня и сказали: «Служи!»
И странник промолвил: «Где был ты, скажи?!
Отвагу свою нам, Фраги, докажи!
Приди, позабыв колебанья, ко мне!»

Дней жизни немного. Всего только пять.
И времени нет у Фраги, чтобы ждать.
Земля обращает опять и опять
Разверзнутой пасти зиянье ко мне.

130. ДВЕ ЛУНЫ

Глаза отрады лишены.
Душа надежды лишена.
Но вот я вижу две луны:
Твой лик сияющий — луна.

Взглянув, меня не узнаешь.
Зачем-то горько слезы льешь,
Зачем-то, хмурясь, прочь идешь,
Застенчива и холодна.

Неиссякаем слез поток.
От слез ты слепнешь, мой цветок.
Пусть на устах твоих платок —
Владеет нами страсть одна.

И каждый день, и каждый миг
Тебя лишь славит мой язык.
И петь и плакать я привык,
Но речь влюбленного бедна.

Ты мне надежд не подаешь.
Твоей любви отточен нож.
Шутя ты кровь безумца льешь,
Тоска моя тебе смешна.

Друзьями нынче я забыт,
И птице ловчей путь открыт,
Любовь, как беркут, ум когтит,
Как власть ее когтей страшна!

Махтумкули ослеп от слез
В любви своей, как водонос,
Он воду пролил, не донес,
И жизни даль темным-темна.

131

Еще почиет роза роз,
Я задыхаюсь и немею,
Не избежав ее заноз,
Над горькой радостью моею.

Я бы украл ее, как вор,
Благословляя свой позор...
Но, отводя голодный взор,
Я тайным счастьем пламенею.

И как под лезвием ножа
Душа Фраги поет, дрожа:
Мне смерть судила госпожа,
И я противиться не смею.

Когда блеснул твой лунный лик,
Я обезумел и, сгорая,
Душой трепещущей постиг
Невнятные напевы рая.

Приди, душе покой верни,
Моих соперников казни,
Побудь со мной в ночной тени,
В моей степи весной играя.

Я жду, а в сердце — вечный страх;
Я жду, как дикий тур, в горах.
Поёшь — и соловьи в садах
Запеть не смеют, замирая.

Фраги, ты — раб крутых бровей
И глаз возлюбленной своей!
Ты не искал иных путей,
Нелегкий жребий выбирая...

133—146. МЕНГЛИ

1

Горделивые пери султаном признали Менгли;
Соловьи онемели, когда увидали Менгли.
Сам я сердце подставил губительной стали Менгли.
Клад мой шахом захвачен, для шаха украли
Менгли.
Я, злосчастный, тобою покинут в печали, Менгли!

Окажи мне вниманье, скажи, где твой сладостный
дар?
Я с товаром богатым пришел на любовный базар,
И на нем заблудился, и встретил владычицу чар.
Говорят: у влюбленных душа превращается в жар...
И крыла мои в пламени затрепетали, Менгли!

Лукобровой хочу я в нарциссы очей заглянуть,
Те медвяные реки и краткие встречи вернуть.

Над ее головою душа моя бьется, как ртуть,
Я не вижу любимой и слезы роняю на грудь...
Как соленое море, потоки их стали, Менгли!

Кто ты? Райская роза иль вешний подарок земли?
Соловья полонили, забыли его — и ушли;
Мимо запертой клетки мелькнуло подобье Лейли.
О, зачем твои стрелы меня пощадить не могли!
Одержим я, в живых я останусь едва ли, Менгли!

Ты луной восходила, одетая в звездный туман;
Образ твой — полнолуние, для множества образов —
хан;
Красоту твою помнить мне жребий мучительный дан;
Средь гокленов, йомудов прославил я стройный твой
стан.
Для тебя мои руки цветы разбросали, Менгли!

Я безумец, я нищий, сожгите меня, мотылька!
Что мне делать на свете? Как небо, Менгли далека.
Что мне райские рощи, когда я лишен цветника,
Без которого душу терзает такая тоска,
Что рыданий подобных в аду не слышали, Менгли!

2

Жертва истины небесной —
Дух мой, жизнь, моя казна;
А мечта из клетки тесной
В Хиндустан увлечена.

Жил я, пел и слезы лил я,
Свой народ, свой край любил я,
И стихи ему дарил я
Слаще меда и вина.

Милой всё, чем дорожило,
Это сердце подарило;
И лицо я скрыл от милой —
Боль была бы не видна.

Я сторал вдали от рая,
По стране любви блуждая,

А душа моя живая
До сих пор заточена.

Сам я принял жребий странный,
Сам вошел в огонь багряный,
Сам прославил эти раны,
Сам себя лишил я сна.

Жду, не находя исхода,
Видят всё глаза народа:
Где, друзья, моя свобода,
Мир, покой и тишина?

Я стрелою стал в кручине —
Цель ищу я в тверди синей;
Но всё ближе я к пучине —
Плот мой гонит вдаль волна.

Перед миром я в ответе:
Только милой — слезы эти;
И одна мне в целом свете
Пери стройная нужна.

Бьется сердце, словно птица, —
По своей Менгли томится,
А она Фраги стыдится,
Нежной робости полна!

3

Твое подножье — мир земной,
Красавица с высоким станом;
Ты стала солнцем и луной,
Далеким звездным океаном.

Ты повелела мне сама —
Влюбленному — сойти с ума;
Твоих ресниц ночная тьма
Мне грозным кажется колчаном.

Я в полдень ждал тебя. Я гас
И вновь горел. Ушел из глаз
Безумный день. За часом час
Тянулся медленным туманом.

Такая боль мне сердце жжет,
Что день мой превратится в год;
Пока моя луна взойдет,
Я стану пеплом бездыханным.

Я бросил дом, забыл семью;
Заботы голову мою
Наполнили. . . В чужом краю
Я опьянею твоим дурманом.

Веселье у тебя в глазах,
А пленники твои — в слезах.
Защиты я искал в горах,
И обернулся дол курганом.

Согнулся гордый ствол в дугу,
Истлели травы на лугу,
Иссякли воды на бегу,
И море поросло бурьяном.

Бай превратился в бедняка
И ханом стал бедняк — пока
Я ждал тебя, моя тоска,
Надежда, ставшая обманом.

Пока Махтумкули бродил
Меж румских царственных могил,
Он жизнь до капли расточил,
Измученный своим тираном.

4

Ты — роза, цель моих надежд,
Твой лик на лунный круг походит.
Прохладный шелк твоих одежд
На благодатный луг походит.

В моих садах цветет шафран;
Пал на глаза густой туман;
Пустыней стал мой океан,
Мир на жильё разлук походит.

Я видел сам: ты мимо шла,
Всех пери зависть обожгла;
Твой взор — каленая стрела,
Грудь — на жестокий лук походит.

И сердце льнет к твоей судьбе;
Язык мой в страхе и мольбе,
Мой разум, рвущийся к тебе,
На паруса фелюг походит.

Мне красота твоя — палач.
Лица, красавица, не прячь!
Скажи мне: «На свирель твой плач,
Твой стон, твой зов, мой друг, походит».

Ты — лебедь трепетных зыбей,
Ты — счастье родины своей,
Ты — майя сказочных степей.
На пытку мой недуг походит.

Ступила ты на мой порог,
Мы обманули злобный рок;
Завистник-мир на сто тревог,
Нас обступивших вдруг, походит.

Несчастье он пророчит нам,
Я душу за тебя отдам, —
Твой дом похож на божий храм,
Мой дом — на лавку мук походит.

Как месяц в сумрачной дали,
Мне светит красота Менгли.
Безумцем стал Махтумкули,
На слезы песни звук походит.

5

Свой пальчик розовый кусая,
Смущается Менгли-ханум.
Тугие косы расплетая,
Смущается Менгли-ханум.

А ты гори, смотри, влюбленный:
В беседу с бровью насурьмленной
Вступает локон расплетенный,
Смущается Менгли-ханум.

В одежде алой не бежала
От взоров жителей Ахала,
А с нами говорить не стала:
Смущается Менгли-ханум.

Хочу заговорить — немею,
Стою как нищий перед нею,
Сказать: «Открой лицо!» — не смею:
Смущается Менгли-ханум.

Душа, владычица, отрада,
Зовет Фраги — бежать не надо!
Но — благодатная — от взгляда
Скрывается Менгли-ханум.

6

Ты напала из-за угла,
Ты покой отняла, разлука.
Ты Менгли у меня взяла,
Горе мне принесла, разлука.

Раб, я сгину в твоём краю,
Обездолен, я слезы лью;
Стон вложила ты в грудь мою;
Длань твоя тяжела, разлука.

Я взываю — не внимлет шах.
Нет луны моей в небесах.
Горы плач мой разрушил в прах,
Мир дотла ты сожгла, разлука.

Но расскажет мой каждый стих
О жестоких делах твоих.
Нет у знахарей трав таких,
Чтобы ты отошла, разлука.

Зюльфикар мой упал из рук.
Где защитник мой? Где мой друг?
Никого! Тишина вокруг:
Всех в Иран увела разлука.

Лук натянут, но пуст колчан.
Солнце кануло в океан.
Я, мой боже, умру от ран:
Беспощадна и зла разлука.

Горько плачет Махтумкули,
Вспоминает свою Менгли;
Слезы печень его сожгли.
О, кромешная мгла, разлука!

7

Если приду к милой моей, в том гюлистане
Солнечный луч и цветники будут играть.
Змей и дракон, что стерегут горы в тумане,
Кос молодых в тех завитках будут играть.

Из родников жизни и слез пили газели.
Что ж на меня эти глаза не поглядели?
Где продавцы? Где мой базар — город веселий?
Скоро ли здесь покупщики будут играть?

В сад я вошел: рядом цвела сада царица.
Мне за нее с хитрым купцом не расплатиться.
Стонет в саду мой соловей — пленная птица:
Долго ль с огнем те лепестки будут играть?

Помысел злой не устоит против благого,
Сыщет приют в речи живой доброе слово.
В дружной стране честных мужей, сердца
прямого —
Крепость клинка, сила руки будут играть.

Рок ополчил зависть и гнев — копыя и луки!
Трус не пойдет с храбрым делить ратные муки.
Махтумкули с нежной Менгли после разлуки
В райском саду, как мотыльки, будут играть.

Странники, взгляните на меня.
 Кто еще подобно мне томится?
 Мотыльки, любовники огня,
 Кто из вас к блаженству не стремится?

Ветер, ветер, ты в чужих краях
 Пел в ушах, вздымал дорожный прах...
 Есть ли в мире справедливый шах,
 Где его счастливая столица?

Муж святой, ты видел горний рай,
 Ты земной благословляешь край,
 А по белу свету ходит бай,
 Укажи, где нищему укрыться?

Я должник, в душе моей тоска —
 Дудку сделал я из тростника.
 Птицы вы мои! От ястребка
 Разве может спрятаться синица?

Рыба, ты и лодка и гребец,
 Синяя пучина твой дворец.
 Есть ли в мире остров, где беглец
 Вечных бедствий мог бы не страшиться?

Мир-завистник, ты как время стар,
 Отнимаешь свой блаженный дар...
 Есть ли на земле такой базар,
 Где алмазы по грошу кошница?

В мире есть красавица одна,
 Словно двухнедельная луна;
 Родинка ее насурьмлена, —
 Кто с моей избранницей сравнится?

На земле моя Менгли жила,
 Обожгла мне сердце и ушла.
 У меня в груди ее стрела.
 Где она? Какой звезды царица?

Я скучаю по родным краям.
Ты гулял ли с нею по горам?
Дай мне весть — по-прежнему ли там
Дождь идет, седой туман клубится?

За годами промелькнут года,
Новые возникнут города.
Кто мне скажет — будет ли тогда
По Корану человек молиться?

Народится новая луна —
Не навеки сгинула она.
Для ростовщика возведена
Будет ли надежная темница?

Мало говорил Махтумкули —
По глазам печаль его прочли.
Лебеди отеческой земли,
Иль не горько с вами разлучиться?

9

клянусь

Истерзала меня любовь,
Вот начало начал — клянусь.
Ранит насмерть черная бровь,
Одержимым я стал — клянусь.

Миром правишь одна — ты, ты.
Золотая луна — ты, ты.
Рай, покой, тишина — ты, ты.
Слезы лить я устал — клянусь.

Ты, затмившая блеск Лейли,
Движешь звездные корабли.
Не увидишь ты издали,
Я велик или мал, — клянусь.

За невесту платят калым.
Скорбь играет сердцем людским.
Я приду, нищетой гоним,
На последний привал — клянусь.

Люди знают: ночью — темно;
Где река, там вода и дно;
Мусульманин, пьющий вино,
Для спасенья пропал — клянусь.

Смерть придет за душой, как тать,
На уста наложит печать.
Не умеет слова держать
Малодушный бахвал — клянусь.

Тигр охотится в камышах,
Роет червь отсыревший прах.
Тонет нищий в горьких слезах —
Значит, к баям попал — клянусь.

Если б руки твоей Менгли
Протянуться к тебе могли,
Ты воспрял бы, Махтумкули,
Выше гор, тверже скал — клянусь! . .

10

ТВОИ ГЛАЗА

Живую душу погубили
Два палача — твои глаза;
Опять немилостивы были,
Как два бича, — твои глаза.

Одной тебе ходить не надо,
Кругую бровь сурьмить не надо.
На встречных наводить не надо
Два злых меча — твои глаза.

Пощады я прошу, стеная.
На мир ложится мгла ночная,
Разит влюбленного двойная
Твоя праща — твои глаза.

Горит Фраги, а в горнем стане
Царит смятенье: здесь, в Туране,
Поют не бога мусульмане,
А два луча — твои глаза.

РАССТАЛСЯ

С кустом прекрасных юных роз
 Я, бедный соловей, расстался,
 Пролив поток кровавых слез,
 С возлюбленной своей расстался.

Ей тридцать шесть сравнялось лет.
 Не описать ее примет:
 Уста — бутон, уста — шербет.
 Я с чернотой кудрей расстался.

Тревога душу извела,
 Любимой власть душе мила.
 Я с той, что сердце взглядом жгла,
 Со стрелами бровей расстался.

Бутон мой, с ним расстался я,
 С той, чьих волос текла струя,
 Чей голос — пенье соловья,
 Чья речь всего милей, расстался.

С той, что взяла меня в полон,
 С владычицей всех юных жен,
 С чертогами средь райских крон,
 С плодами средь ветвей расстался.

В селенье милой из земли
 Бьет ключ и стебли трав взошли,
 Гоклены — род моей Менгли,
 Я с той, что всех нежней, расстался.

Махтумкули, любовью пьян,
 Сложил возлюбленной дестан,
 Ее жилище — гюлистан.
 Где ветвь плодов? Я с ней расстался.

РАЗЛУКА

Послушай печальное слово:
 В душе моей слез океан,
 Хоть пенится снова и снова
 Взлетающий к небу дестан.

Расставшись с отцом-властелином,
С любимцем моим Ибн-Ямином,
Скитаюсь я в мире пустынном,
Где стужею дышит хазан.

Что делать мне? Связаны руки,
Влачу я оковы разлуки,
И плавится сердце от муки,
Отчаяньем дух обуян.

Брожу я, забытый, бездомный,
Тоскою терзаем огромной,
И в сердце кипит неумный,
Взлетающий к небу дестан.

Я встретил прекрасную пери,
Вошедшую в душу, как в двери, —
Но рок возвестил о потере,
И горестный жребий мне дан.

Она из небесных ли гурий,
Созданье лучей и лазури,
Иль жемчуг, подаренный бурей, —
Но сердцу она — гюлистан.

Нельзя быть нежней и прелестней,
Прозрачней, воздушней, небесней,
Но, к ней возлетающий песней,
Отчаяньем дух обуян.

Живу я страданию покорным,
В печали, как в облаке горном.
Друзья! Не вините, что черным
Отчаяньем дух обуян.

Мир тьмою налег мне на плечи;
Все думы Фраги — лишь о встрече:
Без милой, что ныне далече, —
Отчаяньем дух обуян!

НАВЕК СРАЖЕН МЕЧОМ РАЗЛУК

Я стал рабом твоим, Менгли, — но поздно, я прийти
не смог.
Я не коснулся глаз твоих, молитву вознести не смог.

Оковы рабства нележки. В цепях душа моя слаба.
Любимая, что делать мне? Спаси несчастного раба!

Казнят меня, как Насими, со мной простится мир земной.
На ужин бросят кожу псам, пусть коршун труп терзает
мой.

Развеет ветром бренный прах, но встреча не минует нас.
Пусть я в неволе, — но душа любви живые всходы даст.

Ад не сожжет меня огнем, — погубит тонкий локон твой.
Из сети ада не уйти: опутан хладною змеей.

Змеєю изгнан из долин, шайтана властью удручен,
Свободы я прошу, Менгли, — бедняк, в темницу заточен.

Ты побежден, Махтумкули: нет сил избавиться от мук.
Ты имя дал себе — Фраги, навек сражен мечом разлук.

БРЕННЫЙ МИР

С Менгли, любимой, навсегда ты разлучил, о бренный
мир!
Пускай бы только весть о ней я получил, о бренный
мир...

Жесток моей любви огонь — пылают звёзды, твердь
горит.
Где рай, где ад, где жизнь, где смерть — ты различил,
о бренный мир?

Мудрец Лукман, чтоб исцелить, спешил ко мне, —
за что ж его
В темницу, как злодей-тиран, ты заточил, о бренный
мир?!

Вся жизнь — терзанье. Душу ты обрек на скорбь, а плоть
Испепелил, — но муку всё ж не облегчил, о брeнный мир.
мою

Вот хищный ястреб надо мной кружит, — над тем, кто
Ты мой венец любви ему что ж не вручил, о брeнный мир?
страсти раб.

Чтоб влагу дивную сберечь, запруды ставлю — сносит он.
Кевсера светлую струю он истощил, сей брeнный мир.

Махтумкули, огнем любви пусть полыхает речь твоя, —
В халат, что соткан из огня, ты облачил сей брeнный
мир!

147

Город мой — океан огня,
Грозен ливень огней возлюбленной.
Черный дым обволок меня —
Гнев жестокой моей возлюбленной.

Не людьми она рождена,
Небожительница она;
Мне усмешка ее страшна.
Страшно вьющихся змей возлюбленной.

Расцветает ее гранат,
Руки рока пред ней дрожат:
Капли радужные горят
Самоцветных камней возлюбленной.

О, Меджнуново забытьe!
О, разящее острие!
Дева рая — раба ее.
Кто, скажите, стройней возлюбленной?

Кто подаст мне спасенья весть?
Где достоинство, сила, честь?
Нет Фраги, только песня есть —
Восхваление дней возлюбленной. . .

Зохре небесная взошла, —
 Совсем влюбленный пьян сегодня!
 Земля тюльпаном расцвела,
 Вселенная — рейхан сегодня!

Хмельные, в полузабытьи
 Поют о розах соловьи.
 Где слезы прежние твои?
 Ты в жертву милой дан сегодня.

Отчизна меда пред тобой,
 Цветочный мир, шатер цветной,
 Пришел садовник молодой
 И обнял гюлистан сегодня.

Возлюбленная, без подруг,
 Одна приходи на вешний луг!
 Безумной песни каждый звук
 Тобою осяян сегодня.

Шах Справедливости принес
 Мне этот день счастливых грез.
 В моих долинах столько роз!
 В горах такой туман сегодня!

Как барс, добычу береги,
 Народа верный сын — Фраги!
 Больным любовью помоги:
 Певец — для них Лукман сегодня!

149. МОЛЬБА

Дух кипит. Я сгорел дотла. Я — зола.
 Подари мне подругу мою, аллах!
 Сердце мне отдала, мосей не была, —
 Подари мне подругу мою, аллах!

Мы любили, мы тайны делили с ней.
Кто желанной моей на земле верней?
Погубили меня, разлучили с ней.
Подари мне подругу мою, аллах!

Счастливы память утративший навсегда!
В эти злые года сгорю без следа.
Я в беде, и в неволе моя звезда.
Подари мне подругу мою, аллах!

Я к любимой пойду — не пускают: стой!
От моей дорогой отлетел покой,
Слезы льет рекой; я — болен тоской. . .
Подари мне подругу мою, аллах!

Были встречи и речи как мед у нас.
Мы не ждали печали в блаженный час.
Свет и счастье украли у страстных глаз.
Подари мне подругу мою, аллах!

О мой боже! Бесцельны мои дела;
Бьюсь на ложе: бессонница в дом вошла.
Скорбь моя эту жалобу принесла. . .
Подари мне подругу мою, аллах!

Бренный мир одряхлел, о Махтумкули!
Разве страсть не в обычае у земли?
Грешен я, ты — всеблаг. Любовь утоли,
Подари мне подругу мою, аллах!

150

Затянуло сердце мне туманом мук,
Из очей ручьями хлынул слез поток.
Кто бы сжалился, спросил про мой недуг, —
Сломлен сердцем, сокрушен, я изнемог.

Тот, кто любит, хоть и пылом вдохновлен,
Погибает, если с другом разлучен.
Отрешен я от всего и сил лишен,
Гнет разлук обузой мне на плечи лег.

Счастлив, рад я был, да рок меня настиг:
Иссушенный болью мук, я вспыхнул вмиг,
Жар любви меня спалил, и весь я сник, —
Видно, сердцу грудь покинуть вышел срок.

Обуян я был беспечностью пустой,
Но спознался я с желанной красотой, —
Я к творцу припал с мольбою и мечтой,
Взор пленился далью истинных дорог.

Нет, Махтумкули, мне сил не уберечь,
Я о горестях веду с друзьями речь —
Как же мне, друзья, слезами не истечь?
Жаром страсти я себя до пепла сжег. . .

Широким взором мир окинь:
Он вечно юн и нов — увидишь.
Джемшидов, Искандеров труд,
Создания веков — увидишь.

Пустых песков зыбучий прах,
Ревущих львов в густых лесах,
И мрак крошечный в пропастях,
И горный блеск снегов увидишь.

Земли и неба волшебство,
Всё, что живет, всё, что мертво,
Всё создано из ничего —
Весь этот мир таков — увидишь.

Свет — искушенный лицедей, —
Со сцены уходи быстрей!
Не будет впредь ни богачей,
Ни горьких бедняков — увидишь. . .

Хребет горы извечно крут —
Его туманы не сотрут,
Его метели не сметут,
Его сквозь мглу веков увидишь.

Красавица покинет свет,
Остынет розы жаркий цвет,
Но зелен сад, но жив рассвет,
Но птиц в тени кустов — увидишь.

Внемли речам Махтумкули:
Всё смертно, всем нам тлеть в пыли.
Но нету смерти у Земли,
Не рухнет тверди кров — увидишь!

152. НОВРУЗ

Наступает Новруз. Мир прекрасен в великом и малом.
После вешней грозы одеваются горы туманом.
Каждый новый росток к солнцу гостем является
званным.

Покрываются скалы полынью, плющом и бурьяном.
В скалах птицам раздолье — беспечным весенним
горланам.

Там цветы, исходя ароматом и терпким и пряным,
Человека и зверя зовут к травянистым полянам.

Прорубая ходы под землю, сквозь трещины-щели
Встало племя побегов, справляя пору новоселий.
Над пустыней звенят голубых колокольчиков трели.
Язычками листвы там кустарник болтает без цели.
Муравьи закружились, как будто они охмелели,
Каждый птенчик свой голос считает нежнее свирели.
Мир смеется, качается, бродит счастливым и пьяным.

Торжествующий голос Новруза звучит во вселенной.
Нелегко от цепей его звонких избавиться пленным.
Мир исполненный жизни и мир преходящий
и тленный

Лишь познавшему мудрость являются попеременно.
Жизнь без истины в мире подобна монете разменной.
Да услышат рожденные голос возмездия медный,
Те, что нынче пришли заселить полуденные страны.

Берегись, если жажда **наживы** владеет тобою, —
Переменчивый ветер развеет богатство любое.
В златотканой парче будешь злою настигнут судьбою,
Проклянешь свои дни, свое семя, живущий разбоем.

Сердце молвит: «Я — базар,
Ты продашь небесный дар
За лукавство женских чар.
Я — греха живой капкан».

А калам в руке моей:
«Раскрывай тетрадь скорей!»
«Гур-ру!» — сизых голубей
Говорит гурлящий стан.

Соловей свистит: «Я тот,
Кто весну полей поет;
Кто над розой слезы льет,
А дворец мой — гюлистан!»

Плачет нетопырь: «Аллах,
Ты вложил мне в сердце страх;
Я сгорю в дневных лучах,
Спрячь меня в ночной туман!»

Дрозд щебечет: «Иляллах!»
Стриж: «Создателю хвала!»
Говорить: «Кулхувалла» —
Аист учит мусульман.

Турухтан свистит: «Ты чей?»
А угод: «Я сват царей,
Я — посол в юдоли сей,
Мой владыка — Сулейман».

Стрепет ходит по степям
Да глядит по сторонам,
Говорит: «Не здесь ли нам
Светлый рай обетован?»

А журавль: «Я лечу,
Я из Ганга пить хочу;
Под Багдадом разыщу
Расцветающий тюльпан».

Стонет сын: «Я счет веду,
Числю горе и беду,
Средь руин я пропаду,
От своих рыданий пьян».

Говорит Эсхак: «В плену
Солнце правды помяну.
Раб тоскующий, клянусь
Знойный Шам и Шебистан».

Молвит горлица: «Живем —
Гнезда вьем, но все уйдем.
В три прута я строю дом:
Что мне гром и ураган?»

Молвит ястреб: «Жизнь мою
Я провел в лихом бою,
Яд воспоминаний пью,
Брошенный в тюрьму буян».

Куропатка: «Я молюсь».
Утка: «Я в мольбах клошось».
Долетает белый гусь
До пределов горних стран.

Голубок охрип от слез,
Горд павлин, да безголос.
На семьсот ладов кикнос
Воспевает Хиндустан.

Мудрый попугай постиг
Человеческий язык,
Жить среди людей привык,
С ним беседует султан.

«Предан истине святой,
Населил я край степной.
Где, друзья, детеныш мой?» —
Плачет, жалуясь, джейран.

Воет волк: «В глухом краю
Утолю я злость мою,
Нападу на след — убью!
Я — разбойник и смутьян!»

Семь земель — один чертог.
Каждой твари внемлет бог,

Злак поет у божьих ног,
Речь свою ведет бурьян.

«Всё исчислится судьей:
Каждый шаг неверный твой,
Каждый помысел дурной!» —
Учит смертного Коран.

Горделивым, как Юсуп,
Терпеливым, как Эйюб,
Будь, когда ты, как Якуб,
Оставляешь свой Кенган.

Жаждет дух: «Напиться дай!»
Страждет разум: «Где твой рай?
Да увижу горний край,
Благодатью осиян!»

Конь арабский говорит:
«Подо мной земля дрожит,
Любит истинный джигит
Звучный звон моих стремян!»

Кляча ржет: «Моя судьба —
На спине носить раба!
Я — рабыня, я слаба,
Я — в крови несчетных ран».

Говорит осел: «Мой род
От булыжника идет.
Маюсь я в кругу забот,
Воду пью и ем саман».

А корова: «Почему
Столько мух в моем дому?
Я была главой всему,
А теперь — слепень мой хан».

На себя, Махтумкули,
Погляди! Друзей моли,
Чтобы слово не сочли
Ложным, если в нем изъян!

Для красавицы души
Правда — благодатный сад.
При царе-глупце — в тиши
Труссы нежатся да спят.

Где ты, конь моих удач?
Конь удач уходит вскачь;
И Ширин вздыхает: «Плачь,
Плачь, Ширин, горит Фархад!»

Небо надо мной — огонь,
За спиною — свист погонь;
Сердца моего не тронь,
Сердце мне ножи язвят.

Говорит огню кебаб:
«Бьет меня язык. Я слаб.
Я — зубов несчастный раб.
Я ни в чем не виноват».

Молвит камень: «Я бедняк»,
Молвит кряж: «Я нищ и наг,
У меня в ущельях мрак,
Тучи на глазах лежат».

Иноходец ржет: «В бою
Положись на статью мою.
Я на месте не стою;
Храбрецу — я друг и брат».

Рыба говорит: «Мой дом
В океане голубом.
Что мне берег твой? Кругом
Волны весело кипят».

Молвит роза: «В мой чертог
Соловей влететь не мог.
Мой последний лепесток
Обрывает снегопад».

Соловей: «Моя страна —
Розовая купина;

Дай настроить мне, весна,
Горло на высокий лад!»

Барс: «Я спутником луны
Стал в притине тишины.
Две луны во тьме видны —
То глаза мои горят».

Говорит глоток вина:
«Чаша выпита до дна».
Амбра: «Я — распылена,
Я — душа цветочных гряд».

Золото: «Я — не твое!»
Сон: «Я — тень и забытье!»
Слово: «Я — твое питье.
Есть во мне и мед и яд».

Подлый молвит: «Пощади!»
Храбрый: «Слава впереди!»
Сердце мечется в груди,
В пламя бабочки летят.

И любовь мне говорит:
«Ты — железо, я — магнит».
И Махтумкули горит,
И уста его молчат.

II

СЕРДЦА НЕ ТМЯ

Сколько раз мне на забытой ноте
Сидеть бывало, слушая, как
Сквозь стены дома встает запах моря,
И слышны шаги вдали — вдали
И слышны шаги вдали — вдали
И слышны шаги вдали — вдали

И слышны шаги вдали — вдали
И слышны шаги вдали — вдали
И слышны шаги вдали — вдали
И слышны шаги вдали — вдали
И слышны шаги вдали — вдали
И слышны шаги вдали — вдали

154. МУЧЕНЬЯ

Под ярмом, гонимый роком, ты плетешься бледной
тенью.
Чем окупятся страданья? Что нас ждет? Одни мученья.

Кровью сердца обливаясь, будешь ратовать за правду.
Ошибешься ненароком, кары жди за прегрешенья.

Ед ты, пил и безмятежно спишь, обняв свою подругу...
Не назвать ли это счастьем? Это всё — грехопаденье!

Чары женские и яства, пересуды на досуге —
Эта слабость человечья изначальна, без сомненья.

Только я не сразу понял эту истину простую
И легко попался в сети, не придав словам значенья.

О Махтумкули, всё диво, что творится в жизни с нами:
Вероломный рок обманом обрекает на мученья!

155. ПОКА НЕ УМЕР

Здоровье свое цени, не заболел пока.
Всех болезней страшней минут предсмертных тоска.
В море ветер цени, в степи цени облака.
В лодке бдительным будь — в бурю страшна река.
Молодостью дорожи, старость недалеко.

Коль повзрослел, пойми: немало под солнцем лжи,
Клевещут твои уста — печатью уста свяжи.
Пери глядит на тебя — в сердце твоём ножи.
Мотом пустым не будь, именем дорожи.
Чтобы познать себя, с мудрой книгой дружи.

Пророка имя твердишь, когда ты сражен бедой.
На пиршестве он забыт за винами и едой.
Чтоб жизнь свою не проспять, трудись, пока молодой.
Качает ветер-хазан кусты полыни седой.
Садам будь — не сухой полынью и лебедой.

Тесны свои рубежи правителю многих стран.
Взять бы себе он рад в придачу еще Иран.
Но в мире всего лишь гость шейх любой и султан.
В презрении пусть у них хлеб, что аллахом дан.
Что будут есть, когда отправится караван?

Из мира уйдешь и ты — ушли и Зал и Рустам,—
Ужель пойдет за тобой казна твоя по пятам?
Бархат на грубую ткань мудрый меняет сам.
Прислушаться и тебе пора к иным голосам.
Готовься, Махтумкули, труден путь к небесам.

156. КОГДА ПРИДЕТ КОНЕЦ

Бескостным создал ты меня сначала, наш отец!
Дал в материнском лоне плоть и душу мне, Творец!
Меня впустил ты в бренный мир — как в сказочный
дворец,
Но стал я жертвою страстей, восторженный глупец...
Что сотворишь еще со мной, когда придет конец?

Иной кружится день и ночь, ища земных утех.
Там стерегут свое добро, а тут гульба и смех.
О боже, я, твой жалкий раб, молю один за всех:
Яви нам милость, не вменяй любой проступок в грех,
Когда закончим путь земной, когда придет конец!

Глядишь: сегодня человек, кощунствуя, грешит,
А завтра он в земле сырой, в могильной тьме лежит.
Кто в твой последний, страшный час на помощь
поспешит?
«Безумец! — говорит земля. — Ты будешь позабыт,
Едва свершится жребий твой, когда придет конец...»

Без помощи учителей ума не обретешь.
Тому, кто истинно влюблен, разлука — острый нож.

Любовных мук не испытав, и счастья не найдешь.
Не утоляют встречи нас, жить розно — невтерпеж.
Доколе длиться пытке злой? Когда придет конец?!

Терпенье, сердце, обрети! Не содрогайся зря!
Прилично ли столь мало знать, столь много говоря?
Текут потоки слез из глаз в соленые моря.
Господь, дай цели мне достичь, волнуясь и горя!..
Будь милосерд с моей душой, когда придет конец!

Что стонешь ты, Махтумкули, несчастный соловей,
Клубок мятущейся тоски, вместилище скорбей?!

Увы! Недуг не исцелят и тысячи врачей!
О, помяните вы меня добром в кругу друзей!..
Скажите: «Был бедняк такой», — когда придет конец.

157

Ты в мир явился, человек, таинственным путем.
Невидим был, бесплотен был, но плотью стал потом.
Ты душу вечную обрел и стал расти тайком.
Ты девять месяцев провел в убежище глухом,
И лишь тогда родился ты, своей судьбой влеком,
И материнским вскормлен был сладчайшим молоком.

Тебя всемилостивый бог устами наградил.
Вложил тебе в уста язык, чтоб ты заговорил.
Ты рвался вверх, ты поднялся, исполнен свежих сил.
И божий мир ты познавал, и мир казался мил.
В семь лет к учителю тебя отец препроводил,
И начал ты вникать в Коран в усердии своем.

Прошла младенчества пора, и ты — джигит лихой,
Но вскоре стал кружиться ты вокруг девушки одной,
Как вокруг кибитки, где кипит и блещет пир чужой.
И стала девушка твоей красавицей женой.
Ты был счастливецом в двадцать лет, справляя
брачный той,
Гордясь оружием нарезным и резвым скакуном.

А к тридцати годам, джигит, ты стал подобьем льва.
От буйных радостей земных кружилась голова.

На нас косится злобный рок,
Он ворожбою нас завлек,
Приманку сыплет он в силок,
Для нас он эти пути вьет.

Душе, покинув этот свет,
Махтумкули, держать ответ —
Была добра она иль нет.
Рад нашим трупам алчный рот...

159

Как жаждет сердце в тишине
Безлюдно жить меж дальних гор,
Ручьями слез наедине
Омыть грехов своих позор.

Куда ни глянь — везде беда,
И точит сердце боль-страда.
Уйти бы в тихий дол — туда,
Где меж дерев мне дом и двор.

Сей мир хитер, он — не простой,
А человек объят тщетой,
Весь мир охвачен суетой:
Стократ гнетет его раздор.

Где ныне те, кто бога чтит,
Кто силой-славой знаменит?
Ведь если сердце ввысь летит,
Ему не оградишь простор.

Продумал я немало дум.
Да сути их не внял мой ум,
Теперь брожу я наобум,
Веду с лгунами разговор.

Жизнь понапрасну не потратить,
Старайся счастье не проспять
И, пенью ранних птиц под стать,
С зари будь на молитву скор.

197

Махтумкули, пришла бы весть,
Что у тебя наставник есть!
К дервишам верный путь обрести
Желанно сердцу с давних пор.

160. РАЗДУМЬЕ

Из глаз моих струится кровь,
Я ранен стрелами обид;
Напрасно для меня Лукман
Бальзам целебный кипятит.

Что совершил бы Искандер,
Завоевавший этот мир,
Свою дружину потеряв,
Утратив меч и верный щит?

Еще безумствует султан,
Опустошающий страну,
Еще возмездия не ждет —
Но птица счастья улетит.

Скажите: кто песок сухой
И глину медом назовет?
А сколько душ отраву пьют,
Таковую светлую на вид!

Померкла чистая луна
Сраженных в битве храбрецов,
И солнце малодушных вновь
Над миром суетным блеснит.

Порою пери неземной
Последний трус боготворим.
И не находит на земле
Своей красавицы джигит.

Неосторожный мотылек,
Навеки преданный любви,
Над жарким пламенем снует,
О, поглядите: он горит!

Иные слабых рук своих
Не могут вскинуть над землей;
Иные, крылья привязав,
Легко взвиваются в зенит.

Та птица счастья, что вчера
Достигла цели в небесах,
Сегодня, канув камнем вниз,
В грязи, подбитая, лежит.

На помощь ей прийти нельзя,
И небу возвратить нельзя;
Ее голодная земля
Притягивает, как магнит.

Над птицей счастья не горюй,
Не то сойдешь под землю с ней,
Тогда пощады не проси:
Ты миром будешь позабыт.

Среди веселья долгий год
Промчится, словно час один;
Неотвратимая печаль
Мгновенья в годы превратит.

Порой боится человек
В дороге повстречать судьбу;
Вернется под родимый кров,
А из угла судьба глядит.

В саду вчерашней розы нет,
Но роза новая цветет,
И славит новый соловей
Румяный жар ее ланит.

И говорит Махтумкули:
В страданиях жизнь моя пройдет.
Печаль седины принесет
И гордый ум испепелит.

Годовалый — бессловесен,
Мысли нет, и слово — крик.
Года в три весь мир чудесен:
Всё цветет. Везде цветник.

Пятилетний в мире княжит:
Не его забота вяжет —
Ни на миг он не приляжет,
Всё играет, баловник.

Он уж лакомка лет в десять,
Он готов покуролесить,
Разумеет, может взвесить,
Только мысли — прыг да прыг.

Лет в пятнадцать он взрослеет;
Ветер молодости веет:
Он влюбляется, он млеет,
Ночью снится милый лик.

В двадцать лет уже иное:
Брызжет пламя молодое,
Каждый день он пьян мечтою,
Увлекаясь каждый миг.

В тридцать — жизнь многообразна,
Много праздного соблазна,
Но уже он мыслит связно,
Он себя уже постиг.

Опыт в юности не дорог,
Нет лекарств, коль взор не зорок;
Мысли крепнут только в сорок,
Опыт жизни в кровь проник.

В пятьдесят скудеют силы,
Где-то реет тень могилы,
Вяло длится труд постылый,
Слово слышится: «старик».

В шестьдесят одна усталость;
Лишь вздохнуть ему осталось:

«Жизнь прошла! Какая жалость!» —
И смеяться он отвык.

А пойдет седьмой десяток,
В сердце — горя отпечаток;
Тело дряхло, разум шаток,
Как надломленный тростник.

Стукнет восемьдесят — тело
Беспредельно ослабело:
Нету сна и нету дела,
Взор растерян, мутен, дик.

Девяносто! Он не встанет,
Он во двор на миг не глянет,
Руку внуку не протянет:
Смерть взяла за воротник.

Нет, Фраги, признайся прямо:
Жизнь такая хуже срама,
Людам мерзок сын ислама,
Если он ста лет достиг!

162. И ТЫ

Адамов сын, сам для себя
Загадка, побредешь и ты.
Небесной славы не любя,
Земную предпочтешь и ты.

Весь мир ты в сети бы загнал,
Чтоб захватить Карунов лал.
В одно смесишь харам-халал.
За правду выдашь ложь и ты.

Забудет господа, греша,
Твоя безумная душа,
Все прихоти ее, спеша,
В жизнь претворять начнешь и ты.

Ты — прах, и жалок твой удел.
Остерегайся грешных дел;

От смерти, как бы ни хотел,
Защиты не найдешь и ты.

Не дорожи тщетой, но всё ж
Люби свой труд и правду множь.
Махтумкули, и ты умрешь,
Умрешь и ты, умрешь и ты.

163. ЗЛОЕ ДЕЛО

Коль смертный ты, не делай скверных дел;
Знай: в Судный день предъявят злое дело.
Когда шайтан тебя увлечь сумел —
Знай, что тебя ославит злое дело.

Страсть говорит: «Как сладостен порок!»
Дух говорит: «С тобою рядом бог;
Как от него свой грех ты спрятать мог?
Тебя пропасть заставит злое дело!»

Пред человеком два лежат пути;
Которым же захочешь ты пойти?
Ты в день Суда возжаждешь рай найти, —
Но в ад тебя отправит злое дело!

Жизнь — как весна: дни, как часы, летят;
Воздержан будь и милосерден, брат,
Для добрых — рай, а для порочных — ад;
И адских мук прибавит злое дело.

Не ставь себя добычей всех ветров,
Противостать соблазну будь готов,
Не говори противных сердцу слов:
Твой светлый дух подавит злое дело.

Ты — странник здесь, а строишь прочный дом!
Тебе недолго жить в кругу земном;
Когда же ты предстанешь пред Судом,
То оплатить заставят злое дело.

Лукавый шепчет: «Сладостен разврат!»
Бог говорит: «Пусть похоти молчат!»
Сунь руку в горн, Фраги, познаешь ад!
Обжегшийся оставит злое дело.

Молельщики-дервиши, зажиточные баи,
 Жесток судьбы коварной круговорот, друзья,
 С неверием творимый намаз — пустое дело,
 Одно богатство тоже плохой оплот, друзья.

Как искрошатся зубы, и пожелтеют лица,
 И ввалятся ланиты, слова не будут литься,
 И ноги посинеют, и ясный взор затмится —
 Всё в мире, кроме веры, идет не в счет, друзья.

Твой корень — праха горстка, вся жизнь — одно
дыханье,
 Назад взгляни — увидишь печали и рыданье;
 Ведь плоть — привал, а тело — лишь клетка
для страданья,
 Душа — слепая птица, что смерти ждет, друзья.

Не будьте здесь беспечны — сюда на миг мы
званы,
 Здесь мы развеселились, но ждут нас ураганы.
 Уходят вереницей, уходят караваны,
 Жизнь наша, что кочевка, идет вперед, друзья.

Ухватит смерть за ворот, никто не отобьется,
 Ушедший не вернется, так исстари ведется,
 Большие переходы, спина под грузом гнется,
 Пораньше отправляйтесь — пора в поход, друзья.

Кто служит благу, увидет в небесное жилище,
 Спасен ты, коль халатом твоим оделся нищий,
 Ты полон благодати, коль дал голодным пищи,
 Кто одного накормит, тот хадж пройдет, друзья.

Махтумкули, беспутство тебя же обездолит,
 И кубок брэнной жизни досрочно будет пролит.
 Зачем собирать богатство? Ну кто тебя неволит?
 Ведь это просто глупость, любой поймет, друзья!

На ложе лени ты спишь, забыв о деле,
И сердце праздное беспечности полно.
А птица дикая, душа, томится в теле
И колотиться ей о клетку суждено.

Заветы мудрости впивая неустанно,
Спешу, не медлю: ты отстал от каравана;
Не стань добычею коварного шайтана:
Страстями существо твое оплетено.

Наевшись, наряжаясь, опасность забывая,
Ты спишь; тебя манит лишь суета земная;
А смерти лев рычит и, когти выпуская,
У ложа твоего припал уже давно.

Проснись, Махтумкули, прерви свое забвенье,
Не продавай души за бренность наслажденья:
Мир — омут роковой, в нем черных вод вращенье,
Но в глубине его ты ясно видишь дно!

Междуноува гора в тумане, говорят.
Вершина той горы крута, а не полога.
Неверный человек обманет, говорят,
Кто вверится ему, тем суждена тревога.

Волк не способен быть товарищем овец.
Твой спутник плох, когда он трус или скупец.
И только от того, кто истинный храбрец,
Нам будет в трудный час поддержка и подмога.

Беспечный сын людей в неведение своем
Не думает о том, что мы в свой час уйдем,
О том, что в этот час мы силу обретем
Не в золоте своем, а в нашей вере в бога.

Кто ведает, когда беда постигнет нас,
Когда затопит мир водой, как в первый раз?

Бессмертен лишь аллах, а к нам в урочный час
Смерть явится ко всем и позовет в дорогу.

Пусть тот, кто полюбил, в пустыню, бос и наг,
Уходит, отрешась от всех на свете благ.
Тому из нас аллах спасенья явит знак,
Кто для людей добра содеял хоть немного.

И ты, Махтумкули, недужен и устал,
Но понял ты: лишь тех, кто нас не предавал,
Кто слабых защищал, кто бедным помогал,
В день Страшного суда бог не осудит строго.

167. НИЩИЙ И ЦАРЬ

Превратятся туманные горы в песок,
С черным сланцем и твердым кремнем разлучась.
Разобщенные капли сольются в поток,
В океан превратятся, со льдом разлучась.

Всё-то спорим, да вздорим, да ссоримся мы;
Наши очи в слезах и в тревоге умы.
Размотали бы сытые пиры чалмы,
С книгой божьей, с народом-отцом разлучась.

Зло и скверна земной захлестнули предел.
Кто, скажите, о братьях из вас порадел?
Черный ворон — и тот бы до звезд долетел,
С дотлевающим в прахе гнильем разлучась.

Что развратнику родина, вору — народ?
Трус бежит там, где храбрый оружие берет.
Как поведает скорбь, если русло найдет
Слезный ток, со своим тайником разлучась.

Малодушный томится всегдашней тоской,
Перед мужем достойным теряет покой,
Покидает подругу в пустыне мирской,
С теплым кровом, едой и питьем разлучась.

Ополчается ради свободы храбрец,
Малодушный спасает свой жалкий ларец;

Бродит жадный купец, ищет кладов глупец,
Спит мертвец, со своим сундуком разлучась.

У блудницы — докучная алчность в глазах;
У везиря-глупца — беспорядок в делах.
Дал красавице черные брови аллах —
И тоскуешь на ложе ночном, разлучась.

Пристрастились торговцы к пределам чужим.
Караваны уходят, уносится дым...
Кровью плачет Фраги, кровью плачут пред ним
Царь и нищий, с последним умом разлучась.

168. НЕ ПАДУТ ЛИ ГОРЫ?

Мне рок уйти не позволяет ныне —
Судьба закрыла мне просторы.— Вах!
Бродить бы мне Медждуном по пустыне,
Обитель бы найти в вас, горы.— Вах!

Невинных лет забавы отмелькали,
И совершенства прояснились дали,
Но страшный мир влил в сердце яд печали,—
Грудь сожжена, в душе укоры.— Вах!

Не воротить мне детские стремленья,
Не воплотить благие вдохновенья:
Увяз я в глине мира, нет спасенья,
И в прошлое мечу я взоры.— Вах!

О, как душа кипела молодая!
За всё хватался, всё любил тогда я.
Теперь, без сил, стареющий, рыдая,
С самим собой я впал в раздоры.— Вах!

В словах Фраги — тоска земного плена,
Кто их поймет, прольет слезу мгновенно.
Всё в мире изменяется, всё гленно.
И — боже! — не падут ли горы? — Вах!

169. ЛЮДСКАЯ ТЛЕННА ПЛОТЬ

В саду своей души попробуй убережь
Цветок, что там цветет, кто всех цветов дороже.
Людская тленна плоть, но долговечна речь.
Порой истлеет плоть, а речь сердца тревожит.

Из дел всех лучше то, что бог благословил.
Из наших бед — недуг нам боле всех немил,
И если в некий день аллах нам смерть судил,
То так тому и быть, моление не поможет.

Намерений твоих велик счастливый круг.
В том круге много встреч, в том круге нет разлук.
Но наш неверен мир, и он тебе — не друг,
А если даже друг, то друг, который ложен.

Сын человека в мир приходит, чтоб уйти.
Могила — вот куда приводят все пути.
В борьбе с судьбой тебе удач не обрести,
Судьба хитрей тебя, она тебя низложит.

И ты, пришедший в мир доверчивый простак,
Поймешь, что он игрок и на обман мастак.
Он бросит кость не так, и не заметишь как,
Но выиграть игры ты никогда не сможешь.

Глупцу, кому сладка лишь сладкая еда,
Не докучай своим реченьем никогда.
Хоть камень и в реке, но сотни лет вода
Течет вокруг, а внутрь не проникает всё же.

Хоть и не счесть, Фраги, счастливых дней твоих,
Но кажется тебе: немного было их.
И как ни мало дней плохих средь дней былых,
А кажется тебе: ты их несчетно прожил.

170. ВЕЛИК ЛИ ПРОК

В еде, где нету соли, вкуса нет.
Без соли нету ни шурпы, ни плова.
Ты не избежнешь горестей и бед,
Когда ты слеп, врага не видишь злого.

Есть ноги, чтобы по земле ходить,
Есть уши, чтобы слушать и судить,
Но чтоб аллаха возблагодарить,
Где, раб, твое молитвенное слово?

Из праха создан ты, так поспеши
Растить цветы в саду своей души.
И перед господином не греши,
Хоть ты его не видишь, всеблагого.

Кто служит истине, не ждет щедрот
От мира, где недолго всё цветет.
Что твой язык убогий изречет,
Коль нету в сердце пламени живого?

Лишь правда может нас спасти от бед,
Когда разъела порча белый свет.
И если человек в плену сует,
Он, златоуст, беспомощней негого.

Чтоб в жизни всё сбылось когда-нибудь,
Закрой глаза, терпи, постигни суть.
На бога положишься и, этот путь
Избрав, пойми, что нет пути иного.

Фраги, я много исходил дорог.
За то, что я сложил, иной знаток
Пусть не корит меня, я пел как мог,
Лад переняв у племени родного.

171. ВРАГИ

Мир — враг тебе, о человек мгновенный:
Родня и дом — враги тебе, враги!
И восемнадцать тысяч звезд вселенной,
И жизнь с грехом — враги тебе, враги!

Твой черный раб, твой скот, аркан и сети,
Твой конь, халат, твои клинки и плети,
Твоя жена любимая и дети —
Все в мире сем — враги тебе, враги!

Мир — караван-сарай с ночной гульбою;
Дан меч бойцу, дан шаху трон судьбою;
Ты — шах: ты пал, и все, кто пред тобою
Лежал ничком, — враги тебе, враги!

Дом, обветшав, обрушится от ливней,
Конь сил лишится, слон лишится бивней;
Богач раба окажется противней,
Хоть он с рабом — враги, навек враги!

Мир — враг, тебе сулит в могиле дом он;
Тебе враждебен жизни рев и гомон;
Ты расцветешь — и сразу бурей сломан:
Гроза и гром — враги тебе, враги!

Ты прав, Махтумкули: везде раздоры,
Повсюду люди затевают споры! . . .
Весь мир забыв, направь к аллаху взоры:
Ведь все кругом — враги тебе, враги!

172. ТВОЯ ЗАСЛУГА

Явить свое богатство можешь ты,
Лишь показавшись в полном блеске другу.
Джигит — ревнитель яркой красоты,
Борцы, красуясь, шествуют по кругу.

Смерть подняла натянутый свой лук.
Стрела дрожит, вот-вот рванется вдруг.
Что смотришь ты с беспечностью вокруг?
Жизнь коротка — ведь лук натянут туго.

Ты — в тесной клетке, жизнь полна угроз.
Смерть словно лев рычит, скулит как пес.
Меч над тобою Азраил занес,
Пока ты спишь, не ведая испуга.

Ты не стыдился ль истины? — Скажи!
Не осквернил ли род свой ядом лжи?
Здесь, на земле, лишь вечности служи!
Не время спать средь солнечного луга.

Махтумкули! К уходу будь готов!
Мы — жертвы смерти, наш удел таков.
Не оставляй ни денег, ни долгов —
Лишь добрые дела — твоя заслуга.

173. СТАНЕШЬ

Ты не гордись, гора, надменной высотой:
Железом плавленным иль серебром ты станешь;
Река, не хвастайся могучей быстринной:
С годами высохнешь, пустым ты руслом станешь.

Гор повелители — барс, леопард и лев, —
Вам стать букашками, от времени истлев;
Царь Нила — крокодил, смири свой жадный гнев:
Избитым палкою хромым ослом ты станешь.

Я говорил уже: он близок — Страшный суд;
Там за безвинного тирану воздадут,
Там злобных деспотов пятами в прах сотрут!
Не плачь, бедняк: тогда могучим львом ты
станешь!

Красавиц ты любил, скакал ты на коне —
Но их с тобою нет в загробной стороне...
Кто умер без молитв, несчастен тот вдвойне;
С молитвою — как нер на свете том ты станешь.

Давать не торопись народу свой совет —
Примером докажи, что в нем изъяна нет.
Последуй мудрецу — глаза увидят свет;
Невежде следуя, навек слепцом ты станешь.

Хотя б ты, как Лукман, недуги исцелял,
Хотя бы, как Рустем, ты дэвов усмирал,
Хотя б, как Искандер, весь мир завоевал, —
С землей сравнишься, в песке песком ты станешь.

Взгляни вокруг, Фраги, и слову путь открой:
Лишь отыскав приют, раскрой хурджин с едой;
Коль с мудрым встретишься — доверься с головой;
Дружа с отважными, сам удалцом ты станешь.

Ты черный волосок на камне черном видишь,
 Но взор притупится: уходит зренье — гость.
 Ужель пришедшего к обеду ты обидишь?
 Ведь ищет не еды, а лишь общения гость.

Дни наши тяжелы, на всех путях угрозы,
 И лишь у юношей есть песни, а не слезы;
 Весной распустятся бесчисленные розы,
 Но тут же отцветут: цветов цветенье — гость.

Как благостно мудра и тайн полна природа:
 Льют аромат сады, касаясь небосвода,
 Не счесть плодов земных: их семьдесят два рода,
 Но осень снимет их: всех гроздий рденье — гость.

Коль раздобыть коней джигиты не сумели,
 В них львиной доблести, знать, не было
на деле.
 Чем больше лет тебе, тем силы меньше в теле:
 Ведь молодости пыл, ее горенье — гость.

Встречает мир тебя улыбкою хмельною,
 Но душу мучает, но топчет грудь пятою,
 И, сколько б ты ни жил, смерть встанет пред
тобою;
 Ведь в теле глиняном души движенье — гость.

Махтумкули живет покорным и безгневным,
 О смерти думая, о жребии плачевном,
 Всё человечество — гость в мире пятидневном,
 И обречен судьбой на истребленье гость!

Коль мусульмане друг друга порубят,
 Счастье навеки от нас отшатнется.
 Стыдно тому, кто невинного губит,
 Вздумавши с близким по вере бороться.

Мужеством свару безумец зовет,
Ссора от дьявола к людям идет,
Распри измучили бедный народ, —
Радость ушла и назад не вернется.

Нет подающих пример мудрецов,
Ныне злодеи в числе храбрецов,
Ныне забыли о вере отцов,
Ныне над праведным дьявол смеется.

Ты, по пустыне свершающий путь!
О благостыне своей не забудь!
Много придется нам горя хлебнуть.
Хворь по великой стране разнесется!

Если ты добр, справедлив и умен,
Скверны беги, соблюдая закон!
Всё недостойное выброси вон!
Или недостаток твой пылью завьется.

Если народ это слово поймет,
То не напрасно учил я народ;
А над страну, где глупость цветет,
Дождь благодатный весной не прольется.

Славит злодеев слуга сатаны,
Праведники со смиреньем дружны,
Ханов раздоры — погибель страны,
С толку она поневоле собьется.

Если молитва в устах бедняка,
Участь его перед богом легка,
Где любодейство течет, как река,
В громе и гневe земля содрогнется.

Люди Фраги никогда не поймут, —
Он говорит, а безумные пьют.
Тот, кто страшится явиться на Суд, —
Пусть от вина поскорей отречется!

Для гостей без живых речей
Ярким праздником той не будет.
Падишаху в стране скорбей
Мил престол родовой не будет.

Тот, кого захватила страсть,
Нежной пери не станет клясть.
Достославной султана власть
Без казны золотой не будет.

Тянет вечную лямку бед
Край голодных рабов — Мешхед.
Нет разлуки, и горя нет,
Доля темной и злой не будет.

Состязанья настанет час —
Расставанье осилит нас.
Трус упустит врага из глаз,
Рваться в яростный бой не будет.

Гору напрочь нельзя снести,
А снесенную — возвести.
Нет охотника на пути —
Зверь пугаться лесной не будет.

Все бальзамы твои — тщета,
Если молодость отнята.
Нестыдливая красота
Беззакатной луной не будет.

Охладеет любовный пыл,
Что вчера мотылька томил.
Если выстрел коня свалил,
Смел воитель иной не будет.

Расстается с душою плоть,
Лютой смерти не побороть.
Снисходить всеблагой господь
К нашей кривде мирской не будет.

Сердце дважды спалить нельзя;
Мак в бурьян превратить нельзя;

Племена победить нельзя,
Если розни лихой не будет.

Страшен этого мира гнет.
Судный день, говорят, придет.
Примет горький удел народ,
Если щедрым скупой не будет.

Телу тягостно бремя лет;
Канем в землю другим вослед.
Коль народу в нем проку нет,
Камень дорог цветной не будет.

Гостю: «Кто ты?» — не говорят.
В край добра не придет разлад.
В доме зависти не гостят:
Чести там никакой не будет.

Рок пешком не ходил вовек —
Слеп его скакуна разбег.
Не состарится человек,
Если ранен тоской не будет.

Дни проходят, пройдут года...
За бедой прилетит беда.
Нищим станет богач, когда
Взыскан правдой святой не будет.

Будет миру конец иль нет —
Где, Фраги, ты найдешь ответ?
Кто детей не родит на свет,
Счастлив долей земной не будет.

177. ТАК БУДЕТ

У мастера навык слуга переймет,
В работе ему помогая. Так будет.
Кто господом взыскан — блаженствует тот,
Желаний своих достигая. Так будет.

К ручью возвратясь, наслаждаешься им.
Кружа, подходи — вот и будешь любим.
От лучшего к лучшему все мы спешим,
Короткую жизнь прожигая... Так будет!

В наитье взлетаешь со щебетом ввысь,
Чтоб птицы вослед, обезумев, вились...
Судьба — что торговка: как с ней ни рядись,
А всё обсчитает, шальная... Так будет.

В пороках погрязло твое естество.
За дело берешься, не зная его.
Гляди, как забросят во тьму одного
И жизнь пронесется, пустая... Так будет.

Ты был в пятьдесят — молодец молодцом.
Чего ж ты достиг на десятке восьмом?
Пребудь, о несчастный, в смиренье своем!
Надейся на радости рая! Так будет.

Смерть словно трясина тебя засосет.
Твой разум померкнет средь гниlostных вод.
С могучего древа листок упадет,
Покинешь друзей, умирая. Так будет.

Воссядут писцы пред тобою тогда.
Запишут деянья твои для Суда.
Повсюду тебе угрожает беда.
Охотник сидит, поджидая... Так будет.

И если тобою обижен бедняк,
Нечистое ел ты, грешил, что ни шаг,
Сто кротких сердец загубил за пятак, —
Развернется бездна глухая — так будет.

Немало джигитов, кольчуги надев,
Чредою спустились в зияющий зев.
Вас просит Фраги: усмирите свой гнев,
В молитвах меня поминая... Так будет.

Душа моя, воспрянь! Смири свою тревогу;
 Одна ты, и тебе печали суждены.
 Как с трусами идти в далекую дорогу?
 Лишь мужественный — друг в суровый час войны.

Соблазны мудреца не захлестнут арканом;
 От бога лицемер спасается обманом;
 Не станет благодать свой кров делить
с шайтаном,
 И волки с овцами не могут быть дружны.

Кто подлинно влюблен, в том ненависти нету,
 И честные верны великому обету.
 Знай: если близится конец земному свету,
 Тогда растет раздор и клятвы неверны.

Да! — говорит Фраги. — И семь небес остынут,
 И ханы с беками, рабы с ходжами сгинут,
 Не станет рек и гор, и люди дом покинут:
 Идет с врагами к нам предтеча сатаны!

179. СТРЕМИТСЯ

Кто на чужбине, тот найти
 Далекий свой народ стремится.
 Случайно сбившийся с пути,
 К дороге пешеход стремится.

На небесах превратный рок,
 Земля — вместилище тревог,
 Мир — игрище, любой игрок
 Здесь обрести доход стремится.

Один добыл венец златой,
 Другой скитается с сумой,
 Тот голодает, а иной
 Добыть ковры и скот стремится.

Там нет лепешки на обед,
 Тут для припасов места нет,

Бедняк в худой халат одет,
К шелкам богатый мот стремится.

На свете всё в руках судьбы,
Здесь — мир, а там — одни гробы.
Своим желаньям все рабы,
И всяк набить живот стремится.

Жизнь коротка, века длинны,
И нет поры главней весны.
Гусь с поднебесной вышины
К спокойной глади вод стремится.

Фраги! Былое вспомяни,
Влачи в слезах, в скитаньях дни,
Безумьем сердце опьяни,
Пускай мечта в полет стремится.

180. РАЗЛУЧАТЬСЯ

Львам подобные джигиты превращаются в шакалов,
Со своим народом-солнцем в час унылый разлучась.
Доживя до лет преклонных, человек смешон и жалок:
Страшен впалый рот — с зубами пред могилой
разлучась.

Тяжела душе разлука, одинокая дорога;
Хоть привет бы нам услышать: сердцу нужно так
немного;

Шахи властные рыдают, призывая милость бога,
С дорогими и родными в миг постылый разлучась.

На чужбине не прельщают драгоценнейшие шали;
Человек в толпе враждебной растеряется вначале;
И джигит в тоске безмерной побредет в пустые дали,
С аргамаком быстролетным, полным пыла, разлучась.

Пери нежная джигиту — радость, посланная богом.
Но совсем иное счастье в иноходце быстроногом.
Человек от человека отличается во многом,
Но любой из нас рыдает, с пери милой разлучась.

Отличающие злое от благого, о родные,
Мы скитальцами проходим сквозь пустыни мировые;
На перстах, покрытых хною, даже перстни золотые
Некрасивы, с блеском лала или берилла разлучась.

Нужен мастер и учитель — указать дорогу юным:
Без него их стан согнется грустной буквой, гнутым
Заблудившийся блуждает по барханам и по дюнам,
Плачет и охотник, с птицей легкокрылой разлучась.

Озаряя сумрак ночи словом мудрым, полным света,
Береги, Фраги, достойных данным вовремя советом;
Но, хотя веселья много в быстротечном мире этом,
Плачут нищие и шахи, с жизнью милой разлучась!

181. ПЛАЧЕТ

Пусть человек здоров, удачлив, молод.
Придет беда — прольет потоки слез.
Калечат душу засуха и голод,
И знахарь бы тут пользы не принес.

Лишит тебя Хозяин пропитанья,
Прервет твой путь, и кончено скитанье,
Лишит дыханья и, подкравшись тайно,
Столкнет тебя неожиданно под откос.

Распустят косы женщины, рыдая.
Друзья заплачут, друга поминая.
Проводят к юрте, что стоит у края,
Чтоб впредь менять кочевья не пришлось.

«Такого-то не стало», — люди скажут,
«Ушел в тот мир, где нету судей», — скажут,
«Бог милосерд к нему да будет!» — скажут.
И разойдутся, ослабев от слез.

Фраги, кого оставил рок в покое?
Чье сердце не истерзано тоскою?
И камню горе не снести людское,
При расставанье плачет и утес.

О, сады, где поют соловьи навзрыд,
 Соловьи отлетят, — есть всему черед.
 С дальних гор, где хребет за туманом скрыт,
 Хлынет вниз водопад, — есть всему черед.

Человек и убог, и умом высок,
 Разуменьем глубок, рассужденьем строг,
 Юность — солнечный день, самый лучший срок!
 Дни весны отгорят, — есть всему черед.

Смело в круг выходи, если сила есть,
 В думах — прям и правдив, помни совесть и честь,
 Правду щедрой рукой в мир старайся несть,
 Минет лет быстрый ряд, — есть всему черед.

Оплела этот мир суета сует:
 Что на пользу одним, то другим во вред.
 Чем приметен сей мир, знайте с юных лет:
 Грянет гром — будет град, — есть всему черед.

Погости, если в дом позовет родня,
 Отдохни, отдышись, ешь и пей три дня.
 На четвертый, глядишь, приведут коня, —
 Пятый день не гостят, — есть всему черед.

А настанет твой день — ты могилой взят,
 Черной тьмою смежит черноокий взгляд.
 Пусть цветеньем своим не кичится сад:
 Глядь — уже листопад, — есть всему черед.

Внятен всем, кто толков, стих Махтумкули:
 Небеса тем, кто жив, все года сочли.
 Уготован для всех тесный плен земли,
 Смолкнет слов твоих лад, — есть всему черед.

Ты дремлешь, человек, под гнетом зла,
 И жизнь проходит в суете мирской,
 А мир — змея, что рядом залегла,
 А где змея — найдешь ли там покой!

Чти веру свято, совесть, честь блюди,
Презри соблазн — в огонь не угоди,
Всегда будь бодр — и днем и ночью бди, —
В одной могиле крепок сон людской!

Куда б ни шел ты — всё к могиле путь,
Твори добро, чтоб праведно уснуть,
Блаженства рая хочешь — добрым будь,
А плох — так будут жарить день-деньской!

Глаза смежил — глядишь, богатства нет,
Умрешь — какой оставишь людям след?
Добро ли, зло вершил — держи ответ:
С тебя всё взыщут твердою рукой.

Не верь тщете, о прошлом не тужи,
Не льстись добром, над скарбом не дрожи,
Чтоб стыд не обуял, не следуй лжи, —
Ведь в Судный день узнают, кто — какой!

Махтумкули, верь правде добрых слов,
Отдай свой хлеб, едва услышишь зов,
Сложить за друга душу будь готов,
Но даже с другом не делись тоской!

184

Человек! Себя не познав,
В глупой спеси всю жизнь живешь ты,
К зову времени глух твой нрав,
Лишь любовью к себе хорош ты!

Мнишь весь мир ты поймать в силок,
Скуп и глуп, копишь деньги впрок,
Но какой ни урви кусок —
Всё напрасно: глаза сомкнешь ты!

Вспомни, чем ты на свете жив!
Сеешь зло ты, бога забыв:

220

Каждой прихоти злой порыв
Чтить готов без разбора, сплошь ты!

Ты бы суть свою разглядел,
Устрашился б свершенных дел!
Глядь, придет твой земной предел —
Чем сочтешься? Ответствуй, что ж ты?

Спесью попусту мир не зли,
Дело знай, трудись, не юли, —
Не забудь же, Махтумкули:
Отойдешь и ты, отойдешь ты!

185

Многих мир в игру вовлек:
Нечет выпадет иль чет —
Мир, безжалостный игрок,
Схватит ставку — и уйдет.

Где кочевья мусульман?
На престоле Сулейман
Долетел до звездных стран:
Стал землею в свой черед.

О, мой щит и Кыблагах,
Многомилостивый шах!
Ибрагим вернулся в прах,
И любой из нас умрет.

Заклеймив свою же грудь,
Завещая: не забудь! —
Кто смеясь, в последний путь,
Кто рыдая, побредет.

Чудо-роза умерла
Вьется по ветру зола.
Юную сожгла до тла,
А поблекшая живет.

Всем на свете суждена
Гробовая пелена
Что тогда твоя казна,
Суетной адамов род?

Полно, вздора не мели,
Неразумный сын земли!
А из глаз Махтумкули
Кровь горячая течет. . .

186. У ЧАШИ

Открыл я, зевнув, уста,
Нащупал кувшин початый.
Упившись после поста,
Дервиш почивал над чашей.

Позвал виночерпий нас
К трапезе в добрый час.
Плов нам радовал глаз,
Голод проснулся сразу.

Был нежным и жирным плов.
Но стал я лицом суров,
Увидев, как сын шатров
Свершает обряд намаза.

Не радует тех досуг
И друг им уже не друг,
Кто примет чашу из рук
Красавицы черноглазой.

Мир — караван-сарай,
Войдешь — потеряешь рай.
Махтумкули, призывай
Хызыра вместе с Ильясом!

Сто тысяч путников на дню перекочуют в мир теней,
 Но много жаждущих войти, нетерпеливых много.
 Сто тысяч знают лишь себя, коснея в темноте своей,
 Но света ищущих во тьме, в глухих извилах — много.

Сто тысяч дервишей нагих, радея, на земле сидят,
 Рыдая, благодати ждут, с тоскою на челе сидят.
 Страдая, вдаль они глядят, в слепой, кромешной мгле
 сидят,
 Но бродит, пляшет и поет глупцов блудливых много.

Бессмысленные времена, бесславнейшие имена!
 Рассыпал бы я жемчуг слов, да им сегодня грош цена.
 Где Сулейман? Где ты, Рустем? Где доблестная
 старина?
 Но верую, что честь жива, что душ правдивых много.

Взгляни: всё бог перемешал, вселенной карою грозя, —
 Добро и зло, и день и ночь, и даже «можно» и
 «нельзя».

Одни взыскуют чистоты, прямая их ведет стезя,
 Других, забывших о своих святых порывах, — много...

Махтумкули, гони печаль из темных недр своей души,
 Успокоение и лень в усталом сердце задуши.
 Не жди, пока проснутся все, восстань и действовать
 спеши,
 Не говори: мол, не поймут, — голов пытливых много.

188. НЕ СТАНЕТ

На стовершинных горах гранитных, покрытых снегом,
 Туман сгустится и дождь промчится — снегов
 не станет;
 В сад соловьиный, где розу песня манила к негам,
 Хазан нагрянет — листва увянет, цветов не станет.

Кто полон мысли и меда выпьет из чаши гранной,
В том сердце вспыхнет и слово хлынет струей
медвяной:
Мы здесь пришельцы, и всяк покинет наш мир
обманный:
Ходжей, эмиров, сеидов, пиров, рабов не станет.

Лихая старость прольется в душу твою отравой,
И город сердца навек простится с былою славой;
Тогда с тоскою ты вслед посмотришь весне лукавой:
Исчезнет сила, согнешься хило, зубов не станет.

Коль трус презренный тебе предложит еду на блюде,
Держись подальше: почета нету в подобном чуде;
Коль город горный, уйдя в долину, покинут люди —
Свое кочевье начнут деревья, домов не станет.

Фраги вещает: дорога жизни идет покато;
В обитель смерти войдешь однажды — и нет возврата;
Ты будешь пеплом, хоть красотою сиял когда-то:
Всё охладает, язык истлеет, и слов не станет.

189

Если вор ты и мошенник, о судьбе скажу твоей:
На добро чужое зарясь, грабя праведных людей
И обман и вероломство сделав делом жизни всей,
Сам себя лишил ты чести, сущий дьявол и злодей.
Скоро будешь ты в темнице, нет тебе других путей!

В Судный день по воле бога шелудивым станешь псом.
Хоть взмолишься, а пощады не получишь нипочем!
Мухаммед отвергнет вора, что пришел с чужим
добром.

Всё несносней, тяжелее будут муки с каждым днем.
Кровопийцы-скорпионы жалить будут всё лютей.

Ты заплачешь — и польется кровь потоками из глаз,
Принимая муки ада, мерзнуть будешь ты не раз.
Не дадут тебе согреться, хоть раскайся напоказ,

Хоть главу посыплешь пеплом в тот недобрый,
страшный час.
Нечистоты через горло у тебя пойдут, ей-ей!

Перед взором Мухаммеда испытываешь жгучий стыд.
Призывая смерть на помощь, плакать будешь ты
навзрыд.

Не умрешь! Но булавою страж тебя угомонит.
Будет кровь сосать из сердца змей, пока не станет
сыт,

Примешь облик обезьяны после этих жутких дней.

О Махтумкули, да будет пронизательным твой взор!
Сам-то много ль прегрешений накопил ты до сих пор?
Час придет — и ты услышишь справедливый приговор.
Что же ты тогда ответишь, пусть тот день еще
не скор?
Всё зачтется! Не пора ли думать о судьбе своей?

190. ЖЕСТОКИЕ СУДЬИ

Индусу, лишенному друга-слона,
Всё в мире как морок пустой — всё равно.
Безумцу Каруну была бы казна, —
Откуда пришел золотой — всё равно.

Что воину делать без правой руки?
Что делать хромому без крепкой клюки?
Отваге, всадившей в добычу клыки,
Низина иль холм под пятой — всё равно.

Творенью господнему смерть суждена.
Не знают ни ангелы, ни сатана,
Кому приговор составляет она:
Для смерти — что вор, что святой — всё равно.

В разлуке с любимой душа задрожит,
На око сухое слеза набежит.
Прямому бойцу — Искандер иль Джемшид,
Рустем или лучник простой — всё равно.

Удача ушла, и стоишь одиноко,
И нет для тебя ни путей, ни дорог.
Печалится сердце, но добрый клинок
Омоется кровью-рудой — всё равно.

Ты жалобу судьям жестоким принес:
Фраги, что услышал ты, кроме угроз?
Ты жив ли, убит ли ты горечью слез,
Любовью, тоской, нищетой — всё равно!

191

Спит человек иль бодрствует — он будет
Глубоко верен замыслам своим.
Влюбленный страстно — сердце не остудит,
Хотя бы нищетой он был тощим.

Кто отдал жизнь порокам и обманам,
Тот в Судный день предстанет окаянным;
Но равен тот эмирам и султанам,
Кто примирен со жребием земным.

Кто слову правды не сумел быть другом,
Неизлечимым болен тот недугом,
И в Судный день раскаянье как стругом
Сдерет грехи, сроднившиеся с ним.

Счастливицу жизнь — плодов прекрасных груда,
Но старику любое горько блюдо,
И юных лет дела глядят как чудо,
Когда виски подернутся седым.

Не верь судьбе и, если думать начал,
Знай: рок свой путь изменами означил.
Как мудро б жизнь Фраги переиначил,
Стань в сорок лет он снова молодым!

192. НЕДУГ

Молодого здоровья держава,
 Молодых наслаждений жемчуг,
 И казна, и удача, и слава
 Расточатся, уйдут из-под рук.

Человеческий дух от рожденья
 Роковые томят заблужденья;
 Расширяются плоти владенья —
 Край посулов, условий, порук.

Лучше было б для сына Адама
 Средь базарного крика и гама
 Не касаться дешевого хлама,
 Если вправду он Истине друг.

Мы измыслили сто оправданий
 Для преступных страстей и желаний;
 Божьи слуги — и те как в дурмане
 От соблазнов, кишящих вокруг.

Обуянная алчной гордыней,
 Ты, душа, в безысходной кручине
 В день возмездия бросишь в пустыне
 Беспольный, ослабленный лук.

Не служу я ни словом, ни делом
 Пряמודушным, достойным и смелым,
 Не томлюсь я по райским пределам
 Накануне последних разлук.

Я — Фраги, я немного стою,
 Захлебнулся я горькой тоскою,
 Оттого что юдолью мирскою
 Завладела любовь, как недуг.

193. РОК

Душа — царица тела. Слово —
 Его свободные крыла.
 И всё ж средь бытия земного
 У каждого — свои дела.

Но мир — в движенье неустанном.
В песках кочуют караваны:
Над жизнью и раба и хана —
Судьбы загадочная мгла.

Кто смерть осилил, непокорный?
Я вижу правду в сказке вздорной,
Что белою змеей и черной
Трон Сулеймана обвила,

Что дэвов для него взнуздала,
Смарагдов горы накидала,
Венцом алмазы увенчала, —
И всё распалось, как зола!

Дни мчатся и века седые,
Дворцы ветшают золотые,
Друзья уходят и родные,
И ночь лишь сном о них светла.

Три части мира скрыло море,
А по четвертой бродит горе...
Вселенная погибнет вскоре,
Ее погубит время зла.

Как быть Фраги? Он так боится:
В колчане рока смерть таится;
А мир — презренная блудница,
Что к человеку прилегла!

194. ПОКЛОНЕНИЕ

Пламя слова, напев случайный,
Кровь живая — перед тобой.
Я погибну, жгучие тайны
Открывая перед тобой.

Рай земной — бесплодное древо,
Но и в день господнего гнева
Лик твой светлый прославлю, дева
Дорогая, перед тобой.

В бесконечной смене явлений
Гибнет лучший цвет поколений,
И становится на колени
Житель рая перед тобой.

Грозен мир, беспутный и дикий;
Стих мой тонет в шуме и крике...
Как слуга, Сулейман великий
Пал, рыдая, перед тобой.

Царь свое покидает царство,
Рвется раб из цепей коварства,
Ждет Лукман твоего лекарства,
Умирая перед тобой.

Горы — кладбище отчей славы —
Покрывает туман кровавый...
Я забыл их, чашу отравы
Избирая, перед тобой.

Бренный мир обманул Рустема,
Сердце гордого Зала — немо.
Встали мертвые, сон Эдема
Прерывая перед тобой.

Мир бежит покоя и мира,
В Мерве пал повелитель мира.
Речь Фраги умолкает сиром —
Огневая — перед тобой.

195. НЕ ОСТАНЕТСЯ

О рока несчастные дети!
Не плачьте: князей не останется,
Больших городов и мечетей,
Что снега белей, не останется.

Души не останется в теле
И слов, что горели и рдели,
И тысячепесенной трели,
Что вил соловей, не останется.

Я вижу и чувствую это:
Разрушатся стороны света,
Земля будет мраком одета,
Ни гор, ни морей не останется.

Раздастся господне веленье, —
И где отыскать избавленье?
По небу пройдет сотрясение,
И звездных огней не останется.

Земля все разделы забудет,
Ни тюрка, ни курда не будет,
И холод созвездья застудит,
И птиц меж ветвей не останется.

Мир выйдет из круговорота,
Не станет пространства и счета;
Слона, комара, бегемота
И хищных зверей не останется.

Фраги! Ты сквозь долгие годы
Пронес вдохновенье свободы,
И силы бурлили, как воды,
Но даже зыбей — не останется.

196. ЧУДО

Как много смелых душ, придя, ушло из жизни:
Кто воплотил мечты, кто счастьем был согрет?
Играет нами рок, не внемля укоризне:
Был утром весел ты и грустен стал в обед.

Нам смерть шьет саваны, не упуская мига;
Мы все ее рабы, ее не свергнуть ига;
Уносит время нас, ветшает жизни книга:
Что нынче видишь ты, то завтра — бледный след.

Мир — жалкий балаган, чертог насмешки некий,
Послушай речь мою, тоску о человеке:
Когда приходит смерть, твои смежая веки, —
Неважно, видел ты или не видел свет.

Где крепость гордая, где цитадель Хамуна?
Где власть всемирная и слава Феридуна?
Пусть горы золота взяла казна Каруна, —
В его глазницах — прах, не светлый блеск
монет!

И всё ж Махтумкули взирает в изумленье!
Вот чудо: под водой — благих огней свеченье!
От добрых благодать берет свое течение,
А подлый — всё равно: рождался он иль нет!

197. УЙДУТ

Эй, друзья! Мы, пришедшие в мир, уйдем;
Злые, добрые, племя и род — уйдут,
Речь покинет уста — свой уютный дом,
Зубы выпадут, песня и мед — уйдут.

Мы весной веселились в родных степях,
Жили мы на земле в золотых дворцах;
Дни пройдут, города превратятся в прах,
Зной и стужа, неделя и год — уйдут.

Мир подлунный подобен слезе одной.
Где мой брат? Он вчера еще был со мной.
На хазане построен чертог земной.
Дни джигита с поклажей забот уйдут.

Не моли о пощаде на склоне лет,
У Лукмана от смерти лекарства нет;
Пред царем и пред нищим померкнет свет,
Око черное, розовый рот — уйдут.

Ты — загадка, ты — сгусток тумана, мир!
Ты сковал и убил Сулеймана, мир!
Отнял нежную жизнь у рейхана, мир!
Соловей и смоковницы плод — уйдут.

Смерть, оставь эту плоть у моей души,
Убивать меня, пленника, не спеши.
Торопись, мой Фраги, свой дестан пиши:
Вдохновение и мощь в свой черед уйдут.

198. СТАНЕТ ПЕСКОМ

Древним горам степной грозит суховей,
Влагу ворует, душит поток песком.
Сад, где гремел неистовый соловей,
Вихрь обгложет, и станет цветок песком.

Долго не держит пришельца ложный мир.
Чаша скупа, и краток жизненный пир.
Жребий один — у скромников и задир;
Станут бек и раб, плут и пророк — песком.

Старость в жилы свой тихо вливает яд.
Стены нашей души терпят гнет осад.
Юности глянешь вслед — как вернуть назад?
Мышцы, кости и кровь — станут в срок песком.

Пусть обжора всё жертвует животу, —
Брезгай им, руку не подавай плуту.
Мало ль горных троп, поднятых в высоту,
Стерло сорной травой, зной облек песком?

Кто, Махтумкули, неуязвим у нас?
Чей истлевший прах мы оживим у нас?
Смерть наполнит рты ветром сухим у нас:
Всё — песок, всех засыплет песок песком.

199. ДОСТИГНЕШЬ

Пришедший уйдет, откочует кибитка степная.
С высот перевала прояснятся мира черты.
Об имени добром заботься заранее, зная,
Что скоро дороги земные покинешь и ты.

Ты сеял — оставь приходящему часть урожая.
Тот жалок, кто прожил, лишь чрево свое ублажая.
Живи, как велит тебе совесть, с годами мужая,
От смерти, как волк от погони, не прячься
в кусты.

Прозревшего поздно, тебя одолеют недуги.
Вселенную спутать арканом — смешные потуги.
Пойми, когда станешь богаче Каруна в округе,
У тех, кто уходит, пред вечностью руки пусты.

Зачтется служившему Истине каждое слово.
Пустыню усиливший — вновь под отеческим кровом.
Окажется правым себя осуждавший сурово.
Обжора — недужен, здоров — соблюдавший посты.

Вот алый гранат, серебро и парча — для соблазна.
Блажен осудивший их ложную ценность заглазно.
На торжищах жизни торговцы шумят безобразно,
Их речи красивы, но руки купцов не чисты.

Фраги, в караване верблюды шагают устало,
Жестка и колюча подстилка в кибитке бывалой;
В далеком кочевье и ты подошел к перевалу,
Как в этой дороге петлял ты — видней с высоты.

200. ПРИНЕС

Накшбенди ко мне явился в час ночной
И огонь своей души во сне принес:
Он держал бокал вина в руке одной,
Свежий хлеб в другой руке он мне принес.

Пробужденный появленьем старика,
Осушил бокал я тут же в два глотка,
Но такая обуяла вдруг тоска,
Будто он свою печаль в вине принес.

Слезы брызнули из глаз — не вытирай!
Это хлынуло волненье через край.
Накшбенди мне подал знак: «Вперед шагай!»
Зашагав, себе я боль вдвойне принес.

Не поняв его, не шел я, а летел, —
Я свидания с любимой захотел.
Полюбив, познал отчаянья предел.
Но лекарства от любви он не принес.

Потрясенный поднялся Махтумкули,
Но слова на волю выйти не могли.
Старец вместе с огорченьями любви
Опьянение в ее огне принес.

201. УИДЕТ

Жизнь в мире подобна кочевью,
Что тянется из году в год.
Из чаши серебряной с чернью
Испивший отравы — уйдет.

Жена затоскует и дети.
Враги, словно в дни лихолетий,
Растащат казну по монете.
Виновный ли, правый — уйдет.

Наемник, покинувший друга,
Продавший свой меч и кольчугу,
Врагу оказавший услугу
На ниве кровавой — уйдет.

Заступник за друга и брата,
Намаз соблюдающий свято
И в добрых делах тороватый,
Увенчанный славой, — уйдет.

Хозяин цветущего сада,
Дворца за высокой оградой,
Коней и несметного стада,
Покинув державу, — уйдет.

Недугом расслабленный в доме
И камни дробящий в ладони,
Сутулящий спину тихоня
И буйного нрава — уйдет.

Несчастных возьмет и счастливых
Конь смерти со спутанной гривой.
Хвалящийся доброю нивой
И злою потравой — уйдет.

Фраги, что в раздумии горьком
Обходит двory и задворки,
Слова разбросав, как на торге,
Налево-направо, — уйдет.

202. УЙДЕШЬ

Глотая кровь, переживая горе,
Богатством опьяняясь, ты — уйдешь!
Иссохнет рот, и будет мгла во взоре:
Ты всё познал; отчаясь, ты уйдешь.

С женой, с детьми тьма горя и забот нам,
А телу — тлеть, под дерном лежа плотным;
Какой же прок в блаженстве мимолетном,
Когда, бесплодно каясь, ты уйдешь?

Потомство — тлен, коль твой удел плачевен;
Смерть унесла пророков и царевен;
Жизнь — волосок, и век твой — пятидневен;
Скажи: чем утешаясь, ты уйдешь?

Мир умолять — просить богатств у скряги;
Блужданьем не насытятся бродяги;
Служа лишь богу, в помыслах о благе,
Молитвой утешаясь, ты уйдешь.

Куда, Фраги, идешь, пути не зная?
Повсюду смерть подстерегает злая;
Дом скорби кинул твой отец рыдая;
Ужели улыбаясь ты уйдешь?

203. УЙДУТ

Увы, друзья! Наш мир цепрочен бранный:
Все, кто пришли — и стар и млад, — уйдут!
Не сохранить летучих благ вселенной,
Не удержать ее отрад: уйдут!

Как будто медом полны мира соты,
Но это — желчь: тревоги и заботы.

Кричишь: «Достиг!» — а блага и красоты,
Из рук скользнув, дразня твой взгляд, уйдут.

И времени не удержать вращения:
Рожденье, смерть, рожденье, смерть, рожденье...
Тем — раздувать своих костров горенье,
А те, задув огни лампад, уйдут.

Все, кто бледнеет, истины взыскав,
Кто мечется, о благах дня ревнуя,
Кто жаждет правды или поцелуя,
Все, кто печален, все, кто рад, — уйдут.

Все, кто владеет ханством или бекством,
Все, кто нуждою разлучен был с детством,
Кто от греха спешил спастись бегством,
Кто пил ширап, иль мед, иль яд, — уйдут.

Все, кто дарами жизни насладился,
Кто зло от блага отличить учился,
Кто без различья ко всему стремился —
Слепою птицей, наугад, — уйдут!

Нельзя понять игру судьбы обманной:
Губами льнешь к уладам мира, пьяный,
А все улады в некий день неожиданный,
Оставя серы едкий чад, уйдут.

Какой в том смысл — ни ты, ни я не знаем:
Два дня ты рад, четыре дня терзаем!
Мир схож с нелепым караван-сараем:
Там, сбросив кладь, все в дальний град уйдут.

Фраги, как все, во власти лживой чары;
Шипам и розам — выносить удары;
Все: шах, и раб, и молодой, и старый —
Будь беден он или богат, — уйдут!

204. УИДЕТ

Зачем ты, мир, ничтожному мирволишь?
Он, сыт и счастлив, с гордым лбом, уйдет.
Где ум твой, мир? Ты доброго бездолишь:
Он нищ и наг, и бедняком уйдет.

Знай, человек, что в мире наслаждений
Твоя душа созреет для мучений.
Глупца земные привлекают тени,
Мудрец с мечтой о мире том уйдет.

Ах, чья душа тобою, мир, согрета?
Пришедших ты встречаешь без привета;
Герой иль трус — тебе неважно это:
Уходит лев, шакал за львом уйдет.

Кому богатства иль восторгов надо,
Тот на земле узнает муки ада;
Ведь мир — змея, и от мирского яда
Померкнет взор, и всё кругом уйдет.

Мир — женщина распутная: целуя,
Пьет кровь она, взамен недуг даруя.
Раба и шаха — всех в земле найду я:
И тот, и тот спать вечным сном уйдет.

Лжет мир, и рад он панести обиду:
Он с теми добр, кто мерзок даже с виду;
Но богачу скупому не завидуй:
Он строит дом, но в смертный дом уйдет.

От сильного терпи, Фраги, насилья;
Не делай зла, добру подрезав крылья.
Слов, злых и добрых, у тебя обилье.
Мудрец — научит. Лишь потом уйдет!

205. О МИР!

Мир, звенящий железом своих когтей,
Ты жаднее голодного пса, о мир!
Сколько б ты ни стяжал, не станешь сытей.
Нам для счастья даешь полчаса, о мир!

Мир мне шепчет. «Найдешь ты подругу...» —
Ложь!

«Окажу вам любую услугу...» — Ложь!

«День и ночь предавайтесь досугу...» —

Ложь!

Ты увертливей спиц колеса, о мир!

Можешь бурей дохнуть из горнила вдруг,
Можешь выпарить воду из Нила вдруг,
У слона изничтожится сила вдруг,
И его обезумит оса, о мир!

Искрошится любая лава твоя;
Отгремит любая держава твоя;
Всё, что ты сотворил, — забава твоя:
Смоешь горы и выжжешь леса, о мир!

Ткань души отберешь — ей возврата нет,
Ей цены, будь хоть в золоте плата, нет;
Прав на то, что захватчиком взято, нет,
И враждебна твоя нам краса, о мир!

У Меджнуна украл ты его Лейли.
Всех друзей не оплачет Махтумкули:
Всех под шкурой твоей, казнив, погребли,
И она, как пустыня, лыса, о мир!

206. МИР

Твой грех тебе в лицо рукою кину властной:
Ты никогда ни с кем не мог быть в мире, мир!
Зачем ты в рубище одел наш век несчастный,
А прежним позволял блистать в порфире, мир?

Кто век земной, скажи, в почете должном прожил?
Ты столькож воинов достойных уничтожил!
Юсуна рабскими ты путами стреножил,
Дауда истребил, творца псалтыри, мир.

Убил Рустема ты, кто был красой Ирана,
Убил смирявшего чудовищ Сулеймана.
Хоть одного щадил султана ты иль хана?
Нашел ли друга хоть в одном эмире, мир?

Джигита долг — стоять скалой в пылу сраженья,
Пред лезвием копья не высказать волненья;
Баба-Омар бежал, ища себе спасенья, —
Но ты его загнал в степные шири, мир!

Душа Махтумкули спокойней вод бассейна:
Я богу истины молюсь благоговейно;
Хоть мукам ты обрек Хасана и Хусейна,
А всё ж они теперь парят в эфире, мир!

207. НАШ МИР

О друзья мои, мусульмане!
Нам покинуть без слов наш мир!
Если ж есть хоть медяк в кармане,
Не оставь без даров наш мир!

Мы ненадолго здесь, поймите!
Что имеете — всё дарите;
На казну Каруна взгляните:
Всё развеять готов наш мир!

Смертный! Жалки земные цели.
Смерть проникнет в любые щели.
Жестко спать, говоришь, в постели?
Ложе даст меж песков наш мир!

Он прольет на тебя страданья,
Хлеб отравит без содроганья,
И вдобавок за все деянья
Ты ответишь! — Таков наш мир!

Ты лишь в боге, Фраги, свободен;
Знай: в Коране завет господень;
А от тех, чей век был бесплоден,
Не оставит следов наш мир!

208. МИР, ХЭЙ!

Ты утопишь ладьи, ударив волной,
Опрокинешь их кверху днищем, мир, хэй!
Человеку грозишь нежданной бедой —
Разлучишь ты его с жилищем, мир, хэй!

Кто готовился жить — духом вдруг иссяк.
Где ступал я ногой — ляжет мой костяк.

Безразлично тебе, богач иль бедняк,
Всех прижмешь своим сапожищем, мир, хэй!

Нет у мира пути и причала нет;
Дня, когда бы нас смерть не встречала, нет;
Нет злодействам конца и начала нет;
В скудоумье живешь ты нищем, мир, хэй!

Сзади крадучись, душишь и ранишь ты;
Путать худо с добром не устанешь ты;
Полным меда соцветьем приманишь ты
И отравишь нас корневищем, мир, хэй!

Лето, осень, зима и весна — твой круг;
Блещут красками море, гора и луг;
Но живое избудется, как недуг,
И пребудешь ты пепелищем, мир, хэй!

Многих ты — как былинки их сдунув — съел;
Мухаммедово сердце, проклюнув, съел,
Сулейманов, Гарунов, Карунов съел —
И едва ли их прах мы сыщем, мир, хэй!

Непонятен Махтумкули скрытный мир.
Топчет прошлое нелюбопытный мир,
Перестань же блудить, ненасытный мир,
И, рассыпавшись, будь кладбищем, мир, хэй!

209. ДЫМ

Ткань долговечности тонка.
Что на людей надето — дым.
Их кровь, текущая с клинка, —
Скользящий без запрета дым.

Не увлекайся суетой:
Весь этот мир — ночлег пустой.
Трудней сказать: «Кочевник, стой!»,
Чем сохранить для света дым.

Заржет скакун твой, видя труп.
Коня другой возьмет за чуб.
Но смертный близится уступ:
Весна — огонь, а лето — дым.

Сгорит нарушивший обет.
Спасенья миру тоже нет.
Мы смерть вкушаем, как шербет,
Но в запахе шербета — дым.

Кто обойти свой хочет срок,
За гробом будет одинок.
Для тех, кем не был чтим пророк,
Слова его завета — дым.

Продажен мир, Махтумкули, —
Притон, куда всех шлюх смели;
Для девки ложе застели
И убедись: всё это — дым!

210. РУКА МИРА

Душа и сердце болью изошли,
В тоске забились под рукою мира.
Я застонал — семь поясов Земли
В тоске забились под рукою мира.

На злобный мир я в страхе поглядел;
Дана разлука любящим в удел;
Мужи, не завершив бессмертных дел,
В тоске забились под рукою мира.

Коварный мир, ты суетный блудник!
Не угадаешь — кто твой временщик?
Шах — нищим стал. Ребенок и старик
В тоске забились под рукою мира.

Безумец, золото копивший, — где?
Для милой родину забывший — где?
Мой гюлистан, весной оживший, — где?
В тоске забились под рукою мира.

От песни этой в трауре народ.
Молчишь, Фраги? Язык твой был как мед.
Твой взор, твой лик, твой стан в плену

невзгод
В тоске забились под рукою мира...

Внемли мне, Адам, я поистине стар!
 Я видел гранаты у мира в затворе,
 И душепродавцев грошовый товар,
 И шумный базар, потонувший в раздоре,

На осень рассчитан предел мировой,
 И чаша разлуки всегда пред тобой:
 То Красное море, то Нил голубой,
 То желтый Джейхун, то Хазарское море,

Когда твое жаркое солнце в крови
 И гибнут надежды в краю нелюбви —
 На помощь напрасно врачей не зови:
 Есть город разлуки, а в городе — горе.

Туран, Чин-Мачин превратятся в золу,
 Твой дом и твой сын превратятся в золу,
 И роза и крин превратятся в золу —
 Губительный пламень у рока во взоре.

Мне встретилась пери в мои времена,
 И вечно горит, не сгорая, она.
 Где райский источник? Дорога трудна
 От наших низин до господних нагорий.

Ты помнишь ли прежнюю силу мою?
 Стареют любовники роз и в раю.
 Созрел виноград в заповедном краю,
 Да змеи под каждую гроздью в дозоре.

Мне очи томит нищета бытия,
 И ливнем шумит суета бытия;
 От мира не спрячешься: тайна твоя
 Откроется — даром что дверь на запоре.

Нет места замерзшему подле огня,
 И сытые не разумеют меня.
 Но верю в народ мой. Седлает коня
 Воитель прославленный в ратном уборе.

От брэнного мира нельзя убежать —
 Он вечный твой кровник, предатель и тать.

Он будет недужное тело терзать,
И бросит, и душу оставит в позоре.

Свидетель жестоких и суетных дел,
Фраги ослабел и как лунь поседел.
Покоя искал он, свободы хотел —
И гибнет, с владыкой-обманщиком в ссоре.

212. ЖИЗНЬ ПРОХОДИТ

Смотрите: прельщаясь мирской суетой,
Спеша, вереница людская проходит.
Сын праха, гадая по книге святой,
Блаженство за грош уступая, проходит.

На правого мир ополчается вдруг,
Впивается в сердце его, как недуг;
Иса, не касаясь протянутых рук,
Целительный лик отвращая, проходит.

Кто — с чистой душою отходит ко сну,
Кто — в грязь упадет, кто — взлетит в вышину,
Кто — всё промотав, кто — родную страну
Ограбив от края до края, — проходит.

Иные становятся жертвою ссор:
Кто — братом своим возведен на костер;
Кто — бедствуя дома, кто — чуждый простор
В скитаньях своих озирая, — проходит.

Кто — с царским венцом на высоком челе,
Кто — с грозным мечом и в походном седле,
Кто — лютой чумою летя по земле,
Родимый народ попирая, — проходит.

У тех — розовеют гранаты в саду,
Те — стонут, а эти — молчат и в бреду,
Пылают в огне, коченеют во льду;
Сквозь сердце заноза стальная проходит.

Себя не познав, умирает иной;
Иной — избалованный долей земной;
Один — предвкушая огонь смоляной,
Другой — наслаждения рая, — проходит.

Кто — женской красою свой взор ослепив,
Кто — волей смиряя свой страстный порыв,
Кто — помыслы к правде святой устремив,
Кто — истиной пренебрегая, — проходит.

Кто — с темными ямами мертвых очей,
Кто — не досказав сокровенных речей,
Кто — лик открывая чернее ночей,
Кто — светлый свой лик закрывая, —
проходит.

Скиталец, терзавшийся из году в год,
Скупец, не рассыпав любовных щедрот,
Бедняк, не изведав, как сладостен мед,
Безумец, отраву глотая, — проходит.

Кто пал, кто взлетел, кто дурен, кто хорош,
В чьей правде потомкам откроется ложь,
Чьих внуков и правнуков не перечтешь,
Чье лоно что глина сухая, — проходит.

Кто — счастье бросая в пустыне мирской,
Кто — цели коснувшись горячей рукой,
Кто — с ложа взывая с предсмертной
тоской,
Кто — суетный мир обегая, — проходит.

Кто — слабую душу продав за деньгу,
Кто — сгнув как тать на чужом берегу, —
А верный — не выдав отчизны врагу,
Во славу ее погибая, — проходит.

И знает Фраги: возвращается в прах
Жестокий властитель и странник в песках.
Слеза на ресницах иль смех на устах,
Но жизнь — и одна и другая — проходит.

213. ОКАЗЫВАЕТСЯ

Друзья! Наш мир, в конце концов, —
Разрушенный чертог, оказывается.
Нас, как неопытных птенцов,
Поймал судьбы силок, оказывается.

Не поддавайся на обман,
Не дай себя завлечь в капкан:
Ты мимолетной страстью пьян, —
Блуднице ты далек, оказывается.

Рок не щадит души твоей,
Пути он пресекает ей;
Коль не взрастил ты сыновей,
Твой славный род поблек, оказывается.

Будь счастлив, ведь тебе дана
Души и сердца глубина;
Но бойся: злобная жена
Вонзает в дух клинок, оказывается.

Грудь милой точно райский плод,
В ее объятьях сладкий мед;
Иным слепцам жена-урод
Приятней, чем цветок, оказывается.

Вороне лучше всех услад
Возня и гомон воронят;
Без них вороне сущий ад:
И счастья в них исток, оказывается.

Как разъяренный лев, джигит
Врагов в сраженье победит,
А трус укрыться норовит,
От страха изнемог, оказывается.

Фраги же — якорь веры дан;
Изведав в жизни сотни ран,
Я не боюсь загробных стран:
Там много есть дорог, оказывается!

О рок, награди нас своей благодатью,
 Лицом повернись к нам, будь чуть добрей.
 Безвременно в землю легли наши братья,
 Невинные, ставшие жертвой твоей.

Ты — волк, мы — овечки, да это не внове!
 Клыки твои красными стали от крови.
 Ощерясь, ты снова стоишь наготове.
 Опомнись, помилуй несчастных людей!

Ты давишь без петли, сечешь без кинжала.
 Забыть твоего мы не в силах оскала...
 Ужель твои козни начнутся сначала,
 Ужель утоленья нет жажде твоей?

В пощаду не веря, и дети и внуки —
 Мы все простираем в мольбе наши руки.
 Зачем, обреченный на смертные муки,
 Страдает твой раб до скончания дней?!

О Махтумкули, каждый день на рассвете
 Шли небу слова справедливые эти.
 Ведь идолы даже всё слышат на свете.
 Достигнешь ты бога молитвой своей!

215. СУДЬБА

Ну кто, друзья мои, постиг
 То, что судьбе на ум взбредет?
 Ведь всякий час и всякий миг
 Удар предательский нас ждет.

Предстанет смерть, разверзнет пасть,
 Умрет в тоске, кто пожил всласть.
 Земля питает к плоти страсть,
 Тиски сжимает в свой черед.

Тех, кто доверчив, ждет просчет:
 Сто тысяч раз им рок солжет.
 Он их скота не сбережет.
 Достаток — сон, а сон пройдет.

Зерном, насыпанным в силок,
Завлек доверчивого рок.
Не верь тому, что под шумок
Тебе предскажет звездочет.

Фраги, всё тоньше жизни нить.
Недолго смертному ходить.
Проси судьбу повременить —
Она к тебе не снизойдет.

216. НЕ СПИ!

Ты, названный божьим рабом,
С аллахом считайся, не спи.
Мир этот исчезнет потом,
Скорей просыпайся, не спи!

Пусть жизни бездонна река,
Ты здесь не пребудешь века,
И юность твоя коротка.
Трудись же, старайся, не спи!

Нетленной вселенной народ,
Тебя не дождавшись, уйдет.
Готовься! От мелких забот
Скорей избавляйся, не спи!

Коль нужен тебе мой совет:
Пленен суетою сует,
За всё понесешь ты ответ.
Будь смел, не скрывайся, не спи!

Пусть мира конец этот сон,
Крик детства и старости стон
Мгновенны в движенье времен,
Но ты не сдавайся, не спи!

Пусть ищешь почета себе,
Мирской отдаваясь борьбе,
К чужой равнодушен судьбе,
Греху не предайся, не спи!

Не меряй все блага грошом,
Что толку в богатстве большом!
Корыстным не стань торгашом.
Добром занимайся, не спи!

217. СМЕРТЬ

Червивый сплошь орех — вот мир ничтожный наш!
Что за игрок сидит, все ставки загребая?
На мировой базар что это за торгаш
Принес гнилой саман, на золото меняя?

Что за кошма, с какой нельзя, прилегши, встать?
Что за корабль, пред кем разверзлась моря гладь?
Что за бессмертная, невянущая мать
Живет, свое дитя сама же пожирая?

Что за фонарь горит в стране, где солнца нет?
Какое зеркало не возвращает свет?
Кто виночерпий тот, что подает шербет,
Рукой безжалостной твою гортань сжимая?

Друзья! Кто падшую полюбит, жалок тот:
В причудах похоти она всечасно лжет;
У мира меж корней снует безглазый крот,
Земли и неба ткань точа и подгрызая.

Друзья! Открою вам печаль души моей,
И тот, в ком разум есть, меня понять сумеет:
Обвил вселенную неумолимый змей,
Свой распростерши хвост от края и до края.

Ногами недр земли касается дракон;
Рогами он седьмой пронзает небосклон;
Живое, мертвое — что лишь поймает — он
Всё поглощает, в пасть не разглядев кидая.

Не тварь живая он, не самка, не самец;
Сквозь бельма он глядит, косою полуслепец;
Его двенадцать глав — чудовищный венец —
Чернеют, небеса и землю облегая.

Смирись, Махтумкули, и гордость отгони;
Незрим ужасный змей, таящийся в тени.
Но чудо есть еще: семь ящериц; они
Живут, великого дракона поглощая!

218. НЕ ВЕЧЕН ТЫ

Земною славой не гордись, мгновенно наше бытие.
Ты не удержишься, пройдешь — не вечен ты, не вечен
ты.

Смерть-виночерпий поднесет тебе прозрачное питье,
Сам к смертной чаше припадешь — не вечен ты, не вечен
ты.

Мир — это крепость на песке, стирает время письмена.
В людской извечной кутерьме всему потеряна цена.
Где, торжествуя, жизнь цвела — пустыня мертвая
видна,
Следов кочевий не найдешь — не вечен ты, не вечен ты.

Разлука — это злой недуг, беда тому, кто разлучен.
Будь справедлив и милосерд, пока ты молод и силен.
И жизнь засветится твоя, как будто ты огнем зажжен.
Как факел, светом изойдешь — не вечен ты, не вечен
ты.

Я с розой молодость сравню. Ты был цветком — увял
цветок.
Неужто ты на свете жил, и разумел, и видеть мог?
О, как легка сухая кость! Глазницы жжет сухой
песок...
Ты сын земли, в нее уйдешь — не вечен ты, не вечен
ты.

Знай, сорок лет не малый срок для всех живущих
на земле.
Смерть — пуля, пусть она сразит тебя не дома,
а в седле.

Когда кончалась власть свирепого Дежджала,
День превратился в ночь, луна как уголь стала,
На землю черное спустилось покрывало
И сорок дней висел незрячий слой тумана.

Но эта тварь мертва! Народ освобожденный
О павших сыновьях свои умножит стоны —
И к людям ангелов слетятся миллионы,
И разразится вопль, как ветер с океана...

Фраги Коран читал, чьих слов нетленна сила:
Огонь охватит мир, с небес падут светила,
И вострубит труба святого Израфила,
И в плоть истлевшую душа войдет неожиданно!

220. В ТОТ ДЕНЬ, ДРУЗЬЯ

К иному миру устремляйся, сердце,
А в этом мире прочных нет улад.
Власть божья всюду. Только в иноверце
Нет веры правой в горний вечный град.

Кого бы здесь могла не взять могила?
Смерть усмирить ужели будет сила?
Иса с Мехти умрут, и Израфила
Прольется голос — громовой раскат.

Так погляди в лицо чудес грядущих!
Исчезнет жизнь во всех степях и пущах:
У всех людей, зверей, у птиц поющих
В ту пору душу с телом разлучат.

А Израфил ударит на шайтана,
И тот бежит, и рухнет бездыханно
На остров Серендиб среди океана,
И там издохнет, ужасом объят.

Назавтра будет день назначен Судный;
Совьется небо над землей безлюдной;
В одежде гнева выйдет огонь подспудный;
Моря, иссохнув, глуби обнажат.

И потекут, свинцом расплавясь, горы,
Круша дворцов устои и опоры,
И черная луна взойдет в просторы,
Померкнет солнце, хлынет звездопад.

И вновь потоп, как страсть, пройдет по суше, —
Да внемлет всякий, у кого есть уши!
Тут Израфил вернет из плена души
И ангелы в тела их поместят.

Разбужена трубою Израфила,
Останки плоти возвратит могила —
Вокруг скелета обовьется жила,
И всё срастется с головы до пят.

И пред Судом воскресшие предстанут,
На жизнь свою, на зло и благо взглянут,
Весы господни их дела потянут —
И будет рдеть, добычи алча, ад.

В свидетели законы призовутся,
Все семьдесят два племени сойдутся,
Все верные в двенадцать толп сольются,
Но каждую в иной поставят ряд.

Без рук предстанут сеятели злобы;
Примчатся свиньи, грязны, низколобы —
Те, кто презрел намаз; вползут в утробы
Фаланги к тем, кто не вносил зекят.

Всё вскрыется, что было сокровенным;
Клеветникам и сплетникам презренным
Рты разорвут и огненным поленом
Затылки обдерут и заклеят.

Ослепнут все властители-злодеи;
У скрытников во рту склубятся змеи;
У любодеев перекрутит шеи:
Вниз головой пойдут за свой разврат.

Ростовщики узнают силу гнева:
Кишки у них потянутся из чрева;
Все кинутся направо и налево,
Не вынеся от них идущий смрад.

Все жадные скупцы и себялюбь,
Все, кто с народом были злы и грубы,
Все, кто в сирот свои впускали зубы, —
Всем вычернит их лица адский чад.

Глаза пьянчуг повиснут вне орбиты,
Зубами ноздри будут их пробиты,
И языки до корня будут вскрыты,
И всё их пойло вытечет назад.

Кто причинял родителям страданья,
Те из огня получают одеянья
И, корчась, поползут на посмеянье;
Воды попросят — поднесут им яд.

В двенадцатом ряду — с иным уделом:
То праведники; на верблюде белом
В рай въедет каждый с просветленным телом,
И как луна их просияет взгляд...

Словам Корана следовал я строго;
К могиле наша пролегла дорога;
Махтумкули страшит немилость бога:
В тот день, друзья, что с нами сотворят?!

221. ВРЕМЯ

Я, плача, кличу друзей; не время пришло, а бред;
Рабы мы злобных людей, молитва их — звон монет.
Ах, сколько бедных детей, и каждый нищ и раздет,
И хочется, чтоб скорей прервалось течение лет!
Эпохе зваться моей безбожным временем бед!

Ах, если б твой вызвал клик ответный в сердце
любом!

Но ты в изгнание поник, и нет никого кругом.
Клони в раскаяние лик напрасно: нет пользы в том!
Ах, бросить бы мир-цветник, покинуть семью и дом
И в некий блаженный миг отшельнический дать обет!

Не встретиться никогда со смертью — ты не мечтай:
Жизнь тает быстрее льда, могила — родной наш
край.

Но косна людей орда: как правду им ни внушай,
Запретное — им еда, проглотят, что им ни дай,
Хотя и твердят всегда: «О истинный Мухаммед!»

Мир в горестях изнемог; несчастный плачет народ;
Тиран на него налег, и все нестерпимей гнет.
На сердце мира — ожог, а пламя все жарче жжет,
И тем лишь, что был пророк, стоит еще небосвод.
Забавой тешится рок, покуда не рухнет свет!

Я нищ и ничтожен сам, и годы провел я зря;
Я верю лишь небесам, с надеждой на них смотря.
Но мысли бурным волнам я предан, — где якоря?
Подобен Фраги пловцам, плывущим через моря!
Кому я руку подам? Предела пучинам нет!

222. БЕЗВРЕМЬЕ

Мир, одержимый суетой,
Грешит безумными делами.
В Каруны метит род людской,
Все ныне стали крикунами.

В пороках тонет бай-скупец.
Где солнце праведных сердец?
В чертогах родины купец
Торгует жалкими рабами.

Иссякли воды наших гор,
Не рвется ветер на простор...
Когда-то веселивший взор
Гурген пересечен врагами.

О, царство непроглядной мглы!
Пустеют нищие котлы;
Народ измучили муллы
И пиры с их учениками.

Смертельно родина больна,
Разрушена и сожжена.
Джигиты в наши времена
В темницах стали стариками.

Грабеж да бедность... И, греша,
Ожесточается душа.
И ветер, яростью дыша,
Огнем проходит над степями.

Истощены, угнетены
Отчизны лучшие сыны.
Лихие стали скакуны
Простыми вьючными ослами.

Достойный муж, как трус, дрожит;
Красавица забыла стыд;
Шах, как змея, народ язвит,
Хан вьется вороном над нами.

Где честь? Где верность и любовь?
Из горла мира хлещет кровь.
Молчи, глупцу не прекословь,
Страна кишит клеветниками.

Язык мой против лжи восстал —
Я тотчас палку испытал.
Невежда суфий пиром стал,
Осел толкует об исламе.

Злак не растет в тени тюрьмы.
Померкли светлые умы.
Глупцы, надевшие чалмы,
Вдруг обернулись мудрецами.

Ворует вор, богач — берет,
И наг и нищ простой народ;
С живого шкуру бай дерет,
И сладу нет с ростовщиками.

И горы, словно корабли,
По морю слезному пошли,
И кровь из глаз Махтумкули
Бежит хазарскими волнами.

223

Поиссохли ручьи, пали кряжи гор,
Реки слез потекли из очей сирот.
Беков точит разврат, каждый грабить скор,
Рушит стены страны этот жадный сброд.

На безлюдье азан — зря вопящий глас,
Вся премудрость у мулл — напоказ, для глаз,
Судьям лишь бы чай пить за часом час,
Крепко держатся все за запретный плод.

А ишаны, как рой, у дверей кружат,
Им доносы на мулл — слаще всех услад,

256

Ловко суфии врут: я, мол, чист и свят! —
Гогоча да скача, мнут небесный свод.

Волоса распустив, свою честь презрев,
В степь порока бредут толпы юных дев!
Тьму добытых монет на себя надев,
За достоинство чтут свой лихой доход!

Копит куш ростовщик, нажил тьму монет,
А на байский доход и побора нет!
Да покайтесь же вы! Сколько горьких бед:
Вред чинит другу друг, все бредут взвробод.

Ты на скаредных мулл глянь, Махтумкули:
Жертв, как волки, дерут — налетаи, дели!
Злом, добром ли собрав хлеб со всей земли,
Торопясь, жрут взхлеб — каждый вволю жрет!

224. БЕДНЯК

Сыну ислама скот — всех наград милей.
Тучных жаждет стад, бредит конем бедняк.
Если мор у тебя, лучше сам истлей:
Братья прочь уйдут, жен не вернем, бедняк!

Продан кушак, тряпьем срам прикрыт одним.
Раб на пиру не гость, к двери он тесним.
Сядь на осла богач, скажут — конь под ним;
Конь слывет ослом, если на нем бедняк.

Бывший друг не даст крошки тебе взаймы.
Знать пройдет, смеясь, мимо твоей сумы.
Твой, оборвыш, ум вражьи затрут умы.
Пешкой сгинешь ты перед ферзем, бедняк.

Знает сердце мое, гневный мой жилец:
Выход — лишь в борьбе, славен только борец.
Кто другого чернит — явно сам подлец.
Гнусной лжи готовь грозный прием, бедняк!

Славь, Махтумкули, бога в его лучах.
Смерти всякий ждет, нищий ли он иль шах.
Кто не хотел терпеть, смотришь — в год исчах;
Если терпел — всё ж скинет ярем бедняк.

225. ПРИМЕТА

Ныне лишь невежда славен — помрачения примета!
Где страдания дервишей? Где горения примета?
Угнетенных и страдальцев где спасения примета?
Всюду лишь одни напасти — запустения примета,
Все ругаются друг с другом — оскудения примета!
Тот — мужчина, на котором преступления примета!
К выгоде стремится каждый — где смирения примета?
Нет следа благого дела, есть падения примета —
Это светопреставленья, это тления примета!

Люди лютого злодея честным храбрецом считают,
Бытие, что преходяще, прочным бытием считают,
Шариат они презрели, благо злом они считают,
За друзей врагов принявши, друга злым врагом
считают,
Клянчить и просить привыкнув, скромного глупцом
считают,
Ты не преступил закона — все тебя ослом считают,
Хвастуна считают пиром, лживость удальством считают,
В скромниках беспутный ходит, скромность хвастовством
считают —
Это светопреставленья, это тления примета!

Кто брэнчать горазд на сазе — приобрел себе почет,
А читающий прилежно — ишаком у нас слывет,
Об одном мечтает дервиш — обмануть простой народ.
Если девушки сберутся, то не водят хоровод —
Только брань у них да ссоры, и никто их не уймет.
Сам кази не служит вере — он бесправия оплот,
Он шайтану верно служит, другом черт его зовет;
Если мы все это стерпим, по заслугам ад нас ждет,
Это светопреставленья, это тления примета!

Об аллахе и пророке знать не хочет пир-мудрец,
Притеснитель взял главенство, а судьбою стал подлец,
Взятки брать они готовы, чтоб набить полней ларец,
А бедняк всегда виновен, будь ответчик, будь истец.
Вор — в чалме богатой ходит словно волк среди овец,
Всех опутал он коварством, слаб пред ним любой
храбрец,
Что найдет, все пожирает, позабыв запрет, наглец,
Что же в Судный день ответит богу истому слепец?
Это светопреставленья, это тления примета!

Что ж, Махтумкули, ты плачешь? Не излечишь свой
недуг!
Почему насильник правит, дай ответ, небесный круг!
Все изверились друг в друге, кто же недруг? Где же
друг?
Каждый ссорится с соседом, видя в нем причину мук,
Не упустит ни за что он барыша из жадных рук.
Подлость всюду одобряют, подлость выше всех заслуг.
Кровь пролить готовы люди, а молиться — недосуг,
Тигр спасается от кошки, жалкий в нем живет испуг, —
Это светопреставленья, это тления примета!

226. СВЕТОПРЕСТАВЛЕНЬЕ

Твердит мне сердце: обратись к друзьям —
Уж не пришло ли светопреставленье?
Забыт ислам. Нет веры старикам.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Мир рушится. Кругом болезни, мор.
И будет это до каких же пор?
Коль начался у наших мулл раздор,
Пришло, наверно, светопреставленье.

Расскажет муфтий байку и, как тать,
Спешит поборы с прихожан содрать.
Как правде перед ложью устоять?
Пришло, наверно, светопреставленье.

Реис-насильник, потерявший стыд,
Петлей непокорившимся грозит.

Наш бич — пороки. Вера нам — не щит.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Ишанам нынче лень творить намаз,
Они торгуют верой напоказ.
Еще такого не было у нас.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Нас суфиям, увы, не обмануть:
Корысти ради в Мекку держат путь
И так скромное едят, что просто жуть.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Там, где курбан, галдя наперебой,
Толкутся шейхи праздною толпой.
Не чтут могилы, где почил святой.
Пришло, наверно, светопреставленье.

У родовых старейшин что за нрав:
Живут, мздоимцы, честь свою поправ.
Коль захотят, неправый будет прав.
Пришло, наверно, светопреставленье.

У бая нет почтенности былой.
Работник стонет под его пятой.
Вернется ли к униженным покой?
Пришло, наверно, светопреставленье.

В огромном мире множится разврат.
Греховности в нем больше во сто крат.
Сын грабит должников — родитель рад!
Пришло, наверно, светопреставленье.

Где нынче скромных девушек найдешь?
Девичья честь не ставится ни в грош.
Раздолье для двуличных, для святош.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Тяжелые настали времена!
Людей толкает в бездну сатана.
Обманом вся земля полонена.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Платить зекят не хочет богатей.
Как много стало скаредных людей!
Мир с каждым днем жесточе и лютей:
Пришло, наверно, светопреставленье.

Эх, как бы нас не затопило зло!
Жить, всё это предвидя, тяжело.
Вином торгуют — что за ремесло?!
Пришло, наверно, светопреставленье.

Махтумкули, перед лицом всех бед
Зови к благоразумью белый свет.
Исправишь ли пороки или нет,
Когда такое светопреставленье?!

227

О братья, какие пришли времена!
Никчемные люди — в чести, знамениты...
Земля злодеяний и бедствий полна.
Во мраке лежит она, скорбью повита.

Но «Больше давай!» — повторяет мулла.
И нету неправедным судьям числа.
А если на битву страна позвала —
Нет сабли и пики в руках у джигита.

Богач-лихоимец всечасно готов
Последнее взять у сирот и у вдов.
Он проклят народом во веки веков,
И конь его бродит — понурый, несытый.

У беков других в подчинении — бек.
Поносит хорошего злой человек.
Сосед на соседа свершает набег.
«Коль ты послабей — погибай, пропади ты!»

Завалится спать на закате аскет...
«Я — свят!» — он кричит, поднимаясь в обед.

Утрачена вера, обычаев нет.
Запутались числа, обряды забыты...

Надменные баи без бога живут,
Гостей принимать почитают за труд.
Всё прахом пройдет у них — только умрут,
И будут без почестей в землю зарыты.

Посевы мираб не снабжает водой.
Дайхане копаются в глине сухой.
Повсюду — разор, запустенье, застой.
Арыки забиты, дороги разбиты.

Богач пожалеет несчастному грош.
Распушенной стала у нас молодежь.
У девушек скромности ты не найдешь.
К замужним любовники ходят открыто.

Фраги, ты свое превзошел ремесло,
Но ты не узнал, где добро и где зло.
Состарился ты, твое время прошло...
Сидишь, опершись о могильные плиты.

228. НАШЕСТВИЕ

Бежал хозяин лавки: моей торговле
Конец пришел до срока. Что делать мне?
Разбойник тешит сердце кровавой ловлей
В убежище пророка. Что делать мне?

Муж обернулся трусом, рабы — мужамн,
Лев обернулся мухой, а мухи — львами,
Темница стала домом, часы — веками...
Пред полчищами рока что делать мне?

Что делать, если сердцу любви не надо?
Сорвали кызылбаши завесу ада.
Растоптана отчизна — моя отрада,
Мой сад — пятой жестокой. Что делать мне?

Лежит на пленном слове печать запрета.
Невольничьи базары шумят с рассвета.
Где честь народа? В саван душа одета
И страждет одиноко. Что делать мне?

Погублены врагами мои дестаны;
Наставники — в темницах. Слезами пьяный,
Фраги пытается ветер: где караваны?
Один в степи широкой. . . Что делать мне?

229. ГДЕ СВЕТЛОЕ ВРЕМЯ?

Охотится небо, крепка его сеть.
Ты где, долгожданное светлое время?
Я больше не в силах разлуку терпеть.
Ты где, долгожданное светлое время?

Мне сорок исполнилось. . . Чаша полна. . .
Душа моя разувереньем больна,
Надеждой обманута. . . Плачет она:
Ты где, долгожданное светлое время?

Покоя нигде не находит народ;
Как пес, по пятам лихолетье идет —
То зубы оскалит, то руку лизнет. . .
Ты где, долгожданное светлое время?

Голодная бедность глотает огонь,
Напрасно протянута к небу ладонь,
Помчаться не может стреноженный конь,
Ты где, долгожданное светлое время?

Тщета-скопидомка в юдоли мирской
Не спит, и не ест, и теряет покой,
Пока не утонет в казне золотой.
Ты где, долгожданное светлое время?

Слова мои ложью муллы нарекли,
Лжецу в благодарность дары принесли;

Их клятвы изранили лоно земли. . .
Ты где, долгожданное светлое время?

Погрязли наставники в смертных грехах
И лгут при бессовестных учениках,
Что так повелел всемогущий аллах.
Ты где, долгожданное светлое время?

Язык твой огонь извергает, Фраги.
Различий не знай, недостойного жги,
А там — в Хиндустан отдаленный беги. . .
Ты где, долгожданное светлое время?

Кто мудр, да будет другом мудреца!
 Кто глуп, тому дружить с тупицей надо.
 Пусть равных любят пылкие сердца,
 Друг другу в жизни ставшие отрадой!

Поведать тайну ты решишь друзьям —
 Доверь ее таким, каков ты сам.
 Известно, трус не равен смельчакам,
 Его своим доверьем ты не радуи!

Как жаль, что трус в беду меня вовлек,
 Я равновесья обрести не мог. . .
 Богатый трус щедр на короткий срок,
 Быть гостем труса — горе и досада.

Бывает трус и смел. . . в своем дому,
 Там нанесет обиду хоть кому.
 Трус, что имеет толстую суму,
 Душою глух, живет как за оградой. . .

Махтумкули, пора тебе, пора
 На деле быть защитником добра.
 Знай цену слову! Слово — не игра.
 Не будут люди пустобреху рады.

231. РАЗДРОБИТ КАМНИ

Счастье — коль можешь удачу ловить на лету.
 Зубы счастливица гранит вековой раздробят!
 Счастье уйдет — искрошатся все зубы во рту:
 Даже и крошки их в день роковой раздробят.

Смерти боясь, ты по бурному морю плывешь.
Тягостным страхом себя от конца не спасешь.
Срок твой назначен. Когда до конца доживешь,
Череп твой капли воды дождевой раздробят.

Слушайся праведных, слушайся тех, кто не лжет.
Камнем подброшенным ложь на лжеца упадет.
Добрая слава тебя оградит от невзгод.
Вопли обиженных щит боевой раздробят.

Мудрое слово полезно услышать всегда.
Глупость болтлива, и с нею приходит беда.
Трусость спесива, берет на словах города.
Годы спесивца, как камнем, бедой раздробят.

Помни, Фраги, что беспутный бродяга-старик,
Долго проживший — что толку! — еще не велик.
Полную чашу ты в пальцах держать не привык, —
Пальцы твои эту чашу с резьбой раздробят...

232. НАСТАВЛЕНИЕ

Запомни, смыслу здравому послушный:
Не уходи, люби родимый край.
Пускай зовет на службу малодушный —
Позорящего дела избегай.

Служи тому, чье зримо превосходство,
Кому отцы судили благородство;
Его отребий нищенских уродство
Достойным восхваления считай.

Бесплодны пересохшие арыки.
Ничтожный сыт, и голоден великий.
Ты не гляди, что стоптаны чарыки,
Пустой насмешкой их не оскорбляй.

Хорошего не порождает злое,
И кровный конь рысистей клячи втрое;
А подлый муж... оставь его в покое
И кляче скакуна предпочитай.

Когда, судьбой на пир чужой заброшен,
За дастархан усядешься, непрошен,
В чужой тарелке не считай горошин.
Рта на чужую соль не разевай.

Садись, когда услышишь приглашенье.
Достойно принимая угощенье,
Не торопись: бесстыдно нетерпенье.
Без просьбы дел чужих не исполняй.

Ты мягок, добр и держишься учтиво,
Умеешь говорить красноречиво, —
Я — твой слуга, и слух мой терпеливо
Твоих советов ищет: наставляй!

Кто видел, чтоб и тысяча печалей,
Как дождь небесный, землю увлажняли?
Кто видел, чтоб джигиты унывали?
Свой взор мутить слезам не позволяй.

Блажен, кто братьям служит благостыней,
Кто чистой правды ищет и в пустыне.
Одежда кривды не к лицу мужчине.
И ради шутки вздора не болтай.

Взгляни на души каменные эти:
Для них печаль раскидывает сети.
Добро — не частый гость на этом свете:
Люби его и злу не уступай.

Пером сражая алчность, как стрелою,
Склони глаза над книгой золотою;
Не заключай условий с сатаною
И втуне мудрых слов не оставляй.

Ты взыскан Искандеровой удачей,
Твоя казна Каруновой богаче, —
И всё же в прах нисходит прах незрячий,
И над землей звучит вороний грай.

Мечтаешь ли о мирных куцах рая, —
Пусть мир шумит, играя и сверкая, —
Оставь его, волнение смиряя,
И вспять стопы свои не обращай.

Происхождением не гордись: в могиле
Твой предок спит, и все его забыли.
Напраслина среди живущих в силе,
Клеветнику неведом светлый рай.

Пусть лают псы на рваные одежды.
Смежатся холодеющие вежды.
На божье милосердие надежды,
Однажды поскупись, не возлагай.

Взойдя и на высокие ступени,
Не отдавай нелепых повелений,
Не отвергай благоразумных мнений
И суть свою в сравнении познай.

Приходит старость, точно призрак тощий,
Лишает мужа доблести и мощи.
Живи достойней, благостней и проще,
На ложе скуки реже почивай.

Слова правдолюбивые — нетленны.
Советам верь, но берегись измены
И, хоть не в каждом доме слышат стены,
Тайн заповедных зря не открывай.

Богатые от юных лет в почете,
Бедняк же с детства мается в заботе.
Насильник, не споткнись на повороте,
Себе под ноги камня не бросай!

По следу льва идет его наследник,
Он никогда не будет из последних.
Сын тунеядца — трус и привередник.
Среди народа сына воспитай.

Теперь пойдем и оседлаем долю,
Помчимся вдаль по жизненному полю,
Отыщем правду и добудем волю, —
Но только слов моих не забывай.

Не отвергай безумного совета,
Пускай тебе на перепутьях света
Добром послужит наставленье это.
Будь милосерд и кривду презирай.

Махтумкули, ты не нашел лекарства
От злобы мира и его коварства.
Настанет срок — сойдешь в немое царство, —
Ни дня, ни часа даром не теряй!

233. НУЖЕН

Как несчастен человек!
Гол родится — дай халат;
Подрстет — давай чурек:
Молоку уж он не рад.

Лет семи — нужда опять:
Чтобы радовалась мать,
Чтобы истину познать —
Книгу дай — исток услад.

Крепнут руки и спина,
Близко юности весна;
Будет девушка нужна —
Косы черные до пят.

Свеж и сладок юный рот,
К наслажденью он зовет.
А затем — пора забот:
Хлеба нужно для ребят.

Ум гордыней обуян,
Жаждет власти, новых стран;
Рум возьмет и Франгистан —
Мало: дай Лахор, Багдад!

А когда придет недуг —
Горы золота вокруг
Не спасут от горьких мук:
Нужен в сердце новый клад.

А как смертный час пробьет —
Всё земное отойдет:
В мире больше нет забот,
Нужен только божий взгляд!..

Ах, Фраги, чтоб путь сыскать,
Смысл глубоких дум понять,
Ум тропой добра послать —
Мудрый нужен друг иль брат!

234. НЕ ОКАЖЕТСЯ

Сгодится на худой конец килим,
Когда у нас халата не окажется.
Бедняк насытится куском сухим,
Если муки когда-то не окажется.

Надеется весною бедный люд,
Что урожай вознаградит их труд.
Беда, когда чарык твой станет худ,
А кожи на заплаты не окажется.

Из косточки урюка ни лимон,
Ни огурец не может быть возвращен.
Пастух хранить молчанье обречен,
Когда вблизи собрата не окажется.

Хоть ты беззуб, сообразишь тотчас,
Как корку съесть, которую припас.
Беда, коль у кого-нибудь из нас
И корки в день проклятый не окажется.

Фраги, враждой напрасной не грехи,
Что не окончил, завершить спеши.
Всего страшнее, если и души
В грядущий час расплаты не окажется.

235

Того плохим я назову, кто, не сдержав слепой порыв,
В горячке схватится за меч и в безрассудный гнев
впадет,
Кто, ради прихоти пустой влюбленных грубо разлучив,
Над горем потешаясь их, сам припеваючи живет.

Твой друг собирается в поход, его за стремя не держи;
Не откровенничай с врагом и с двоедушным не дружи;

В долг не проси у богача, голодным хлеба одолжи
И не советуйся с глупцом, который дела не поймет.

Поглотит нас земная твердь. Сегодня — этих,
завтра — тех.
Лежать беспечно на кошме, быть вечно праздным —
смертный грех.

Благие совершай дела — и будешь ты счастливей всех.
Беда, коль жаждущий еды голодным от тебя уйдет.

Скупой подобен мертвецу, и дом его — забытый храм.
Он печисть радует в аду, в который будет ввергнут
сам.

Я знаю пиров и святош, они для вида чтут ислам.
Дай волю — всё они пожрут, всё истребит их хищный
род.

Ты можешь стены воздвигать, но и за каменной стеной
Ты неизбежно встретишь смерть, как я в кибитке
кочевой.

Достоинно встретить последний час — последний луч
заката твой,
Как будто это не закат, а торжествующий восход.

Иной похвастаться горазд: мне всё известно, я
знаток.

А что он знает? Ничего, он скудоумен, недалек.
Чем быть святошей и ханжой, будь сердцем мягок,
не жесток.

И умиления слеза росю на глазах блеснет.

Махтумкули, правдивым будь и всё, что знаешь,
говори.

Чем в праздной лени лежать — читай и думай до зари.
Чем жить с злонравною женой — любую кару избери.
Сгорьши в геенне, коль тебе жена злодейка попадет.

236. ПОЙМЕТ ЛИ?

Утративший достоинство джигит,
Где светлый день, где мрак ночной — поймет ли?
Пролойца горький, потерявший стыд,
Где благочестье, где разбой — поймет ли?

Глупцу бессмысленно давать совет.
Разумным испытанья — не во вред.
Собаке брось что хочешь на обед —
Всё съест она, а вкус какой — поймет ли?

Пусть гром небесный грянет с высоты,
Он не пробьет природной глухоты.
Неверный может соблюдать посты,
Но смысл намаза он душой поймет ли?

Нер никогда письма не разберет,
Ослов ценить не станет коневод,
Джигит в сраженьи поведет народ.
Всю радость битвы трус дрянной поймет ли?

Махтумкули сказал всю правду вам,
Но глухи вы к правдивейшим словам.
Кто зряч, тот в жизни разберется сам.
Где медь, где серебро — слепой поймет ли?

237. ПРЕВРАТИТСЯ

Эмира нет — кочевник дикий
Себе присвоит сан владыки.
Шакал, забыв о львином рыке,
В большого зверя превратится.

Когда владыки дремлет око,
Страна изменчивостью рока
В ловушку для детей пророка,
Неся потери, превратится.

Слон, на тропе трубящий строго,
Прогонит льва в его берлогу,
Но в труса, встретив носорога,
По крайней мере превратится.

Пусть псы хозяйские зимою
Довольны рваною кошмою.
Их лакомство для льва в помой,
Что льют за двери, превратится.

Лишь обзавелся ты казною,
Стать не желавшая женою
К тебе придет порой ночью,
В твою подругу превратится.

От храбрых, побросав пожитки,
Враги бегут, как овцы прытки.
Трус в волка лишь в своей кибитке,
В себя поверя, превратится.

Махтумкули, по праву смелых
И сын в орла в своих пределах,
Нацеля когти словно стрелы,
Топорща перья, превратится.

238. ЖЕЛАННЫ

Друзья! В разгаре праздничного дня
Нам толпы шумные гостей желанны.
А братья и ближайшая родня
В дни распри и больших скорбей — желанны,

Работай честно, если совесть есть.
Щадить несчастного велит нам честь.
У песнопевца мудрых слов не счесть,
Они для тех, кто поумней, — желанны.

Хороший сын — опора в трудный час.
Подруга сердца оживляет нас.
Оружье, конь да блеск любимых глаз —
Три цели, что всего ценней, — желанны.

Мулла о рае важно речь ведет.
Что в небе есть, он скажет наперед.
Но кто там знает, что в раю нас ждет? . .
Земные блага для людей — желанны.

Кто пользы из урока не извлек,
Тот не джигит, — удел его жесток.
Он хуже пса. Кому от дури прок? . .
А псы, они хоть для псарей — желанны.

Махтумкули, доверчив с другом будь.
Ты о чужой возлюбленной забудь.
Не говори, пока не вникнешь в суть:
Советы тех, кто всех мудрей, — желанны.

239. ДА НЕ БУДЕТ!

В сердце яростной волны,
Жгучей боли — да не будет!
У джигита злой жены —
Божьей волей — да не будет!

Кто отмечен богом, тот
Без печали проживет.
Крепок дружеством народ.
Он в расколе да не будет!

Храбрый, честь свою храня,
Холит доброго коня.
Пусть змея живет два дня,
Жалить боле да не будет!

Ум хорош, когда остер.
У того, кто жаждет ссор,
У кого с друзьями спор —
Светлой доли да не будет!

Сын — сокровище отца.
Щедрость радует сердца.
У зловредного скупца
Хлеба-соли да не будет!

Кто любовью поражен —
Навсегда теряет сон.
У того, кто так влюблен,
В сердце боли да не будет!

Кто умен — поймет намек:
Всё-то делать надо в срок.
Воин, если бой жесток,
В неге, в холе да не будет!

Кто о храбрости трубит,
Тот всегда бывает бит.
С трусом истинный джигит
В ратном поле да не будет!

Тайны сердца береги!
Молчаливым будь, Фраги!
Да падут твои враги!
Им раздолья да не будет!

240. ПУСТЬ ИМЯ ЧТИТСЯ СВЯТО

Встань на рассвете, богу помолись,
И не постигнет пусть твой дом утрата,
А что задумал или сплел иблис,
Пусть сгинет, — это гибелью чревато.

Со словом мудреца сверяй свой шаг,
Вставай, пока еще на небе мрак,
Чтоб не была к тому, кто чист и благ,
Судьба на годы жизни скуповата.

Сам не хозяин ты своей судьбе.
Иссохнешь ты или падешь в борьбе,
Оставь сынов как память по себе —
Наследье это много лучше злата.

Плоха жена — и жизнь твоя пуста.
Стремление к богатству — суета.
Семья благополучна только та,
Что не деньгами, но детьми богата.

Расти, Фраги, достойных сыновей,
Они дороже сабель и коней.
Твоих детей лишь честь твоя ценней,
Век проживи, чтоб чтилось имя свято.

Гляди, как жену молодую берешь, —
 Стройна ли и вправду ли речи нежны?
 Не трусь, отправляясь в дорогу. Что — нож,
 Когда прикипели к железу ножны?

Встречаются трусы — идет похвальба,
 Но, если поет боевая труба,
 На бледных губах — только брань да божба.
 Неведомы трусу восторги войны.

О, подлое время! О, время обид!
 Воителя храброго трус не щадит;
 И выжига выше султана сидит
 На мусорной куче несметной казны.

Гроша не потерянного не ищи.
 Воспрянут мужи, чуть заблещут мечи.
 Голодным да нищим кричат богачи:
 «Вы — нелюдь, вы только для счета нужны!»

Припомнится честь — и начнется война,
 И выпьет бедняк свою чашу до дна...
 Разверзнется бездна — нема и черна,
 Заплачут влюбленные, разлучены.

Страдальца в Эдем его кровь приведет,
 А щедрого — хлеб. От себя свой народ
 Блудник распоясавшийся оттолкнет,
 Позволив «ладони коснуться спины».

Ты — бай; золотая твоя пиала
 Немолчную славу тебе принесла.
 Ты — беден: хула тебе, нищий, хула!
 При хане живешь — пропадешь без вины.

Пока вы промолвите слово «джигит»,
 Отважное сердце сто бед изъязвит.
 Разлучником-роком изрублен твой щит:
 Мы души отстаивать обречены.

Разлуки на землю с Адамом пришли.
Какие бы горести сердца ни жгли,
Да будут все помыслы Махтумкули
Красавице Истине посвящены.

242. КУРЕНЬЕ

Друзья, заклинаю — предайте проклятью куренье!
Презренное, низкое это занятие — куренье!
Зловонье змеи сообщает нам, братья, куренье!
Хоть манит к себе, как любимой объятья, — куренье!
Где в сборе — глупцы, там — готов присягать я —
куренье!

Потянешь кальян и ему подчинишься, хмелея.
Тебе не уйти из-под сладостной власти злодея.
Тебя не отпустит он, сделает жертвой своею.
Калекой безногим ты станешь, всечасно слабя.
Коварное дело — для всех без изъятья — куренье!

Сто тысяч недугов — клянусь! — притаилось
в кальяне.
Он грудь твою свяжет, ты будешь ходить как
в тумане.
Куренье, оно не дозволено вам, мусульмане!
Когда о душе вы хотите подумать заране,
Бросайте тотчас, дорожа благодатью, куренье!

Внемлите, безумцы, кому так курить полюбилось!
О чарах нечистых куренья вам мыслить случилось?
Что вас привлекает в кальяне, скажите на милость?
Не так ли и царство шайтана извечно курилось?..
Придумано черной, бесовскою ратью — куренье!

Курильщик огонь изрыгает зловещий и синий,
И кто поумней — убегает по этой причине,
Стремится избегнуть дурного примера отныне.
Где курят кальян — благочестия нет и в помине.
Источник гибели, враг благодати — куренье!

Жестокий порок, и вреднее не сыщешь порока!
Убьет старика, молодого иссушит до срока.
Слезой застилает оно покрасневшее око.
И легкие в камень тебе превращает жестоко.
Курильщика метит ужасной печатью куренье!

Не гневайте бога куреньем — привычкой постылой!
Неужто судьба вам такую погибель судила?!
К чему вам лишаться веселья, здоровья и силы,
К чему приближаться до времени к краю могилы?..
Фраги говорит: да исчезнет понятие «куренье»!

243. КУРИЛЬЩИК

Бог волю дал тебе: что хочешь делай тут,
Иди куда идешь, путем любым, курильщик;
Но помни все-таки: настанет Страшный суд,
И что ответишь ты, представ пред ним,
курильщик?

От неги сладостной твой станет ум нечист,
Ослабнет мощь твоя, и взор твой будет мглист,
В костях заляжет боль, иссохнет плоть, как
лист;
Всё это причинит тебе чилим, курильщик.

Смири постыдную, губительную страсть!
Не то твоей душе, как и деньгам, пропасть:
Ты грудь и голову огню отдашь во власть
И будешь жаждою всегда палим, курильщик!

Суров к распутникам и этот мир и тот;
Лишь чистый к истине прямым путем идет;
Насильник, лгун и вор перед судом падет,
И будешь с падшими и ты судим, курильщик!

Бог для Махтумкули — извечная краса,
Чилим же — горький дым и кейф на полчаса!..
Душа твоя — нора, и благодать — лиса,
Но из норы лису изгонит дым, курильщик!

Курильщик, знай: сам душу губишь ты;
 Жизнь пожалей свою, оставь куренье!
 Твори молитву и блюди посты;
 Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Кальян, висясь, к тебе змеей прильнет.
 Шипя от злобы, горло обовьет
 И незаметно яд в тебя вольет;
 Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Твое нутро огонь воспламенит;
 Ты, весь дрожа, тем ядом будешь сыт;
 Ты сам до мозга станешь ядовит;
 Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Уйти захочешь — вслед ползет змея,
 Шипит: «Навек я спутница твоя!»
 И ты застонешь: «Что наделал я!»
 Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

И без того у жизни краткий срок;
 Глотанье дыма — мерзость и порок;
 «Курильщик — враг мне», — говорил пророк;
 Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Наш бретен мир. Кто в силах размышлять,
 Тот с нетерпеньем рая будет ждать;
 В дыму твоя погибнет благодать;
 Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Своей бессмертной не губи души:
 Дар дьявола — восторги анаши!
 Что в день Суда ответишь ты, скажи?
 Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Ты тешишь сатану, глотая дым;
 Дух укрепи, ступай путем прямым;
 Из сердца вырви шип, сломай чилим;
 Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Ты для добра, а не для зла возрос;
Смывай свой грех потоком жарких слез:
Воды не даст курящим водонос!
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Раз, шутки ради, покурил Али,
Пошел гулять и увидел вдали
Мечеть прекрасней всех дворцов земли...
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Он подошел: вся в золоте она,
Но внутренность ее была черна,
До самых недр огнем изъязвлена...
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

И, зрелищем столь страшным поражен,
Пришел с вопросом к Мухаммеду он:
«Чудесный храм огнем испепелен!..
Жизнь пожалей свою, поставь куренье!

Яд в сердце у тебя и дым вокруг;
Такому делу только дьявол друг,
Миг радости, а дальше вечность мук!
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Ты увидел прекрасную мечеть,
То сатана тебе дал сладко млеть,
И вот — устоям суждено истлеть!
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!»

И вновь пошел Али-Шахимердан,
Обидою и гневом обуян, —
И в ужасе бежал пред ним шайтан!..
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Во зле таится он, создатель зла,
Творит обманом адские дела,
Но вспять бежит, коль слышит: «Бисмилла!»
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Фраги зовет: очисти взор и грудь;
Жизнь коротка, а дальше — вечный путь;
Так снарядиться благом не забудь!
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

245. ЛЕКАРСТВ НЕ БУДЕТ

Кто робко внемлет мне — цветет, как роза,
Но роз иных поить родник не будет.
Всех пепелит мой гнев, моя угроза,
На пепле же цвести цветник не будет.

Я — пилигрим, объятый смутой чудной;
Ищу я мудрых, день провидя Судный;
Но я зову на подвиг слишком трудный,
И обративших к небу лик не будет.

Склони свой дух пред истиной и светом,
Огонь души не дай гасить монетам;
Мы — гости здесь, и долго в мире этом
Гостить ни юный, ни старик не будет.

В невежестве не погрязай всецело;
Даря, дари рукой, открытой смело;
Обдумай, в чем твое земное дело;
Знай: духа в теле в некий миг не будет.

Гляжу вокруг, и нет отрады взору;
Мир стал ареной буйству и раздору;
Любой готов затеять брань и ссору —
Читать Коран же, книгу книг, не будет.

Я нищ и слаб; я снес к престолу бога
Молитв немало, жалоб слишком много.
Найти бы скит! Но где к нему дорога?
Да и скрывать меня тайник не будет.

Клони, Фраги, перед судьбой колени!
Когда б могли бежать мы искушений!
Ах, мне лекарств от язвы заблуждений,
Хоть боли нож мне в грудь проник, — не будет!

246. ИЗ ЛУЧШИХ ЛУЧШИЙ

Двенадцать месяцев идут чредой,
А рамазан придет — из лучших лучший.
Сирийский край был славен красотой,
И звал его народ: «Из лучших — лучший».

Дивлюсь — о боже! — чудесам твоим,
Но не постигну разумом простым,
Зачем в земле сокрыт, недостижим
Источник светлых вод — из лучших лучший?

Уместен ли зловещий крик ворон
В саду, где розой соловей пленен?
В пещерах клады стережет дракон,
Нам преграждая вход — из лучших лучший.

Когда б к творцу пробиться я сумел,
Смутится он при виде наших дел.
В одной пословице весь наш удел:
«Еж подгрызает плод из лучших лучший».

Бессилен я. Душа моя больна,
Она дотла любовью сожжена.
Издревле поговорка сложена:
«Шакал кусок сожрет из лучших лучший».

Язык змеинный, умудрясь, поймешь,
Не превращай святую правду в ложь.
Всем говори, что твой сосед хорош.
Кто не клеветает — тот из лучших лучший.

Махтумкули неправый видит суд,
Здесь кроткие ручьями слезы льют.
В неволю брата братья продают.
В изгнание уйдет из лучших лучший.

247. МОЛВА

Играют пенные потоки,
Дрожит суровый камень гор;
В тревоге путник одинокий
Спешит на брезжущий костер.

Болтун все тайны выдаст разом,
Не помнит слов ничтожный разум.
Джигит не отвечал отказом
На зов отчизны до сих пор.

Не забывай о верном друге —
И вспомнятся твои заслуги.
Гадаем, слезы льем в недуге,
Но слезы — яд, гаданья — вздор.

Рассмейся, унывать не надо,
Молва твоей печали рада,
И тайная твоя досада
Из дома выйдет на простор.

Мир обездолит алчность бая:
Порвется тетива тугая;
Под ветром башня вековая
В летучий превратится сор.

Над розой — рокот соловьиный.
Ручьи, бегущие с вершины,
Сливаются в поток единый;
А за молвой идет раздор.

Не бойтесь птиц и сейте просо.
Красавица расчешет косы,
Глядишь — на мед слетятся осы,
И зажужжит постылый хор.

Всегда Карун-скупец в кручине,
Покоя нет его гордыне.
Меджнун-Махтумкули к пустыне
Отныне обращает взор.

248. ЗАХОЧЕТСЯ

Порой такая встретится красавица,
Что ей служить, ей быть рабом захочется.
Столь милая, столь нежная, столь нравится,
Что с ней до смерти быть вдвоем захочется.

Высокая, манящая, желанная;
Лицо — луна, а губы — роза рдяная;
Слова — как перлы, как роса медвяная;
И к ней приинкнуть жадным ртом захочется.

С такую жаждешь каждый день свидания;
Касаться кос — что может быть желаннее?
Ей всё отдашь! К такой стремить мечтания
Не только ночью, но и днем захочется.

А есть красотки: волосы немытые,
На платье грязь, в дому горшки разбитые,
Родители не кормлены, забытые, —
И тут спастись в краю чужом захочется.

Коль встретишь пери с кожей белоснежную,
Она в тебе зажжет любовь безбрежную,
Сольет с твоей душою душу нежную —
И мир отдать ей целиком захочется.

Но быть должна испытана красавица:
Когда-нибудь в ней кровь и род проявятся.
Всё дашь, Фраги, той милой, что понравится,
А от дрянной — бежать бегом захочется!

249. ТОНКОГО СТАНА НЕТ

Не скажешь о ней: красавица,
Коль тонкого стана нет.
Мечтает храбрец прославиться —
Коня и аркана нет.

Стала листва белесой.
Стал соловей безголосым.
Страшней для увядшей розы
Ветра хазана нет.

В барханах пустыни черной
От ветра спасенья нет.
Покоя с водой разлученной
Утке в барханах нет.

Плохо бескрылой птице.
Влюбленным всю ночь не спится.
Конь хромой не годится
В угон за джейраном? Нет!

Мир пошатнулся. В книге
Совета страждущим нет.
В скупом, как в пустом арыке,
Спасенья жаждущим нет.

Сведет и с неверным случай.
Не верь облакам бегучим.
Тени от быстрой тучи
В песках каравану нет.

Махтумкули не ославится,
Сказав: гюлистана нет.
Ищет джигит красавицу,
Но тонкого стана нет.

250. ЖЕНИСЬ

Коль скучно быть юным и надо
Увянуть до срока — женись;
Коль в вечных заботах отрада
(Хоть мало в них прока) — женись.

Ты станешь особою властной,
Но будешь стареть ежечасно;
Чтоб юности розе прекрасной
Увянуть до срока — женись.

Хозяйство — возня и докука,
С женой и ребятами — мука;
Коль хочешь стать мулом для выюка,
Избитым жестоко, — женись.

Сейчас ты играешь на воле,
Но горькой отведаешь доли;
Коль хочешь в объятиях боли
Терзаться глубоко — женись.

Теперь ты кипишь сам собою;
Простись же с кипучей весною;
Чтоб стать изнуренным бедою,
Игрушкою рока — женись.

Туманом затянутся дали,
Что прежде манили и звали.
Чтоб этого мира печали
Изведать глубоко — женись.

Фраги! Ты успел поскитаться,
Тебе ли забот опасаться?
Коль хочешь ты повиноваться
Веленью пророка — женись!

251

Когда смельчак двух жен себе добудет,
Пойдет в семье раздор невпроворот:
У них сто тысяч требований будет,
И он судьбу, несчастный, проклянет!

Любя одну, другую он обидит;
Он, жертва склоки, жизнь возненавидит;
Народ себе потеху в нем увидит,
А он ни дум, ни чувств не соберет.

Начнется крик, как в птичнике весною;
На зрелище сбегутся все толпою:
Дерутся жены, сыплются золою,
И не всегда заткнуть им можно рот.

Тут лишь кулак поможет, а не слово.
Коль он не в силах поступить сурово,
Мужчиной мужа не сочтут такого:
Он третьей бабой станет в свой черед.

Фраги! Как в душу заглянуть чужую?
Нет хуже зла, чем брак наудалую!
Коль мужу бог жену подарит злую,
Ум у него за разум вмиг зайдет!

252. НЕ БУДЬ!

Советы я чту, как закон.
Безродному другом не будь,
И, первую встречной сражен,
Готовым к услугам не будь.

Смерть ступит на каждый порог;
К тому, кто в беде одинок,
Отзывчив будь, добр и не строг,
Жестоким к недугам не будь.

Когда, оказавшись в бою,
Трус волю теряет свою,
С друзьями смыкайся в строю,
Врагами напуган не будь.

Уйдем мы. Промчатся года.
Все равными станут тогда.
Но бойся глупцов. Никогда
Причастен, Фраги, к ним не будь.

253. НАЗИДАНИЕ

Хороших спутников ищи,
Готовясь к дальнему походу,
А скверный будет — не взыщи,
Коль втравит он тебя в невзгodu.

Наш бранный мир — обитель бед;
Мы все должны покинуть свет;
Но если гадок твой сосед —
Вдвойне беда: хоть прыгай в воду!

Дурное слово — стыд и срам;
Враждебен мир к дурным словам;
Он добрых любит, кто сердцам
Вещает радость и свободу.

Коль силы нет в руках твоих,
Как отразишь врагов лихих?
Кто в наши дни смирен и тих,
Тот незаметен будет сроду.

Фраги! Совет недорог твой
Тому, кто отроду глухой.
Позор тому, кто, став главой,
Один разврат принес народу!

254

Слушай, сердце! Наставление я дам:
Чутким будь, не замирай в объятьях сна,
Но навстречу не лети к чужим сердцам,
Простодушно доверяя всем сполна.

У красавицы лукав порою взгляд.
Знай: в шербете незаметен горький яд;
Не сболтни жене, куда ты спрятал клад.
Разболтает, раззвонит о том жена.

Взять алмаз: величиной он с ноготок,
Но дороже он, чем золота мешок;
Мудрый знает, что недолог жизни срок;
На чужбине — медный грош тебе цена.

Не зевай, чтоб не нажить себе скорбей;
Коль ты счастлив — счастье встретишь в беге
дней;

Увидав голодным труса — не жалея:
В жизни честная отвага нам нужна.

Ты к богатству не стремись, Махтумкули:
В Судный день лежать сокровищам в пыли.
Сам ты доброе от злого отдели,
Чтоб отвеялась мякина от зерна!

255. ПОЩАДИ!

Не мучай друга словом безотрадным;
Голодного с собою усади;
Будь строг и сух с завистливым и жадным;
Любовь к труду храни в своей груди.

Приветлив будь с бездомным сиротою,
Прими его, согрей, снабди едою;
Будь с грустным добр и раздели душою
Его беду, в его дела войди.

Приказ джигиту не дается дважды;
Удачлив тот, кто знает меру жажды;
Дела благие должен делать каждый:
Будь щедрым, бек, и право, шах, суди!

Нужда сама людей не убивает,
Зато она улыбку с губ стирает;
Хитрит собака с волком и играет, —
И ты с врагом хитро себя веди.

Махтумкули дан речи дар медвяной,
Ее цветы цветут благоуханно. . .
И Гёр-оглы ведь умолял Рейхана!
Просящего пощады — пощади!

256. СРАВНЕНЬЕ ПОКАЖЕТ

Ишак возомнил, что коня он крупней,
Кто — больше, кто — меньше, сравненье
покажет.

Найти не пытайтесь двух равных коней,
Который резвей — то сраженье покажет.

И знатный в младенчестве глуп, как овца,
Глупцу бесполезны слова мудреца.
О знатности не вопрошай удальца,
Каков он, его поведенье покажет.

Богатством земли не насытится взор.
Не каждый из тигров бывает матер.
А взять удальцов — ведь не все на подбор, —
С гостями тебя обхожденье покажет.

Коль счастьем одарит отважного рок,
Поддержка народа пойдет ему впрок.
Каков удалец, нам покажет клинок,
Речей остроту — словопренье покажет.

Фраги, столь горяча слеза бедняка,
Что горы сожжет, лишь коснется слегка.
Владыки народ притесняют века,
Суд божий все их преступленья покажет.

257. НАЙДИ СВОЙ ПУТЬ

Тебе лет семьдесят? В покое лук оставь:
Ты не согнешь его — нет сил и нет умения;
Из кирпича-сырца строения не ставь:
Недолго простоит подобное строенье.

В благодеяниях раскрыта глубь сердец;
Медь вместо золота всучит тебе подлец;
Для правоверного беда — ханжа и лжец:
Он за его хлеб-соль ему ж создаст мученья.

Невежду вожаком в пути не выбирай;
Аллаха позабыв, души не умерщвляй;
Глупцу заветных дум и тайн не открывай:
Пустая голова не знает размышленья.

Коль безбород старик, дружить не надо с ним:
Он, нищим притворясь, окажется скупым;
Коль кубок разума оставил бог пустым,
Ему наружные не нужны украшения.

Сперва, Махтумкули, сам отыщи свой путь;
Жизнь научась любить, о смерти не забудь;
Поменьше ешь и спи и болтуном не будь:
Что может быть вредней ненужных слов теченья?

258. ЛЕСТЬ И КЛЕВЕТА

Порою мне слова разумного жаль:
С глупцом откровенничать, право, не стоит.
Заплачешь ли кровью — иная печаль
Поистине капли кровавой не стоит.

Достоинством скромным своим дорожи,
Награды ли ждешь — не бледней, не дрожи;
От просьбы и лести язык удержи,
Слова свои делать забавой не стоит.

Тюльпаном цветешь — не гордись. Что цветок?
Повеяло холодом — он и поблек.
Столетие прожито — смерть на порог,
Метаться налево-направо не стоит.

Гляди: у тебя Сулейманов престол,
И терпят созвездия твой произвол.
С дрекольем народ возмущенный пришел, —
Гроша твой престол величавый не стоит.

Уж лучше в грязи по колено брести,
Чем с низким да подлым беседу вести.
Что уголь белить, что ворону в чести
Звать лебедью белой да павой — не стоит.

Фраги не боялся людской клеветы —
И вот она вьется и жалит в пяты.
Гадюки простой опасаясь ты?
Якшаться с молвою лукавой не стоит.

259

Почтенья от невежд не ожидай,
У грубых не заслужишь уваженья.
Коль ты умен, в беседу не вступай,
Покуда не услышишь приглашенья.

Похвалит ум лишь тот, кто сам с умом.
Не быть листве на дереве сухом.
Не станет прозорливый строить дом
Там, где его обычаи — в презренья.

Засыпанный арык не потечет.
Ничтожный что ни скажет — всё не в счет.
Пред дастарханом пес подачки ждет.
Не дашь — он всё сожрет без разрешенья.

291

В солому можно превратить зерно.
И розе стать колючей суждено.
Твои труды — впустую всё равно
Там, где никто не ценит достиженья.

Трус на привале — дерзок и силен.
Горланит на обеде пустозвон,
Оружием, хвалясь, бряцает он,
Когда врага не видно в отдаленье.

Иной джигит ослом домашним стал.
Пустой хвостун как буйный нер взыграл,
Бесстрашным львом представился шакал,
Узнав, что отменяется сраженье.

Свет Истины сияет и вдали.
Джигит с разумной речью — соль земли.
Язык твой придержи, Махтумкули,
Где твоего не спрашивают мненья.

260. ПОДАЛЬШЕ ДЕРЖИСЬ

Безумное сердце! От тех, с кем нельзя
Промолвить и слова, подальше держись.
Будь с теми, кто любит. Бери их в дружья,
От сердца пустого подальше держись.

Добра мы не ждем от трусливых сердец,
Но в деле нелегком надежен храбрец.
Все тайны твои разболтает глупец,
И ты от такого подальше держись.

В лукавом, в лжеце прямоты не найдешь,
Твое простодушье он примет за ложь,
Он в дружбе с тобой, а за пазухой нож, —
От умысла злого подальше держись.

За мудрых стань жертвою, Махтумкули,
Как лекарь, недуги души исцели.
Коль трусы собратом тебя нарекли,
От братства такого подальше держись.

Трус обещать всегда охоч:
 Ведь обещанье не тревожит;
 А позовешь — прогонит прочь!
 Он занят, болен, он не может.

Крутя усы, осклабя рот,
 За льва он грозного сойдет,
 Хвалясь, он горло надорвет.
 Как блюдо плова уничтожит.

Жуя, он рад, как пес, ворчать,
 Ослом, не к месту, глотку драть;
 Хотя рычит он льву под стать,
 Но, как лисица, падаль гложет.

Велят седлать — седлай, и в путь!
 Огнем полна у храбрых грудь!
 В суровый час отважен будь,
 Чтоб не с позором век был прожит.

Когда в сознание свет, не мрак,
 Ты будешь совестлив и благ,
 К моим заветам глух ишак,
 А человек их в сердце сложит.

Фраги! Лишь в битве, пыль клубя,
 Покажет тур-джигит себя:
 Он жизнь отдаст, друзей любя,
 И этим честь свою умножит.

Не отдавай души неверным! Кто видал
 Их благодарность, им доверясь сердцем смелым?
 Страшишь напрасных мук, беги змеиных жал;
 Кто пользу в них обрел? — реши рассудком зрелым.

Беседуй о любви, но не ищи утех:
 Душа расплатится за мимолетный грех;

Любви не знаешь ты. Узнай о ней у тех —
Рабов ее, с душой обугленной и телом!

Я проповедую — и слушать будь готов;
Слугою стану я ловцу глубоких слов;
Знай, что распутница с полсотнею грехов
Честней лжеца судьбы с его лукавым делом.

Кто выпил пиалу «пречистого вина»,
Душа в том светится, как зеркало ясна;
Мир — семиглавый змей, и власть ему дана;
Лишь в бегство кинувшись, остаться можно целым.

Не спи, Махтумкули, послушай горний зов!
Ты вволю выспишься меж прочих мертвецов.
Кто б мог отважиться из нищих и рабов
Не выполнить того, что господин велел им?

263

Не оценит вкус еды
Утерявший зубы рот;
Не минет глупец беды,
Если мудрый прочь уйдет.

Коль светильни в лампе нет,
Не извлечь из масла свет;
Испытает много бед,
Без вождя живя, народ.

Чем от подлых ждать услуг,
Лучше злой влачить недуг;
Хорошо, коль честен друг,
Не болтун и не урод.

Не изведав муки дрожь,
Счастья мига не поймешь;
Хорошо, когда хорош
В жизнь приход и в смерть уход.

Злой язык тебе же враг,
В доброй речи корень благ;

Но теряешь верный шаг,
Сорок пятый встретив год.

Знай, Фраги, что жизнь есть сон.
В существе — ничтожен он;
Но, хоть голым муж рожден,
В землю в саване сойдет!

264. ПРИДЕТ

Опередив добро и славу,
В счастливый день певец придет.
С бедой мулла придет в державу,
И вражеский боец придет.

Хвастливый трус при первой ране,
Смутясь, покинет поле брани.
Предупредив пожар желаний,
Томление сердец придет.

Отец себя увидит в сыне,
Щенок подобен будет псине...
Начнешь колодец рыть в пустыне —
И влага наконец придет.

Вдали от логова родного
Что волк? — Добыча зверолова,
Фраги! Потом родится слово,
Сперва его творец придет.

265

Ты тайны трусу не вверяй своей,
Он разнесет ее на всё селенье.
Коль вор сосед твой, прочь беги скорей,
Не то растащит всё твоё именьё.

Коль кто-то глуп, не проводи с ним дни.
Гони того, кто дураку сродни.
Но друга не обидь, не отстрани:
Лишь дружба нам дарует утешенье.

И если друг получит добрый знак
От той, в ком видит он источник благ,
Ты помоги им, чтоб иной дурак
Влюбленных не рассорил во мгновенье.

Добро творящих бог простит скорей,
Чем истово молящихся людей.
Но если лжец ты иль прелюбодей,
Тебе в огне гореть, не жди прощенья.

Махтумкули, беги от злых людей,
И, если даст аллах тебе детей,
Былую молодость на склоне дней
Они тебе вернут как обновенье.

266. НЕЛЬЗЯ

Три ствола вознеслись над крутым холмом, —
Если корни их — врозь, им срастись нельзя!
Как верблюжьи горбы цепи скал кругом, —
Их рукой приподнять, вскинуть ввысь нельзя!

Не чета шалашу минарет резной!
Если добрый рожден жить со злой женой,
Ввек ее не сживешь никакой ценой:
Ни убить, ни продать, как ни злишь, нельзя!

Если имя твое у людей в чести,
Если ты у людей смог почет найти,
А не нажил добра — сам себе не льсти:
Ни добром, ни скотом завестись нельзя.

Любит золото бай, бедный любит скот,
Бедный даже осла скакуном зовет!
В мире сытости нет: что ни дай — не в счет!
Ждать, чтоб наши мечты все сбылись, нельзя.

У зловредной жены в сердце тайна есть,
Любо ей кривду-ложь вместо правды плесть.
Бес ее подстрекнет — позабудет честь, —
Хитрость женщин постичь не трудишь: нельзя!

Я твердил ей: «Смотри, что нас в жизни ждет:
Рок настигнет — и всё: вышел твой черед!»
Пусть дурная жена холодна как лед,
Если бог так судил — разойтись нельзя!

Если трудно слепцам — ясный взор поблек,
Если тяжело хромцам — не хватает ног,
Если всем не во всем помогает бог,
Тут молить — мне, мол, дай, — зарекись, нельзя.

Всех, кому бранный мир дал взглянуть на свет,
Да хранит он от мук, да спасет от бед!
Можно всё претерпеть — и беду и вред,
Лишь без дружбы вовек обойтись нельзя.

Если речь свою зря вел Махтумкули,
Если зовы его мимо слуха шли,
Если в срок молодца с милой не свели,
Жить ему — не тужить, как ни тщись, нельзя!

267. ЛОЖНЫЙ ДРУГ

Не толкует о храбрости хан,
О гульбе и вине говорит.
Потерявший ягненка чабан
О волках и во сне говорит.

Отлученный от края отцов,
Вспоминая родительский кров,
Жалкий странник среди чуждых песков
О родимой стране говорит.

Шах болеет, не ест и не пьет:
В жилах — пламя, а руки — что лед.
Лекарь снадобье прежде дает,
А потом о мощине говорит.

Ходит-бродит по свету хромой,
Тяготится дорожной сумой,
Всё никак не вернется домой,
О лихом скакуне говорит.

Снится зависти шахский чертог —
Наяву он, как солнце, далек.
Опаленный огнем мотылек
О волшебном огне говорит.

Были смертные дни хороши.
Почивая в могильной тиши,
Плоть, оставшаяся без души,
О бессмертной весне говорит.

Ненадежных друзей не имей.
Ложный друг среди новых друзей
О случайной ошибке твоей,
О ничтожной вине говорит.

268. НЕ СРАЗУ УЗНАЕМ

Что знает о добре народ?
Не сразу добряка узнаем.
Кого всевышний изберет,
Того издалека узнаем.

Твоя краса — бесценный клад,
Весь мир ей покориться рад.
Иной, лишь сидя дома, хват,
Лишь в битве смельчака узнаем.

Взять хну — лишь цветом тешит взор,
И золото — блестящий сор.
Глядишь — все кони на подбор,
Лишь в скачке стригунка узнаем.

Сеиды и ходжи щедры,
Их подаянья как дары,
Мы по улыбкам, что добры,
Тех, чья душа мягка, узнаем.

Махтумкули, в столь светлый час
Что устыдить способно нас?
По гнутой брови, блеску глаз
Красу издалека узнаем.

269. НЕ УГАСАИ

Душевной радости не даст
Не обижавший век другого;
Едва ль на доброе горазд,
Кто никогда не делал злого.

Кого главой признал народ,
Везде удачу тот найдет;
Но власти не удержит тот,
Кто резкого боится слова.

Достойный муж от всех обид
Народ свой, пусть дурной, хранит;
Но взыщет бог с тех, кто простит
Пороки племени родного.

А коль душа в грехах тверда,
Промчатся дни, пройдут года —
И грянет горькая беда
На темя грешника слепого.

Свой не всегда спасает ум,
С другим делись плодами дум,
Не то судьбы коснется глум
Слепца, пороками больного.

В бою храни и честь и гнев;
Не даст пощады волку лев;
Кто ж друга предал, оробев,
Бог проклянет бойца такого.

Гори, Фраги, не угасай;
Будь нем иль перлы рассыпай!
И, пса в коросте, избегай
Глупца, для мудрых слов глухого!

270. СРАВНЮ

Ковыль, растущий вблизи жилья,
Я с гривой седой сравню.
Глупца среди ученых я
С скорлупкою пустой сравню.

Мир — это бездна жадных вод.
Утонешь в ней — затеряи брод.
Мирских случайностей черед
С размывчивой грядой сравню.

Когда нет брата — власти нет.
Когда нет милой — сласти нет.
Когда нет сына — счастья нет. . .
Такой удел с бедой сравню.

Жену, чей муж ей жизнь заел,
Чей муж на ней как цепь висел,
Чей муж, как змей, холоднотел, —
С загубленной звездой сравню.

Та, что к семье полна враждой, —
Соль для царапины живой.
Такую — с липкой клеветой,
С отравленной водой сравню.

Махтумкули не ведом страх,
Но он не весел на пирах.
О мир невежд! О мир нерях!
С бесхвостым псом твой строй сравню.

271. ВООБРАЗИ

Тверди: «Я, вольный, по свету скитаюсь»,
Хотя ты узник и зиндан — твой дом.
Тверди, что ты владеешь, как китаец,
Как грек, как абиссинец, ремеслом.

Голодный, не проси у ближних пищи.
Пусть мнят, что тот дворец — твоё жилище.
В пустыне иль на жалком пепелище
Вообрази, что сад шумит кругом.

Еду найдешь — к ней не бросайся жадно:
Свидетели поймут тебя превратно.
Тверди, хотя сложилась жизнь нескладно,
Что Нух тебе во всем был образцом.

Пускай никто не знает, кроме бога,
Как ты страдал, как трудной шел дорогой,
Под стать индусу, голый, босоногий...
Тверди: «Я в одеянье золотом!»

Всё мимолетно! В том не вижу горя.
Был Сулейман — его забыли вскоре.
Вообрази, что на речном просторе
Плывешь в ладье, хотя пески кругом!

Считай, что муравей — твой друг безгласный,
Что спать в норе змеиной не опасно,
Что можешь с храбрецами ежечасно
В казну Каруна превращать свой дом!

Махтумкули, воздастся за терпенье
Твоей душе, познавшей униженья.
Ее не спрятать под могильной сенью.
Ты знаешь сам: быть нелегко певцом.

272

Кто добрые дела всю жизнь творит,
Того народ венчает высшей славой.
Кто подлостью печально знаменит,
В сердцах людей жить не имеет права...

Лишь правде следуй, будешь тем велик.
Как жалок тот, кто цели не достиг!
Завистливым не будь — в какой-то миг
Поймешь, что зависть не приносит славы.

Быть постарайся с ближними в ладу.
Достойных не хули, отвергни мзду.
Чтоб не попасть в нежданную беду,
Всегда и всюду мыслить надо здраво.

Не верь порывам ложным и мечтам —
Себя ошибкой свяжешь по рукам.
Бойцу расплатой будет стыд и срам,
Коль дрогнет перед вражеской оравой.

Где надо, ярость пусть клокочет в нас!
Где смерть — пусть громко не играет саз.
Чтобы скупца увидеть без прикрас,
Явись к нему — себя покажет, право!

С толпой соперников вступая в спор,
Беду накличешь, наживешь позор.
Кто в трудном деле не был до сих пор,
Поймет однажды: это не забава.

Не жди, чтоб вор к раскаянью пришел.
Нужна вода, чтобы кипел котел.
Но тех, кто был неумолим и зол,
Сожжет возмездье огненную лавой.

Побитый стужей, не цветет мой сад.
Кто провинился, робко прячет взгляд.
Иной, глядишь, ни в чем не виноват:
Его попутал друг его лукавый.

Махтумкули, есть у тебя права,
Всё, всё скажи, пока душа жива.
Потомкам в дар оставь свои слова,
И пусть в них разум торжествует здравый!

273. ВАХ!

Рубаху клянчит нищий, срам прикрыть,
Надев, он скажет: «Вах! Халат бы новый!»
Голодный просит: «Корочкой насыть!» —
А съест и скажет: «Вах! Поесть бы плова!»

Иной терпел лишения в пути,
Но вдруг сумел оружие найти.
С молодчиком подобным не шути —
Вкусить он хочет хлеба дарового.

Но хлеба мало, он желает петь.
Жену он хочет и детей иметь.
Он власти жаждет, чтоб разбогатеть,
Стать первым хочет в городе торговом.

Он требует, чтоб жизнь ему дала
Все яства, что для хана сберегла.
Чтоб смерть его сторонкой обошла
И чтоб его законом стало слово.

Махтумкули, ты скажешь: жадность — грех.
Помимо денег, много есть утех.
Қарун когда-то был богаче всех,
Но умер он и не воскреснет снова.

274. НЕ СТОИТ

Трясется бай иной над полною мощной,
Хоть он и богачей, а бедняка не стоит.
Не жаль весь мир отдать красавице иной,
Иная ни платка, ни пояска не стоит.

Чтоб не жалеть потом, не знайся со скупым,
С ним хлебом не делись и не встречайся с ним.
Ходжа, глумящийся над батраком своим,
Не то что батрака, но ишака не стоит.

В день скачки, в день войны скакун скакать горазд,
Какой ни дашь цены — хозяин не продаст.
Иной скакун ценней любых земных богатств,
Другой своих удил и потника не стоит.

Бесценны на земле в любые времена:
Конь, что не подведет, друг, чья рука верна,
Доверчивая дочь, достойная жена.
Всё прочее гроша наверняка не стоит.

Фраги, нам сладко петь, любить и вдаль скакать,
Блаженство для иных — святой Қоран читать.
Мы смеем утверждать: «В мечети пропадать,
На это тратить жизнь, что коротка, не стоит!»

Коль в ауле милы соседи,
 Всюду радость будет с тобою;
 С юных дней в разумной беседе
 Исцеленье ищи душою.

Злой сосед — он удвоит пота,
 Упадешь — он подбавит гнета,
 Он пороков найдет без счета,
 Вскинув бич над твоей спиною.

Поглядите на самохвала!
 Грабит он, и всё ему мало!
 Вон: чалма точно дыня стала,
 И глядишь, он прослыл муллою.

А ишан! Он — «посланник бога»,
 Только лжет почему-то много;
 Видно, Страшный суд у порога,
 Если подлый стал старшиною.

Средь людей выше всех ученый,
 Коль блюдет он свои ж законы;
 И мои упреки и стоны
 Станут истиною святою!

Трус — презренен: придется туго —
 Он отца предаст от испуга;
 Только смелый — опора друга:
 В черный день он стоит скалою.

276. ЗОЛОТОМ НЕ СТАНЕТ

Возиться ни к чему с душой неблагородной:
 Не станет золотом начищенная медь;
 Вовек не справиться со склонностью природной:
 Вороне, ворону, как соловью, не петь.

Не всякий труп в степи святым казаться вправе;
Не всякий мученик «кербельским» зваться вправе;
Не все с копной волос к сеидам жаться вправе;
Не всякий — каландар, кто шкуру смог надеть.

Достигнет Истины не всяк, вопящий: «Знаю!»
Не всем дано пройти чрез мост, ведущий к раю;
Не всякий тот Джемшид, с кем чаша золотая;
Не всем с пером в чалме, как Искандер, греметь.

Коль можно в рай пройти путем Абу-Талеба,
Зачем у идолов просить, молясь им, хлеба?
Дух жаждет воспарить в лучи седьмого неба,
Но тростнику пустынь — как сахарный не зреть.

Но замолчи, Фраги: молчанье — слов дороже;
Что за нужда тебе в чужой тоске и дрожи?
Хоть ты красноречив, как многие, но всё же
Таких, как шах Аббас, нет и не будет впредь!

277

Хоть конское седло на нем,
Осел не стал конем, мы знаем.
Хоть негодяй и стал царем,
А всё ж остался негодяем.

Что зять — не сын, нас каждый раз
Жизнь убеждает в трудный час.
Обманнный мир обманет нас,
Как бы он ни был украшаем.

Что дураку твердить о том,
Что сами поняли с трудом,
Невежд не убедить ни в чем,
Мы только время потеряем.

Когда твоя настанет ночь
И сможет вряд ли кто помочь,
Пусть над тобой склонится дочь
И сын, заботою терзаем.

Фраги, повсюду странный люд:
Те пляшут, эти — слезы льют.
И хоть кругом сады цветут,
Мы не считаем землю раем.

278. СПОКОЙНЫМ БУДЬ

С неудачником дружба беду сулит.
Лучше в доме счастливца слугою будь!
Дружбой с трусом себя не позорь, джигит.
Лучше пылью в жилище героя будь!

На достойных задерживай чаще взгляд:
Чайки хилых птенцов красавцами мнят;
Проклят волк — ненавидят его волчат, —
Ты пасущейся мирно овцою будь!

Равен ты Сулейману? Склонись скорей:
Что-то хочет шепнуть тебе муравей!
Хочешь добрым прослыть? Народ обогрей,
Ветерком и журчащей водою будь!

Человека позорит к наживе страсть,
Возомнить о себе — значит низко пасть.
Дружба мудрого славу дает и власть —
Ты монетой его золотою будь.

Сколько б раз ни вздохнул ты, Махтумкули,
Ты с последним дыханьем уйдешь с земли.
Будь мужчиной, о милости не моли,
Но спокойным, готовясь к покою, будь.

279

Разве отдаст бедный за шелк штуку килима?
Тот попрочней, да и к тому ж меньше расход.
Жаден богач, сердце его ненасытимо,
Век в суете, полный забот, множит он скот.

Истинный друг в черной беде, в горе — спаситель.
Разве уснуть может богатств верный хранитель?
Рад караван встретить в пути вор и грабитель.
Нет челнока — плот рыбаку тоже оплот.

Время, что нам жить на земле, — мчится мгновенно,
Хочет старик стать молодым, будь дерзновенным.
Разве оценит должно чабан клад драгоценный,
Если его он невзначай в поле найдет?

Если змея встретит ежа, слон — носорога,
В ужас придут. В жизни таких случаев много.
Льва каракол в силах заест, встретив у лога,
Дыне конец, если в нее червь заползет.

Помощь найдешь, если бедой ты поделиться
С храбрым решил. Труса совет, помощь его —
не пригодится.
Смерть мотылек примет в огне — не удалится.
Тянет всегда к золоту ртуть, муху — на мед.

Тешащий плоть разве поймет, в чем добродетель?
Кто о семье полон забот, помнит о детях,
Рад приберечь горсть серебра, чтобы одеть их,
Алый наряд, белый наряд приобретет.

Полно, Фраги, тысячи дум голову гложут.
Мир им оставь — детям, что род твой приумножат.
Как бы скопить? Что бы купить? — Вот что тревожит
Тех, у кого в жизни иных нету забот.

280. ДВЕНАДЦАТЬ СОВЕТОВ

Горячее сердце от горя сгорит,
С народом и родиной разлучено.
Блажен, кто с бессовестным не говорит.
Не каждому добросердечье дано.

Дитяти невинного зря не брани.
Что подлый ни скажет — молчанье храни.
Слова свои, как самоцветы, грани.
Не каждое слово умно да красно.

На суфиев лучше совсем не гляди.
Куда не позвали — туда не ходи.
Беда, если сердце у мужа в груди
Недугом Каруна с ума сведено.

С голодным, как с братом родным, говори.
Что трус ни предложит тебе — не бери.
Открой, не скупясь, перед нищим лари,
А кто этот нищий — не всё ли равно!

Пускай тебя трусы обступят стеной,
Что толку? Им страшно и тени ночной.
Завистника встретишь — пройди стороной:
У зависти жало отравой полно.

Разумники — тут, а разумные — где?
Плота не води по безумной воде.
Вина и не пробуй: кто пьян — тот в беде;
И честного мужа бесчестит вино.

Друзья, закручинился Махтумкули,
И силы и деньги его утекли.
За податью пиры да судьи пришли, —
Плати не плати — пропадешь всё одно.

281. БУДЕТ ГЛУХ

Из мира сделал рок забаву и причуду,
Но мой игрушкою не делай вольный дух!
Коль сердце, сокол мой, летать захочет всюду,
Дай крылья сильные ему, дай нежный пух.

Никчемный и лентяй окажется ворчливым,
Из многих жуликов быть одному счастливым,
Быть баю болтуном, а старику хвастливым,
Но чал испорченный не в бочку, наземь — плюх!

Правителем людей достоин быть достойный;
Все девушки в парче блистают в полдень знойный;
Для нищего вдовца горбунья будет стройной,
И он любить готов калек или старух.

Рок — жерновом гремит по склонам небосвода,
И всех размелет нас, всех истребит природа;
Есть семьдесят и два различные народа;
Но лучший — свой, средь всех семидесяти двух!

Пусть я умру в пути, пусть лягу на земле я,
Пусть прах Махтумкули потопчут, не жалея!
Но тот, кто моего не встретит мавзолея,
Разочаруется — и к песням будет глух!

282. НЕ ЖДУТ

От непривыкших поощрять
Ни чести, ни наград не ждут.
Благоразумный, слов не трать,
Когда от них услад не ждут.

Кто черств — и память в том черства.
Сухим ветвям чужда листва,
Средь глупых мудрым нет родства:
Их там ни мир, ни лад не ждут.

Усердые лечит от нужды.
Цветеньем роз живут сады,
Тебя хвалы чужой орды,
Служи хоть век подряд, не ждут.

В тылу шумлив, кто в битве вял;
Милей, чем всем, ему привал;
Мечом сверкает самохвал,
Когда ничьих засад не ждут.

Трус может жить, как скот, в грязи.
Когда не видно льва вблизи,
Шакал с лисой кричат: «Грызи!» —
Того, что им повадней, ждут.

С придурковатым вздор мели.
С джигитом пыл его дели.
Строк не слагай, Махтумкули,
Когда их с мыслью задней ждут.

283. НА СЕБЯ ВЗГЛЯНИ

Коль ты умен — с учеными дружи;
Знай: лишь глупец невежде другом станет.
Коль ты влюблен — терзайся и дрожи,
Что, может быть, любимая обманет.

Лишь храброму доверься всей душой;
Ждет нападения караван ночной;
В сраженье трус позор снесет любовью,
А дома — вздор его обидой ранит.

Жалея труса, боль зажжешь в груди —
Просвета не увидишь впереди!
К богатым скрягам в гости не ходи;
Но щедр бедняк: он гостю всё достанет.

Трус, дома сидя, хвастаться пойдет,
А в трудном деле друга подведет;
Джигит в богатстве радость обретет,
Скупцу оно арканом сердце стянет.

Ты на себя, Махтумкули, взгляни,
Умножь благое, злое отгони;
Слова с делами ты соедини:
В избытке слов бесплодно слава вянет!

284. РОДИНА ЛУЧШЕ

Что шляться на торгу, ища дешевой хлам?
Мысль мудрая моя, хоть дорогая, — лучше.
Что золото швырять не глядя, как Хатам?
Жить, мысли чистые в душе питая, лучше.

Сто трусов в грозный час не стоят ни гроша;
Храбрец врагов разит, отвагою дыша;
Чем вечно лживая, трусливая душа —
Вёроотступника душа гнилая лучше.

Коль, бросив добрый путь, на скверный ты
свернешь,
Коль тайну важную от друга бережешь,

Коль честь ты позабыл и произносишь ложь —
Тебя столетняя карга слепая лучше.

Бог тело создал нам, дал жизнь ему и рост;
Кто истину презрел, затмил тот сотни звезд;
Чем плохо сделанный в ненужном месте мост —
Над адом взвитый мост к воротам рая лучше.

Коль вдумчив ты, понять мои слова сумеи:
Чем бай, презревший пост среди бездельных дней,
Чем ради лени труд забывший ротозей —
Блудница, что живет, всегда гуляя, лучше.

Махтумкули! Добро и зло видал твой взгляд.
Кто лжет — отверженец: как ни стучит у врат,
В кибитку белую его не пригласят. . .
Пусть так, но родина чужого края лучше!

285. РАСТЕТ

Алхимию познать ты смог —
И золото в полях растет.
Что в землю ни бросай — всё впрок,
Посев твой не зачах, растет. . .

В чем благо, мы пойдем потом.
Всяк сведущ в ремесле своем.
Тиран весь мир объял огнем —
И гнев в людских сердцах растет.

Найдет дорогу тот, кто смел.
Ретивый скрасит свой удел.
Сто жалоб не заменят дел —
Удача лишь в делах растет.

Блестящая щедростью своей,
Везде найдешь себе друзей.
Пускай бесчинствует злодей, —
Добро — велик аллах! — растет.

Фраги изведал жизнь вполне.
Удача воина — в коне.
Из года в год у нас в стране
Растет насилье, страх растет.

286. НУЖНА

Изворотливость мыслей — чтоб конь был сыт,
Чтоб ни в чем не знать недостатка — нужна.
Если брат твой от двух неверных сбежит,
Чтоб его огреть, рукоятка нужна.

Малодушному подвиг не по плечу.
Надо в зоркости не уступать сычу.
Грудь, способная быть преградой мечу,
Чтоб держаться в седле не шатко, нужна.

У тигрицы учись совершать прыжок.
У лисицы учись метаться вбок.
Чтоб скакун не ленился, нужен ездук;
Чтоб работало стремя, пятка нужна.

На хорошем коне ускачешь от бед,
А вернешься — отыщешь вражеский след.
Удальцу за спиной вереница лет
Только в два или три десятка нужна.

Если волки в степи напали на скот,
Трус не станет пред ним открывать ворот.
Нам в товарище нужен верный оплот,
Как при скачке с орлом перчатка нужна.

Свой клинок, как кабаньей клык, оголи,
Мстя врагам за собрата, Махтумкули!
Чтоб сменились их копыта на костыли,
В битве чести медвежья хватка нужна.

287. НАЙДЯ

Ездок, коня не загони в степи безводной и сухой.
 Но смело, всадник мой, скачи, дорогу торную найдя.
 Добро творящий избежит хуленья и молвы глухой,
 Живи с людьми и для людей, цель благотворную найдя.

Косноязычен, поглядишь, иной прославленный джигит,
 Другой искусно говорит, хотя и неказист на вид.
 А третий, от друзей отстав, в седле едва-едва сидит.
 Сам виноват он — не коня, подобье черное найдя.

Несчастен тот, кто не нашел хорошей, преданной жены.
 С ничтожной сплетницей живет, чьи речи злобны и
 темны.

Супруги эти день за днем пить горький яд обречены.
 На муки муж себя обрек, бабенку вздорную найдя.

Я сотню трусов не моргнув готов отдать за смельчака:
 Он защитит родной народ. Надежна храброго рука.
 А трусу чудятся враги и в дуновенье ветерка.
 Поскачет без оглядки он, судьбу позорную найдя.

Махтумкули простая речь ко всем сердцам дойдет
 простым.
 Верь только собственным глазам — не слухам праздным
 и пустым.
 Кто смел, приветит тот гостей, а трус не рад гостям
 своим,
 Для них не пышный дастархан, а брань зазорную найдя.

288. ВИДЕН

С какого бока ни взгляни —
 Речист лентяй, но сиднем сидень.
 Остался мудрый муж в тени,
 Глупец в цветном халате — виден.

Хранит отважный честь свою.
 Надежен в конном он строю.
 Отваги пламенной в бою
 След на его булате виден.

Лихой скакун в краю степном
Забытый ходит с табуном.
Другой под княжеским седлом —
Хоть и плохие стати — виден.

Отважен храбрый, но молчит.
Трусливый языком сучит.
Тупица об уме кричит.
Скупец в своем зекяте виден.

Не спрашивай: «Когда и где?» —
Твори добро всегда, везде.
И если рядом брат в беде,
Радеющий о брате виден.

Махтумкули, пройдут века,
Но не умрет твоя строка.
Ты будешь в юрте бедняка
И в каменной палате виден!

289. ЛУЧШЕ

Чем калекой остаться без ног, без рук,
Выдать голову пуле свинцовой —
лучше.
Чем безделье да скука в жилье разлук,
Черный труд землекопа простого —
лучше.

Строим ханскую крепость из черепов,
Глохнем от причитаний сирот и вдов.
Ты джейрана в попутчики взять готов, —
Попугай, понимающий слово, —
лучше.

Юфть простая прочней, чем цветной сафьян,
Лучше смертный, чем пери или гылман.
Старец, выдавший виды, на дело зван, —
Пригласить удальца молодого —
лучше.

Для далекой дороги — верблюд и цель,
Для сердечной улады — любовь и хмель,
Для спокойствия — лучше всего постель,
Сон под утро для сердца людского —
лучше.

Есть в кормушке солома — осел и рад.
Горы в сизом тумане зимою спят.
Лучший плов жестковат, если рот щербат, —
Но не думай, что жизнь у слепого —
лучше.

Мудрость — мудрому. Храбрым — я говорю:
Хан хивинский глотает Амударью.
Чем довольство и сытость в чужом краю,
В отчем доме похлебка пустая —
лучше.

Ваш Фраги в этом мире не ждет вестей
От трехсот и шестидесяти мужей.
Одинокому худо среди мечей,
Стае дружества многоголовой —
лучше.

290. НАДО

Чтоб храбрым слыть среди людей,
Сперва коня добыть нам надо.
Чтоб с честью принимать гостей,
Всем сердцем их любить нам надо.

Нужна нам стойкость в дни невзгод,
Конь — там, где труден переход,
А гостя множеством щедрот
На тое одарить нам надо.

От праздной откажись мечты,
В богатстве наши дни пусты,
Достойней жить без суеты,
С премудрыми дружить нам надо.

Но чтоб идти стезей Творца
Вслед за пророком до конца,
Чтоб дервишей ласкать сердца,
Достаток накопить нам надо.

Махтумкули, о, брат бродяг!
Аллах для всех — податель благ,
Кто б ни был гость — богач, бедняк,
Любого ублажить нам надо.

291. ГЛЯДИТЕ

Какого он рода, нетрудно узнать —
Встречайтесь на людях с ним снова и снова,
Дружите. Но чтобы потом не пенять,
Глядите, как держит он данное слово.

Когда собираются в дальний поход
И каждый булатную саблю берет —
Седлая коня, осмотрите хребет,
И гриву, и холку его, и подковы.

Не смотрит бедняк на чеканку гроша —
Любая чеканка ему хороша.
Чтоб знать, какова у невесты душа,
Глядите, беря из-под отчего крова.

Богатство джигита — лишь конь да камча.
За друга и жизнь он отдаст сгоряча.
Глядите: огромны котлы богача,
А многие ль гости отведали плова?

Идущий со свитой богат, как Хатам.
Просящий подачки идет по пятам.
Но оба, слепым уподобясь кротам,
Глядите: становятся смерти уловом.

Забыт и растоптан обычай отцов.
Глядите: печален удел храбрецов.
В измене и трусости лучших бойцов
Изменник и трус упрекает сурово.

А всё же трусливых преследует страх.
Глядите: сражаясь в степи и в горах,
Джигит повергает противника в прах,
А трус покидает в бою удалого.

Торговцы забыли аллаха давно.
Скупив у дайхан за бесценнок зерно,
Дождавшись, когда вздорожает оно,
Везут на продажу, мешая с половой.

Лишает шайтан воздержания нас,
Мешает творить правоверным намаз.
Глядите, открыть не желавшие глаз:
Ветвится росток его семени злого.

И весел и добр настоящий джигит,
Он в сердце открытом не копит обид.
Глядите: сосед ваш от злобы кипит.
Без распрей не может он, пустоголовый.

В пустыню злосчастные братья ушли.
С врагом породнился Махтумкули.
Ходжи и сеиды влачатся в пыли.
Глядите, как рушатся жизни основы.

292. НЕ ПРИСТАЛО

Ханского сына из пышных шатров
В хлев на обед приглашать не пристало.
В поле пастух выгоняет коров,
Войско ему снаряжать не пристало.

Мудрый совет помогает везде.
Другу достойный поможет в беде,
Что ты ответишь на Страшном суде?
Мудрых о том вопрошать не пристало.

Доблестный перед грозой не дрожит.
Станет героем не каждый джигит.
Пятится рак. Он ползет — не бежит.
Дом свой родной забывать не пристало.

Знай, благотворно познания вино —
Мертвым сулить исцеленье смешно.
Ворону жить семь столетий дано.
Времени ход нарушать не пристало.

Не побоишься тернистых дорог —
Двери отворятся в горний чертог.
Рекам, что слились в единый поток,
В мертвых песках исчезать не пристало.

Сердце Фраги, ты сегодня в огне:
Павшие в битвах привиделись мне.
Горькую тризну в печальной стране
Песней надежд оглашать не пристало.

293. ВСЁ РАВНО

Годовалому арабскому коню
Реки, степи или скалы — всё равно.
Храбрость истинных джигитов я ценю.
Им победа предстояла — всё равно.

Трусу кажется нередко на войне
Куст иль дерево джигитом на коне.
Что там? Пыль? Темнеет туча в вышине?
Трус боится поначалу — всё равно.

Для бойца, что даже выбрать меч не мог,
Для достойного, что честь сберечь не мог,
Для того, кто слушать мудрых речь не мог, —
Что зурна, что вой шакала — всё равно.

Битва соколов ворону отпугнет,
Вдаль от них она направит свой полет,
Сотня уток против сокола не в счет,
Хоть бы тысяча их стало — всё равно!

Пусть, Махтумкули, слетает песня с уст.
Песни звонче есть. Судить я не берусь.
Если слушать песнь твою не сможет трус,
Значит, в цель она попала — всё равно!

Слышать упреки трусу не стыдно,
И слов перед ним расточать не стоит.
Врагов малодушных иметь обидно:
Трусливый удара меча не стоит.

Ты, чувствуя смысл, не находишь слова?
Ты знаешь слова, а речь бестолкова?
Ты лук натянул, но прицелься снова!
Подумай: стрелять сгоряча не стоит!

Фраги, твое слово глупец осудит,
Оно лишь для мудрого — мудрым будет.
Ценнее алмаза иные люди,
Иные же — пены ручья не стоят!

295. БЛИСТАТЬ ПРИСТАЛО

Джигиту милую свою
Средь лучших выбирать пристало.
Алмазный зюльфикар в бою
Без промаха вонзать пристало.

За честь страны, за свой народ
Джигит со славою умрет.
Кто справедливости оплот,
Тем рваться в бой опять пристало.

Тем, кто затеял пышный той
И радуется друзей едой,
Чтоб славы избежать худой,
Богатством обладать пристало.

Хаджи свершил святой обряд.
Смертельно жжет разлуки яд.
Безумец жизнь отдаст за взгляд,
Влюбленным встречи ждать пристало.

Махтумкули стенать в пыли
Любви страданья обрекли.
Возлюбленной Махтумкули
Струнами кос блистать пристало.

Вырастет — праздным бездельником станет
 С детства ленивый и сонный джигит,
 Счастья к себе ни за что не приманит
 Голодом злым изнуренный джигит.

Мудрый совет не исправит дурного,
 Доброму хватит единого слова;
 И, спотыкнувшись, оступится снова
 Новых чарыков лишенный джигит.

Саблею машет иной горделиво —
 Конь так и пляшет под ним черногривый.
 Но убежит с поля битвы трусливо
 Доблестью не одаренный джигит.

Глупый болтает всё, что угодно.
 Перья вороны для стрел непригодны.
 Разве себя поведет благородно
 Ветреностью зараженный джигит?

Кровнику ты не оплачивай кровью,
 Хлеб ему дай, пусть поест на здоровье,
 Ласкою будет согрет и любовью
 Гость твой — нуждой отягченный джигит.

Вдовый горбунью прекрасной считает,
 Золото медью простушка считает,
 Ангела ведьмой ужасной считает
 По пустякам обозленный джигит.

Станет богатство змеей плотоядной,
 Кровь она будет сосать беспощадно,
 Если зекята не выплатит жадный,
 Низкой наживой прельщенный джигит.

Знайτε, Фраги только истину пишет,
 Люди дурные неправдою дышат —
 Праведных слов никогда не услышит
 Богом самим обойденный джигит.

297. НЕ СТОИТ

Тот, кто музыки сладостной сердцем не слышит,
Песни мастера, гордого славой, не стоит.
Кто уродлив, и грязен, и злобою дышит,
Тот красавиц улыбки лукавой не стоит.

Пустослов и глупец оскорбляет природу:
Сея сплетни, грязнит он прозрачную воду;
От порочного горе бывает народу,
А невежда — монетки он ржавой не стоит.

Люди есть — их зовут ко двору властелина;
Люди есть, для которых бедняк — что скотина;
Люди есть, чьим бокам не мягка и перина,
А иной и подстилки дырявой не стоит.

Труссы низки и глупы; всегдашний порыв их —
С поля боя бежать и укрыться на нивах.
О сердары мои! Сотня тысяч трусливых
Сотни храбрых в час битвы кровавой не стоит.

Твердо знает Фраги: мы из жизни блаженной
Вступим в область могилы добычею тленной;
Но безумец, чьи помыслы сходят с пеной, —
Мудрой речи, глубокой и правой, не стоит.

298. ОДНО

Облака и истоки рек
Для вершины горы — одно.
Юный, старый ли человек,
В час народной игры — одно.

И в молчании речь слышна.
Окись золоту не страшна.
Для глухого поступь слона
И полет мошки — одно.

Сыт табун на лугу своем,
Защищенный поводырем.
Добрый конь, покрыт ли тряпьем
Или носит ковры, — одно.

Избегает честный плута.
Лев не ест из лисьего рта.
Льву голодная тошнота
Или песьи пиры — одно.

Робкий стерпит бремя петли.
Трус погибнет, как ни юли.
Для спасенья Махтумкули
Слово, меч и дары — одно.

299. МЕЧОМ И СЛОВОМ

Играет горных туч гряда
С потоком, рвущимся по склонам;
Джигиту нипочем беда,
Коль он с народным связан лоном.

Я немею, коль умру;
Тускнеть придется серебру,
Но слон не равен комару,
Хоть и под общим небосклоном.

Бредут коровы вдоль лугов,
Но под водительством быков.
Породу кровных скакунов
Не скрыть изодранным попонам.

Пир от бесчестных дел бежит...
Оглодком лисьим лев не сыт...
Гласит пословица: «Стошнит,
Коль ешь куймак с рабом зловонным».

Стремленье праведного — бог;
За зло заплатит злему рок;
Фраги же скрыть изъяны смог
Мечом и словом раскаленным!

Не может счастьем похвалиться
Тот, кто безроден и гоним.
В руках работа не спорится,
Когда не ею одержим.

Сын у тебя не народится —
Твой род достойный не продлится.
Душа мечтой не озарится —
Зря пропадать трудам твоим.

Дано не всякой ловчей птице
Домой с добычей возвратиться.
Зачем на пиршествах томиться
Тем, кто угрюм и нелюдим?

Одна долина истощится —
В соседней можно поселиться.
Кто в честный спор вступить боится,
Тому родиться бы немым.

Так что ж Махтумкули не спится,
Когда есть хлеб, чтобы кормиться,
Есть сабля, чтобы защититься,
И друг, что верен и любим?

301. ДЖИГИТЫ

Сначала невежду смешит
Ему непонятное слово.
На кряже туман пролежит
До первого ветра морского.

Гляди, не покаясь умрешь,
Душа пропадет ни за грош —
Блудишь ли, хмельное ли пьешь,
Бежишь ли из края родного.

Таятся предатель и тать,
И мудрый не может молчать;
Заплачет верблюдица-мать,
Ища сосунка дорогого.

Под солнцем растопится лед.
Покою джигит не найдет,
Пока не разделит забот
С подругой своей лукобровой.

Сынам седоусый боец
Покажет почетный рубец.
Неопытный ищет храбрец
Водительства мужа прямого.

Немолчная песня обид
О чести и мести гремит;
На бой подымаясь, джигит
Не слышит стороннего зова.

Уйдешь, не оставив следа,
Джигит неразумный, когда
В свои золотые года
Ты смеха не знал молодого.

Господни гласят письмена:
Живому любовь суждена.
Глазам ослепленным — луна
Предстанет в ночи без покрова.

С вопросами юность пришла, —
А жизнь и тревожна, и зла. . .
И снова гора да скала
Седого зовут зверолова.

Ты взыскан высокой судьбой;
До гроба ты будешь собой,
Фраги, песнопевец седой,
О розе тоскующий снова!

302. ЦЕННЕЕ

Для слов разумных будь всегда открыт.
Беседа с мудрецами веселит.
Ударом ловким не хвались, джигит, —
Ведь пощадить врага подчас ценнее.

С неверным рядом избегай сидеть:
В навоз попав, зловонным будешь впредь.
Случится, что алмаз оправят в медь,
Не станет оттого алмаз ценнее.

Обидой на добро не отвечай.
Прекрасному все мысли посвящай.
Не оскорбляй людей и невзначай.
Беги от вора! . . Пес для нас ценнее.

О, если б не являлись мы на свет
Иль, появясь, узнали: смерти нет!
Презрев добро, себе наносишь вред.
Ведь в людях доброта всего ценнее.

Махтумкули! В нужде, в беде большой
Не отступай от Истины душой.
Искусством возмещаем мы покой,
Но капля счастья во сто раз ценнее!

303. ДОБРО И ЗЛО

Народу — сила, мир, беседа,
Семейных очагов тепло;
Джигиту — битва и победа,
Булат и крепкое седло.

Ложь предоставь на всё готовой
Мирской молве. Не надо слова
Ни раздраженного, ни злого:
Народ мой ненавидит зло.

Уходит жизни гость мгновенный,
Но не скудеет хмель блаженный:
Пирует жизнь. Творца вселенной
Непостижимо ремесло.

Не нам гадать о нашей доле;
Я только вскрикнул поневоле, —
Мне жаль тебя, морщины боли
Тебе врезаются в чело.

Мы сами выковали чаши
Добра и зла. В них судьбы наши.
Скажи, Фраги, какая краше,
Пока нам время не пришло!

304. С ПЕЧАЛЬЮ

Будет встречен и принят по-княжески тот
В кущах рая, как в день изначальный,
Кто, не понятый людом базарным, идет
По дорогам дервишей с печалью.

Если душу и сердце терзает недуг,
Ты найдешь от него исцеленье не вдруг.
И, бывая на людях, ты встретишься, друг,
Их веселья не слыша, с печалью.

Что у Истины мало приверженцев — ложь.
Всюды скрыты они — поищи и найдешь.
Счастье ты и надежных друзей обретешь,
Заглянув к ним под крыши с печалью.

Знал я буйного неуча и гордеца,
Знал друзей, для друзей открывавших сердца.
Птица счастья покинула дом мудреца,
Улетает всё выше с печалью.

Вот сосед и приятель. Он из году в год,
Чтоб тебе угодить, по-приятельски лжет.
Опасайся! Как сводня, тебя он сведет,
Хоть в речах он и пышен, с печалью.

Как всегда, облака будут солнце скрывать,
О дожде будет голос Ильяса звать.
Будут люди, толпою сойдясь, толковать:
«Что с Фраги? Он не дышит», — с печалью.

У многих жизнь от бедности такая,
 Что вздорный сон ее стократ ценней.
 Живут иные, черствый хлеб глотая,
 Вовек еды не видя повкусней.

Кто хочет знать — для тех найду я слово;
 Гора червонцев — вот цена иного.
 Зима, что сыплет влажный снег сурово,
 Ценней весны без листьев, без дождей.

Есть головы под шапкою простою,
 Чей светит ум и мысль летит стрелюю;
 Иные похваляются чалмою,
 Но голова — самой чалмы глупей.

Как ни тверди глупцу слова Корана,
 Как ни рисуй пророка и шайтана,
 Как ни трудись — упорно, неустанно, —
 Всё лишь скользнет по завиткам ушей.

Кто над отцом посмеет посмеяться,
 Пред богом тот не сможет оправдаться.
 Не следует за все задачи браться:
 Возможное соразмерять умей.

Иные в нищете по свету бродят,
 Иные жизнь среди забав проводят,
 Иные в детстве в лучший мир уходят,
 А те — живут, своих не стоя дней.

Махтумкули! Тебе — вносить моленья:
 Омой души разбитой прегрешенья! . .
 Ценней алмазов у иных творенья,
 Иной — еды не заслужил своей!

Не кичись, что добром и скотом богат:
 Срок не вечный им дан, — что же дремлешь ты?
 Счастлив, рад — не гордись: не навеки рад,
 Счастье — тлен и обман, — что же дремлешь ты?

Ведь доколе душа в теле пряжу вьет,
Любишь золото ты, словно муха — мед.
Мир, как горный поток, твою жизнь сметет:
Жизнь пройдет, как туман, — что же дремлешь ты?

Путь смиренья тернист — не на всякий вкус,
Одолеешь — иди, если ты не трус.
Чада, скот да жена — хуже всех обуз,
Знай: от них весь изъян, — что же дремлешь ты?

Небо сверху прижмет — будешь жить, скорбя,
А земля, как дракон, заглотит тебя.
Смертный час точит меч, всех вокруг губя, —
Глядь — и будешь заклан, — что же дремлешь ты?

Твой удел — плач и стон, о Махтумкули,
Хочешь смелым ты быть — лучше не скули.
Судный день всё равно стережет вдали, —
Сей побольше семян, — что же дремлешь ты?

307

Что толку, если сокол попадет
К тому, кто в ловчем деле смыслит мало?
Что толку, если вдруг пастух найдет
Алмаз, который пустит на кресало?

Что слово тем, кто словом не живет,
Что страсть тому, чье сердце словно лед?
Тот никогда Меджнуна не поймет,
Кого любовь к Лейли не озаряла.

Богач не ценит истинных щедрот,
Кто не устал, тот отдыха не ждет.
Простому хлебу знает цену тот,
В чьем доме часто хлеба не бывало.

Тот, кто не испытал болезней гнет,
Здоровья своего не бережет,
О счастье всякий смертный узнает,
Когда оно бесследно миновало.

Ужели, чтоб понять нам наперед,
Как каждого к себе земля влечет,
Необходимо, чтоб в водоворот
Лодчонка наша утлая попала?

Коль ног стирать не приходилось нам,
Не знаем мы цены своим коням,
Не ценит пруд с травой по берегам
Та птица, что в песках не изнывала.

Не ценит тот своей родной земли,
Кого гоненья власти обошли,
Кто не страдал от родины вдали,
Кого разлука с нею не сжигала.

Доспеху скакуна осел не рад:
Доспех наряден, но тяжеловат.
Тем доброта пристала, кто богат,
Кто беден, тем терпение пристало.

Речет Махтумкули друзьям своим:
Судьбу давайте возблагодарим
За то, что дышим, ходим, говорим,
За всё, что жизнь так щедро даровала.

308

Время такое — в тени прозябает бедняк,
Худо, когда никакого имения нет.
Слово ценой в сто туманов возьмут за медяк,
Если доверья к тебе и почтенья нет.

Дух наш как птица, ему его клетка тесна,
Слово — узор, в чьих извилах души глубина,
Ад с кипятком и огнем веселей, чем страна,
Если торгов ни в одном поселенье нет.

Отпрыски беков скотину пасти норовят.
Разве живому зменный понравится яд?
Всё превратится в Содом, все жилища сгорят,
Если разумного в крае правленья нет.

Больше тупиц, чем разумных, на свете всегда,
Ум — это радость души, тупоумье — беда.
Эти джигиты — скотов говорящих стада.
Что им втолкуешь, коль в них разуменья нет?

Худо на свете джигиту с пустым кошельком,
Слово его пониманья не встретит ни в ком.
Друг злонамеренный станет однажды врагом,
Сгинет такой — у людей сожаленья нет.

Доброй подругой не всех одаряет аллах,
Речь одинокого — вздохи, стенанья в словах.
Век проживет он, как мертвый, бесчувственный
прах,
Если с любимой душой единенья нет.

Должно довериться Истине, Махтумкули!
Встреченных трусов о помощи ты не моли.
Друг, не отринь моих слов, пребывая вдали,
Праздны слова, если к ним снисхожденья нет.

309

Кто свой дворец возводит на песке,
Тот жалким нищим от руин уходит.
Плоть растерзав и дух предав тоске,
Превратный рок, наш властелин, уходит.

О, сколько душ, изведавших печаль,
И сколько душ, которым жизни жаль,
И сколько душ, прозрачных, как хрусталь,
И помутневших от кручин, — уходит.

Один богач построил минарет,
Свалился вниз — погиб во цвете лет.
У бедняка в хозяйстве клячи нет,
На скакуне удачи сын уходит.

Бесчестие приведший на порог,
Смует по дому отравитель-рок.
Смотрите: человеку невдомек,
Что жизнь от нас как миг один уходит.

Мы покидаем торжища земли;
И хан ушел, и нищие ушли.
Не зная зависти, Махтумкули,
Шлифуя слово, как рубин, — уходит.

310

Сын Адама, непрошенный гость на земле,
Подлым роком тебе суждено унижение.
Речь твоя вдохновенная тонет во зле;
Замолчи, для чего тебе это мучение?

Здесь кочевья твои не оставят следа,
Отгорят очаги, расточатся стада. . .
Что рабыням тиранов земных до стыда,
Если суками сделало их наслаждение?

Станут нищими шахи, лекарств не найдут.
Нелюбезен изгнаннику чуждый приют.
Что за чувства покоя душе не дают,
Захлебнувшейся пламенем в ожесточении?

Дети праха земного довольны собой.
Правдолюбцы и лгущие наперебой
С гор, дивуясь, глядят на простор голубой
И теряют в безводных пустынях терпение.

Ты не знаешь, когда тебе смерть суждена —
В пору глупого бденья иль праздного сна.
По земле ты скитался во все времена
И остался в неведении и заблуждении.

«Мне бы денег мешок!» — говорит нищета.
«Мне бы — свет!» — слепота. «Мне бы в путь!» —
хромота;

Пресмыкается низость, и льстит суета:
«Самого Искандера мой шах совершеннее!»

Этот — в шапке богатой, тот — беден и гол,
Злобе — шахский венец, кривде — шахский
престол,

Ветру жгучему — степь, зною лютому — дол,
Бедняку — недоед, богачу — пресыщение.

Обвиняют, клеймят и пытаются иных;
Нищих гонят на стужу — тепло не для них;
За невестой в Гурген приезжает жених;
Умирающий молится об исцелении.

Кто-то хвалится тем, что к любимой идет;
У кого-то истерзан молчанием рот.
Ты горел на огне повседневных забот,
Ростовщицеством кончилось это горение.

Божье имя назвать невдомек одному;
У другого подруга — что месяц в дому.
А моя начинается с утра кутерьму,
И до тьмы пребывает мой дух в раздражении.

Кто-то мир называет обителью слез
И горюет, что рок его близких унес;
Чей-то лик по весне был румянее роз,
А потом проступили уродство и тление.

Кто-то прожил до старости в темном углу,
Кто-то лжет, кто-то молча потворствует злу;
Этот жив, тот уходит в загробную мглу,
Та блудница свое восхваляет падение.

Кто-то желчь ядовитую выдаст за мед;
Кто-то кривду посеет и след заметет;
Кто-то в гроб свои тайны с собою возьмет,
А мои — разболтало мое вдохновение.

Одному закатившейся младости жаль,
На другого и юность навеет печаль,
И на поясе подлого яркая шаль
Проклинает вседневно свое поношение.

Что за сны предо мной чередою прошли!
Голос твой не звучит мне из чуждой земли.
Жизнь влачит в унижении Махтумкули —
У ничтожества жалкого он в услужении.

Ты видишь помыслы мои, аллах!
 Благочестивей их и чище нет.
 Но почему едой пресыщен шах
 И ни зерна у братьи нищей нет?

Один богатство ищет круглый год,
 Другой иссох от горя и невзгод.
 Ударит молния и дом сожжет,
 У бедняка и пепелища нет!

Джигит в парчу и золото одет,
 Он щедростью своей пленил весь свет.
 Но для него же в восемьдесят лет
 Другого места, чем кладбище, нет.

Один в лохмотьях, а другой богат.
 Те платят дань, а те благодворят.
 У нищего всегда унылый взгляд:
 Приюта у него и пищи нет.

Махтумкули! За всё благодари!
 Молитву всемогущему твори!
 Судьбе послушны все — рабы, цари...
 Не скрыться им в свои жилища, нет!

Мнит скворчонок себя соловьем,
 Воробей себя соколом мнит.
 И себя в заблужденье своем
 Холм горою высокою мнит.

Данник лени и раб анаши,
 Подкупая льстецов за гроши,
 Никогда не имевший души,
 «Я с душою глубокою», — мнит.

Всем известно, что уксус не мед,
 Но за мед он себя выдает.

Садом стать, что годами цветет,
Хворостина убогая мнит.

Ничего не могу я понять:
Хилый дэвом готовится стать.
А на скачках осел обогнать
Скакуна крутобокого мнит.

Удивляйся, Махтумкули:
Этих к мудрости тропы вели,
А глупец себя солью земли,
И не будучи около, мнит.

313

Хочешь волосы красить? Грецкий орех
С маком вместе хорошим составом будет.
Если зол ты, язык введет тебя в грех
И душа твоя зеркалом ржавым будет.

Тот, кто зло почитает высшим из благ,
Тот в конце концов попадает впросак.
Будешь добрым — с тобой примирится враг,
Будешь зол — каждый шаг твой неправым
будет.

Тот, чей нрав не терпит дурного словца,
Будет веру свою хранить до конца.
Если сердце утратит веру в творца,
Почернеет и корнем корявым будет.

Сын Адама, влачащий грех пилигрим,
Молвишь доброе слово — благодарим.
Мы не ведаем правды, но делом своим
Будет в мире прославлен, кто правым будет.

Многозначна речь твоя, Махтумкули,
В ней не многие что-то постичь могли.
Столь различны люди и страны земли,
Но у многих суждение здравым будет.

Коль ты всех судишь слишком строго,
 Всем нудно от твоих бесед:
 Приятней верный пес намного,
 Чем изолгавшийся сосед.

Закон судьбы — игра, измена;
 Твое богатство — в море пена,
 И отвернется постепенно
 От разоренного весь свет.

Собака золото не ценит;
 Глупца ученье не изменит;
 Тебе беда узду наденет,
 Коль ты лентяй и дармод.

Коль молишься ты со смиреньем,
 Ответит бог благословеньем,
 Но отвернется он с презреньем,
 Коль нарушаешь ты обет.

Махтумкули глубоко слово,
 В нем смысл найдется для любого;
 Гони бесстыжего и злого,
 Нечестным в доме места нет.

Чем быть с дрянным и злобным дружным,
 Уж лучше выпить смертный яд,
 Расстаться с ним скорее нужно —
 Из сердца выветрится чад.

Ты в мир пришел не для забавы,
 Удел лжецов — дурная слава;
 Посмотришь на людские нравы —
 Они мне душу леденят.

Жизнь — ветер, мир — как ливень горный;
Свет истины ищи, покорный.
Когда народ недружен, вздорный,
Он утерчет скрытый клад.

Страшись ухабов на дороге;
Во всех делах предвидь итоги;
Тот, чьи слова умны и строги, —
Жемчужный рассыпает град.

Доверья к людям нет ленивым,
К живущим праздно, нерадивым!
А к ловким и трудолюбивым
Богатства прямо в дом летят.

Фраги! Очам яснейшим в свете
Соль — яд: померкнут очи эти.
Чем глупость брякнуть на совете,
Пристойней заголить свой зад.

316. СПЛЕТНИК

Страшней, чем Судный день, коварный твой язык,
Ужасен твой позор и жизнь презренна, сплетник.
Всех близких ты чернить без усталы привык,
Всегда с тобою ложь, измена, сплетник.

Трубя, как облака, гремя, как будто гром, —
Ледовых тронов груз, в огне горящий дом,
Коварный скорпион и грозный камнею —
Всё рухнет на тебя мгновенно, сплетник.

Заплачешь кровью ты, судьбе своей не рад,
И люди на земле тебе устроят ад
И, вытянув язык, железом заклемят —
Тебе отмстится непременно, сплетник.

Любую дружбу вмиг злословье разорвет
И тяжестью греха давить тебя начнет,

И из подземной тьмы в высокий небосвод
Твой вознесется крик смятенный, сплетник.

С позором встанешь ты пред богом в день
Суда —

Какие твой язык найдет слова тогда?
Тебе дорога в ад, твой поводырь — беда,
Душа отринет прах твой бранный, сплетник.

И колесницу ввысь, всю в пламени, помчат
В ад ангелы, а там из тела выжмут яд,
И змеи вокруг тебя совьются, зашипят —
Кровь высосут, вопьются в вены, сплетник.

Не сможешь ты спастись от адского огня,
Без скорпионов, змей не проживешь и дня.
Ты будешь там блуждать, судьбу свою кляня,
И тихо высыхать, согбенный сплетник.

И будет там тебе в темнице угол дан —
Чтоб мог ты в нем стонать, безумьем обуян...
Развратники, лжецы, курившие кальян,
С тобою будут неизменно, сплетник!

Махтумкули сказал: — Ты на себя взгляни!
В глазах народа пал, так сам себя вини.
Страшишься поганых слов, от них язык храни,
Не то и веры рухнут стены, сплетник!

317. ОЦЕНИТСЯ

Добро — для достойных. Оно
Прямыми мужами оценится.
Достоинство зрячих очей
Как должно слепцами оценится.

В одном недоверье найдет
Безумное сердце оплот.
Наш слух в этом царстве невзгод
Глухими, не нами, оценится.

Создатель того защитит,
Кто бережно тайну хранит.
Скрывающий силу магнит
Как должно купцами оценится.

Три радости в жизни земной:
Сын, женщина, конь верховой.
Верблюды, что зовут арваной,
В пути ездоками оценится.

Фраги затомила беда.
Да сгинет зима без следа!
Желанная, молви, когда
Любви моей пламя оценится?

318

Чтуший правду джигит — как хмельной, горяч,
Людям с радостью он даст и свой кусок,
Жизнью жертвуя, в бой понесется вскачь, —
Смел и доблестен он и умом высок.

У одних на плечах золотой халат,
А другой гол и наг, весь в тряпье заплат.
Человека познать трудно наугад,
Присмотреться, узнать — нужен долгий срок.

Жить с хорошей женой — молодцу почет,
Трус для доброй жены — хуже всех невзгод.
Если нищ молодец, стыд его доймет:
Нету толку в делах, хоть собьется с ног.

Дай о милой скажу я, Махтумкули,
Хоть садись да пиши — чистый лист стели!
Выбрал злую жену — тебя в ад ввели:
Жить навек без ума ты себя обрек!

Мечтает бедный о простой одежде.
 Богатому ж парчовый дай халат.
 Бедняк, ни крошки не имевший прежде,
 Нашел лепешку — пять найти бы рад!

Бывает так, что смелые джигиты
 Коней имеют, славою покрыты;
 Им бы в довольстве жить, а вот поди ты —
 Всё мало им даяний и наград.

А тот, чьему богатству нет предела,
 Чертоги и гаремы строит смело;
 Но, как бы жизнь в хоромаш ни кипела,
 Уже он этой роскоши не рад. . .

В конце концов он может стать и ханом,
 Держать соседей в страхе постоянном,
 Бить наповал врагов на поле бранном.
 Но слава добрых дел ценней стократ!

Махтумкули не ведает печали.
 Глаза его такое повидали!
 Хотя б казну Каруна растаскали,
 А жажды богачи не утолят! . .

320. НЕ ЗНАЕТ

На должность бека возведут глупца —
 О деле ничего-то он не знает.
 Сжимает горе бедняков сердца,
 Но бек про слезы и про стон не знает.

У мудрого сноровка есть своя —
 Не бьет он в грудь: «Смотрите, это я!»
 Жена глупцу — и бог, и судия.
 Он между тем про хитрость жен не знает.

Кто мудр, тот понимает всё без слов,
 Любое дело выполнить готов.

Орет глупец, завидевши врагов;
Силен ли враг иль не силен, не знает.

Всевышний, видя правду во плоти,
Определяет каждому пути.
Глупец, боясь за глупого сойти,
Как нанести врагу урон, не знает.

Махтумкули при беках не молчит!
Он скажет правду. Правда — это щит.
Презренный трус меж тем дрожмя дрожит.
Про то, что в правде — сила, он не знает,

321. НАПОМИНАЕТ

Песчаный холмик небольшой
Коня собой напоминает.
Письмен значеных смысл пустой
Байбак иной напоминает.

Всему на свете свой черед.
Определен уход, приход. . .
Бездонностью пучину вод
Сей мир большой напоминает.

Коль сына нет — богатства нет.
Безродного не любит свет.
Вдовцу о счастье прошлых лет
Лишь сон порой напоминает.

Не жди, чтоб вор или злодей
Хороших вырастил детей.
А сын у праведных людей
Талан большой напоминает.

Муж — пес блудливый. А жена
И плакать, и страдать должна.
Пусть жемчугу она равна,
Да грош простой напоминает.

Жена плохая — муж не рад.
Как клевета, как соль, как яд,
Разъест семью. Ведь сущий ад
Жизнь с той женой напоминает.

Махтумкули, не трать же слов
На беспробудных дураков.
Тот муж, который бестолков,
Осла собой напоминает.

322. ЮСУП

Кровь козленка, смотри, запятнала сорочку твою,
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский!
Ты от муки сгорал, полоненный в далеком краю, —
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в абае сирийской!

Ты рыдал безутешно, стонал в нестерпимой тоске,
Ты дрожал, видя волчьи следы на пустынном песке.
От родного Кенгана, от ласки отца вдалеке, —
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в абае сирийской!

Плоть святую твою обнажили, лежал ты, как труп:
Боль разлуки тебе прямо в сердце вонзила свой зуб;
Вечно плача, ослеп твой отец, престарелый Якуб, —
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в абае сирийской!

Но иная пора наступила, и братья твои
Пред тобою стояли, глядя на тебя в забытьи:
Страх в их души проник, точно липкое жало змеи, —
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в абае сирийской!

И ликует Фраги: не увял твой цветущий веноч,
На египетском троне сидеть повелел тебе рок,

И предатели братья, раскаявшись, пали у ног, —
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук
аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в абае сирийской!

323. ПОВЕСТЬ О ЮСУПЕ

Из древней книги «Жития пророков»
Особенно я полюбил, друзья,
Рассказ о многих бедствиях Юсупа.
Как мед устам, он сердцу мил, друзья.

Юсупово спокойствие в страданье
Для нас благой пример и назиданье.
Жил муж Якуб, как говорит преданье,
Из рода Ялавунч он был, друзья.

Шесть жен, двенадцать сыновей имел он,
Несчастье от бога претерпел он,
И выплакал глаза, пока скорбел, он;
Его создатель ослепил, друзья.

Где сын его? Нет милого сновидца!
В колодец кинут братьями, томится
Юсуп злосчастный. Бога не боится
Ни брат Шемгун, ни брат Рубыл, друзья.

Они пригнали волка и сказали:
«Юсупа звери злые растерзали».
Якуб взмолился небесам в печали,
И волк тогда заговорил, друзья.

Якуб сказал: «Подай мне весть о сыне.
Следы его три дня ищу в пустыне».
Волк, возвестив: «Юсуп твой жив и ныне!»,
Отцу надежду возвратил, друзья.

А у Юсупа вся душа изныла:
Колодец нем и тесен, как могила.

Но бог послал на землю Джебраила,
И вот что сделал Джебраил, друзья.

Юсупу длань он возложил на темя,
Трех суток плена облегчая бремя;
К ногам его, когда настало время,
Поверг одиннадцать светил, друзья.

Из Мисра в Шам той стороною глухою
Шел караван, и два раба с бадьюю
Отправились к колодцу за водою.
Юсуп легко в бадьюю вскочил, друзья.

И вышел через несколько мгновений,
Пригож, как месяц, из могильной тени.
Вознес он богу сто благодарений,
Рабов исламу приобщил, друзья.

Следите, беки, за игрою рока!
С Юсупом люди обошлись жестоко;
Он светом был родительского ока,
Купец не пощадил его, друзья.

«Я бедный раб!» — сказал Юсуп-смиреник.
Родной Кенган покинул он как пленник
И продан был за восемнадцать денег.
Купец Мелик продешевил, друзья!

Рыян стоял над Мисром и Кенганом;
Пред ним дрожал Везир, а над Рыяном
Была Зюлейха подлинным султаном.
Вот падишах раба купил, друзья.

«Хоть в рост его, — оценщики сказали, —
Червонцев бы насыпали и дали
Рубинов лучших столько же — едва ли
Купивший бы переплатил, друзья!»

На площади, у трона золотого,
Простым рабом Юсуп назвался снова;
И сам правитель как раба простого
Его Зюлейхе подарил, друзья.

Она, дрожа от яростного пыла,
Юсупа в подземелье поместила.
Там шесть рабынь к страдальцу приступило,
Но он презрел тот женский пыл, друзья.

И женщины его оклеветали:
«Он разорвал подола нам!» — сказали.
Посаженный на цепь из крепкой стали,
Юсуп в неволе долго жил, друзья.

Вот он лежит в своей темнице тесной,
А падишаху снится сон чудесный,
И как ни бился звездочет известный,
А всё же сна не объяснил, друзья.

Сон разгадал Юсуп. Он падишахом
Раскован был. Рыван с великим страхом
Пред ним себя признал ничтожным прахом
И сердце к правде устремил, друзья.

Народы Мисра славили Юсупа,
Властителем поставили Юсупа,
И братья тут поздравили Юсупа:
Он их по доброте простил, друзья.

Махтумкули поет искусство бога —
Вы эту песню не судите строго
И наслаждайтесь — мало жить иль много, —
Пока у вас хватает сил, друзья!

324. ГОЛУБЬ

Есть в преданьях мусульман
Сказ о жалости. . . Внемли:
Как-то раз читал Коран
В медресе святой Али.

Тесный круг учеников
Слушал неба сладкий зов,
И струи священных слов,
Точно мед густой, текли.

Вдруг в блаженный тот придел
Сизый голубь залетел;
Пред святым он на пол сел
И сказал: «Салам, Али!

Коль не здесь, учитель, где
Помощь я найду в беде?
Далеко в моем гнезде
Голубята есть, Али.

Богом пища им дана:
На полях и у гумна
Много доброго зерна
Светит золотом в пыли.

Всюду вольно я летал,
Детям пищу собирал,
Щедрость бога восхвалял, —
И птенцы мои росли.

Вдруг сегодня надо мной
Закружился сокол злой;
Понял я, что он с душой
Разлучит меня, Али!

Я умру — птенцы умрут,
Черви тело их пожрут!
Умоляю: дай приют
И спаси меня, Али!»

Лишь умолк он — в тот придел
Хищный сокол прилетел;
Пред святым он на пол сел
И сказал: «Салам, Али!

Я летал меж гор и скал,
Я добычи там искал;
Бог мне голубя послал,
Он сюда влетел, Али.

Жалок я! Три дня в пути
Пищи я не мог найти!
Мне добычу возврати,
Жадный голод утоли!»

Понял всё Али святой;
Взял он голубя рукой
И сказал: «Души живой
Мы предать бы не могли!

Но и сокол тоже прав:
В нем от бога хищный нрав;
Что же делать?» — и в рукав
Спрятал голубя Али.

И велит он, божий лев,
Кто, в седло Дюль-Дюля сев,
Зюльфикару вверил гнев,
Чтоб Камбара привели.

И Камбар простерся в прах:
«Что прикажешь, светлый шах?
Я — слуга в твоих делах;
Всё исполню, лишь вели!»

«Надо мне, чтоб ты помог
Сделать то, что хочет рок.
Принеси мне мой клинок!» —
Повелел ему Али.

Сокол взвился пред святым:
«Что ты делать будешь с ним?
Дай мне голубя живым,
А кинжалом не коли!»

«Нет, мой сокол! Раб добра,
Я со своего бедра
Срежу мясо: сталь остра;
На — и голод утоли!»

И кинжал он обнажил,
Быстро к телу приложил;
Сокол в когти нож схватил
И сказал: «Не режь, Али!

Милость божия с тобой;
Плоть твоя — нам дар святой!
Кравчий ты воды живой;
Друга мы в тебе нашли!

Мы не птицы — он и я;
Знай: владыка бытия
Нас послал в твой края
Испытать тебя, Али!»

Сокол с голубем взвились,
Из мечети унеслись.
И, летя всё выше ввысь,
Скрылись в голубой дали!..

Мой дестан — окончен он!
Светлым садом будь закон!
И пред вами в прах склонен
Божий раб, Махтумкули!

ПРИМЕЧАНИЯ

Автографы Махтумкули, как и других представителей туркменской классической литературы, до нас не дошли. Многие его рукописи еще при жизни поэта попали в руки иноземных захватчиков и были уничтожены. Знаток и любитель восточной литературы И. Беляев в 1904 г. в своей статье «Интересная рукопись», напечатанной в газете «Туркестанские ведомости» (Ташкент, 1904, № 73), сообщал, что «в Закаспийской области, недалеко от местности Кара-Кала, среди туркмен сохраняется большой рукописный том известного туркменского поэта XVIII столетия Махтумкули, написанный рукою самого поэта... По рассказам туркмен, этот автограф ежегодно во время съезда народных судей привозится для списывания в город Асхабад». Здесь же он призывал «местных любителей восточной литературы и истории обратить внимание на означенную рукопись». Однако, к сожалению, она до сих пор нигде не обнаружена.

Произведения Махтумкули дошли до нас в многочисленных списках, переписанные в разные годы. Кроме того, они были записаны из уст певцов, бахши, сказителей. В результате последовательных поисков к настоящему времени собрано около семисот стихотворений поэта. Все они хранятся в рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР. В процессе дальнейших поисков не исключена возможность и новых находок.

Изучение литературного наследия поэта началось еще в первой половине XIX в., когда туркменская поэзия стала привлекать внимание европейских ориенталистов. Польский литератор и ученый, состоявший на русской службе, А. Ходзько-Борейко опубликовал в Лондоне на английском языке в 1842 г. краткую биографическую справку о Махтумкули и три его стихотворения. Во втором томе трехтомной «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина (1863 г.) опубликовано одно стихотворение. В 1879 г. венгерский востоковед профессор Будапештского университета А. Вамбери напечатал 31 стихотворение и 9 отрывков из рукописного списка на туркменском языке в арабской графике с немецкими переводами под заголовком «Язык туркмен и диван Махтумкули». На основе собранных материалов он написал книгу «Путешествие по Средней Азии», которая была опубликована в 1865 г. в Санкт-Петербурге и содержала обширные сведения о жизни туркмен вообще и о биографии Махтумкули в частности. Принятые ныне даты жизни поэта основаны отчасти на материалах, собранных Вамбери во время путешествия. Публикация

Вамбери, хотя и несовершенная, способствовала еще более широкому ознакомлению читателей ряда европейских и ближневосточных народов с образцами туркменской литературы и в некоторой степени с экономической и культурной жизнью туркмен. Но здесь надо отметить, что Вамбери придал основоположнику туркменской классической литературы Махтумкули несвойственные ему черты суфия — проповедника исламского мистицизма.

В 1872 г. в «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества» впервые появился русский перевод двух стихотворений Махтумкули, осуществленный Ф. А. Бакулиным, чиновником Кавказского наместничества, побывавшим на Гургене, с сопроводительной статьей «Песни у туркмен и поэт их Махтумкули». Этот подстрочный перевод был первой попыткой передачи текста Махтумкули на русский язык. Местами он грешит неточностями и ошибками в трактовке отдельных понятий и образных выражений оригинала. Тем не менее можно говорить о немаловажной заслуге Бакулина в первом ознакомлении русского читателя с творчеством классика туркменской литературы. В 1907 г. востоковед Н. А. Остроумов издал ряд стихотворений Махтумкули на туркменском языке с применением арабской графики в «Туркестанской туземной газете» (Ташкент), а затем в 1911 г. выпустил отдельное издание под заглавием «Махтумкули. Распространенное среди туркмен Закаспийской области мистическое стихотворение, составленное суфием Махтумкули, Кара-Калинским туркменом, из рода гоклен, умершим во второй половине XVIII века нашего летосчисления». Академик А. Н. Самойлович, очень много сделавший для сбора и изучения литературного наследия народов Средней Азии, на основе материалов, собранных, главным образом, в поездках по Туркмении в 1902, 1906, 1907 и 1908 гг., составил и опубликовал в 1908—1909 и 1914 гг. «Указатель к песням Махтумкули» и «Дополнения к указателю», включающие 197 лирических произведений Махтумкули в арабской графике. В 1910 и 1911 гг. были опубликованы произведения Махтумкули в Бухаре и Ташкенте, в 1912 г. — в Астрахани. В 1914 г. в Бухаре вышло последнее дореволюционное издание произведений поэта.

Дореволюционные публикации произведений Махтумкули осуществлялись в основном по личной инициативе отдельных ориенталистов-путешественников, а также любителей литературного наследия. Хотя ряд изданий осуществлялся с коммерческой целью, они тем не менее сыграли немалую роль в популяризации произведений Махтумкули среди широких масс туркмен, живущих на территории нынешнего Туркменистана и в сопредельных странах, а также среди других народов. К этим изданиям следует отнести и первое комментированное издание Махтумкули, вышедшее в 1921 г. в Стамбуле («Диван Махтумкули»).

Систематическое собирание, изучение и публикация произведений Махтумкули в нашей стране начались в 1920-е годы. За это время в различных районах республики и за ее пределами найдено большое количество рукописей, историко-литературных и фольклорных материалов, проливающих свет на творческий путь поэта-мыслителя, его современников и последователей. Эти поэтические памятники послужили советским историкам и филологам источниками для всестороннего анализа и научной публикации творческого наследия Махтумкули, равно как и других материалов духовной культуры туркменского народа.

В 1926 г. в Полторацке (Ашхабаде) была подготовлена к печати писателем Берды Кербабаевым книга «Махтумкули. Стихи», включившая в себя большинство известных к тому времени стихотворений, систематизированных по принципу тематических групп. Издание это, хотя и не лишенное некоторых недостатков (так, например, ряд произведений других поэтов-классиков туркменской литературы приписан Махтумкули), сыграло большую роль в распространении произведений Махтумкули среди туркменских читателей, а также соседних братских народов.

Начиная с 1940 г. сборники стихотворений Махтумкули (не считая фрагментов стихов, помещенных в различных сборниках, антологиях, журналах, альманахах, хрестоматиях) отдельными книгами неоднократно издавались на туркменском и русском языках в Москве, Ленинграде и Ашхабаде, с предисловиями и комментариями.¹

Произведения Махтумкули были опубликованы и на ряде других языков народов страны. С 1960-х годов образцы туркменской классической литературы начали издаваться в Иране.

Уже изданы и распространены среди широкого круга читателей шедевры туркменского фольклора, произведения классиков туркменской литературы — Апдалиба, Шабенде, Молланепеса, Кемине, Зелли, Мискинклыча и др. Особое место среди этих изданий принадлежит произведениям Махтумкули, которые за короткий период изданы несколько раз. В написании предисловий и подготовке комментариев к сборникам использованы статьи и примечания из книг, изданных в Советском Союзе. Эти издания играли немаловажную роль в распространении произведений Махтумкули и других представителей туркменской литературы досоветского периода и среди тюркоязычных народов Ближнего и Среднего Востока.

Кроме того, произведения Махтумкули отдельными книгами были изданы на монгольском, вьетнамском, польском, французском и других языках.

Предлагаемое издание ставит своей целью дать по возможности полное представление о лучших образцах творчества Махтумкули в разных поэтических жанрах и формах. В него включены переводы поэтов-переводчиков А. Тарковского, Г. Шенгели, М. Тарловского, Ю. Гордненко, Т. Спеддиаровой, Т. Стрешневой, Н. Лебедева, Ю. Нейман, А. Старостина, А. Кронгауза, Ю. Валича, Н. Гребнева, А. Ревича, В. Ганиева, Д. Голубкова, С. Иванова, Л. Пеньковского.

Переводы заново отредактированы, многие произведения печатаются в новых переводах (в содержании звездочкой отмечены стихотворения, печатающиеся впервые в русском переводе, а также переведенные заново для данного издания).²

Поэзия Махтумкули по характеру и тематике очень обширна и многообразна. В нашем издании предпринята еще одна попытка

¹ Махтумкули Фраги, Избранные стихи, М., 1945; Махтумкули (Фраги), Избранные стихи, 1948; Махтумкули, Стихотворения, 1949; Махтумкули, Избранное, М., 1960; Махтумкули, Избранное, Ашхабад, 1960; Махтумкули, Избранное, Ашхабад, 1974; Махтумкули, Избранное, Ашхабад, 1979.

² О переводах произведений Махтумкули на русский язык см.: С. Иванов, Об ответственности переводчика. — «Звезда Востока», 1972, № 6.

композиционного расположения материала в соответствии с идейно-тематическим содержанием произведений. В первой части книги помещены стихотворения, имеющие биографический характер; раздумья поэта о своей поэтической миссии; о Родине и ее судьбе; любовная лирика; стихи о природе. Во второй части — философские размышления о мире, человеке и человечестве; оценка современного поэту общества; стихи на темы морали, о людских качествах, нравучения и житейская мудрость; поэтическое переложение мифологических сюжетов. В качестве своеобразного авторского предисловия этим разделам предпосланы два программных стихотворения поэта — «Несокрушимое» и «Будущее Туркмении». Это деление, как и в других аналогичных изданиях, достаточно условно, так как диван Махтумкули неизвестен, произведения, за редким исключением, не поддаются датировке, а жанровые и формальные особенности их выражены не так резко, как обычно у поэтов Востока, тем более они сглажены в русском переводе. В то же время характер и тематика многих стихотворений так многообразны, что свести их к одной какой-либо теме или образу не всегда возможно. До сих пор во многом спорной остается и атрибуция его произведений.

Своеобразным ориентиром в основной теме произведения является его заглавие. Махтумкули, как и большинство поэтов Востока, не озаглавливал своих произведений. В традиции русских переводчиков они, как правило, озаглавлены, однако подчас весьма произвольно. Иногда заглавия разных переводов одного стихотворения не имеют ничего общего между собой. В нашем издании в заглавие выносятся редиф или слова, выражающие основную мысль стихотворения и заключенные в последней строфе. Если же эта основная мысль выражена в первой строке, она не выносятся в заглавие во избежание излишних повторов.

Биография поэта и анализ его творчества даны во вступительной статье. Книга снабжена примечаниями к отдельным произведениям и Словарем, в котором поясняются имена, географические названия и понятия, относящиеся к культуре, быту и мифологии народов Востока, а также специфические термины и слова, употребленные без перевода (значения географических названий поясняются применительно к эпохе творчества Махтумкули).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. *Мы крепость возвели свою.* Имеется в виду объединение разрозненных туркменских племен, которые, по убеждению Махтумкули, станут неприступными для врагов, если объединятся (см. об этом вступ. статью, с. 29).

I

5. Произведение создано в соавторстве с отцом поэта — Довлетмамедом Азади (см. о нем вступ. статью, с. 10). Темой

послужило участие Махтумкули в посольстве туркмен к афганскому правителю А х м е д - ш а х у Д у р р а н и за помощью в борьбе против завоевателей.

7—11. У Махтумкули было два сына, Сары и Ибрагим, оба умерли в раннем возрасте (см. вступ. статью, с. 18).

15. Во время очередного нашествия кызылбашей погибли рукописи поэта, брошенные в бурную реку; среди них, по предположениям, была «Хамса» («Пятерица»), подобная аналогичным произведениям великих поэтов Востока — Низами, Навои и др., создававшаяся в течение пяти лет.

16—17. Отец поэта, Д о в л е т м а м е д А з а д и (см. о нем вступ. статью, с. 10), согласно мусульманскому летосчислению (муче), умер 22 марта 1760 г.

18. Стихотворение обращено к сестре поэта.

19—21. Менгли — см. примеч. 133—146.

22. Годы пророка — возраст М у х а м м е д а, т. е. шестьдесят два года.

23, 25—31. А б д у л л а и М а м е д с а н а — братья Махтумкули, по преданию, погибли в бою с иноземными захватчиками.

36. Из ста тысяч званых богом и т. д. Согласно мусульманским преданиям, на свете существует более ста тысяч пророков, помазанных божьих, из которых семьсот считаются особо отмеченными богом, триста десять — еще более близкими к нему, а самый главный из них — пророк М у х а м м е д, которому ниспослан К о р а н.

37. Вторая строка последней строфы в оригинале утрачена.

40. Стихотворение представляет собой традиционную форму восточной поэзии: айтыс (диалог), соревнование двух авторов — Махтумкули и Дурды-шахира.

46. Огневой саламандре подобный бедняк. По восточным поверьям, саламандра (семендер), охваченная любовью, сгорает в огне, но снова возрождается из пепла.

58. И семьдесят два языка разнородных. По древним представлениям туркмен, народы мира говорят на семидесяти двух языках.

59. Стихотворение, по-видимому, вдохновлено несчастной любовью Махтумкули к Менгли (см. вступ. статью, с. 16—17 и примеч. 133—146).

80. В стихотворении отразились мечты Махтумкули об объединении туркменских племен в борьбе с завоевателями (см. вступ. статью, с. 29).

83. Обращено к Мухаммед-Хасану, главе племени Каджар, который утвердился ханом в Астрабаде и Мазандеране после смерти Надир-шаха (1747).

86. Речь идет о гибели соотечественника Махтумкули, доблестного военачальника туркмен. *Сеид, Тархан* — имена сородичей Махтумкули.

94. *Прозябает в небреженье ваш язык арабский.* Традиционная туркменская поэзия усвоила от арабов и широко использовала их язык, графическую основу письменности и систему стихосложения.

95. *Седьмые небеса.* По представлениям Древнего Востока, Земля делилась на семь поясов, окруженных семью небесными сферами, а человеческий род — на семь рас.

97. *Один недочет, но двенадцать достоинств у пери.* Согласно традиционной эстетике, внешность красавицы должна сочетать двенадцать признаков: три толстых — косы, запястья, голени; три тонких — шея, талия, пальцы; три белых — лоб, подбородок, грудь; три черных — глаза, брови, волосы. При этом неизбежен и один какой-либо недостаток, по пословице: «Нет красавицы без единого недостатка».

98. По преданию, стихотворение обращено к Язкули-пиру, духовному лицу, известному своей ученостью. В поисках мудрого учителя (мовлана) Махтумкули обратился к нему, но был отвергнут. Перед отъездом поэт сочинил это стихотворение и оставил его пиру, который, прочитав его, сказал: «Оказывается, на нашу голову села птица счастья, но жаль — не зная этого, мы упустили ее». *Сорок пар, в огне любви.* В фольклоре и литературе Древнего Востока насчитывалось сорок пар страдающих возлюбленных, из них семь особо отличенных: Зохре и Тахир, Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, Варка и Гюльша, Вамык и Узра, Азры и Камбар, Юсуп и Зюлейха — герои одноименных дестанов.

110. Стихотворение, по-видимому, относится ко времени путешествия поэта по Закавказью.

125. Две последние строки первой строфы отсутствуют в оригинале.

129. *Дней жизни немного. Всего только пять.* В восточной поэзии так обозначалось понятие о кратковременности земного бытия.

130. *Пусть на устах твоих платок.* По обычаю, девушка-туркменка, достигшая совершеннолетия, выходя на улицу, должна была опустить лицо и закрыть платком его нижнюю часть в знак скромности и уважения к старшим.

133—146. *Менгли* — имя возлюбленной Махтумкули (см. о ней вступ. статью, с. 16). 6. *Всех в Иран увела разлука* — см. вступ. статью, с. 20. 9. *Мусульманин, пьющий вино* и т. д. Коран запрещает мусульманам пить вино.

151. Существует предание, что это последнее произведение Махтумкули, сочиненное им на смертном одре при взгляде на родные горы Сонги-Даг.

II

163. По преданию, поводом для сочинения этого стихотворения послужил действительный случай: Махтумкули изготовил серебряные украшения по заказу одной молодой женщины, предложившей ему в уплату за это вступить в любовную связь, от которой поэт с негодованием отказался.

174. *Мир пятидневный* — см. примеч. 129.

193. *Что белую змеей и черной Трон Сулеймана обвила.* Согласно легенде, охотник в горной долине увидел двух дерущихся змей и ранил одну из них. Змеи обратились с жалобой к Сулейману, повелителю животных, он собрал всех змей и отпустил на волю, за исключением этих двух, которых в наказание оставил у своего трона.

210. *Семь поясов Земли* — см. примеч. 95.

217. *Седьмой... небосклон* — см. примеч. 95. *Семь ящериц* — семь поясов Земли (см. примеч. 95).

263. *Пусть одетым в гроб сойдет!* По мусульманским поверьям, праведные люди покоятся в могиле в саване, а нечистых могила выбрасывает наружу обнаженными.

276. *Не всякий труп в степи святым казаться вправе.* Могила, находящаяся в пустыне, далеко за пределами кладбища, считается святой, если в ней похоронен человек, погибший за веру или совершивший подвиг во имя правого дела. *Седьмое небо* — см. примеч. 95.

278. *Что-то хочет шепнуть тебе муравей!* По преданию, Сулейман, понимавший язык животных, однажды был побежден в споре муравьем.

281. *Есть семьдесят и два различные народа.* См. примеч. 58.

СЛОВАРЬ

- Аба* — отец, дед, предок.
- Аба, абая* — плащ из грубой шерстяной ткани, национальная одежда арабов.
- Аббас I Великий* — шах Ирана (1587—1629) из династии Сефевидов; в фольклоре народов Востока иногда идеализированно изображался как мудрый, справедливый правитель, наделенный даром красноречия, чуждый религиозного фанатизма.
- Абдал* — скиталец, нищий.
- Аби-Кевсер* — название легендарного райского источника, наполненного жемчугом и чудесной водой слаще меда, ароматней мускуса и белее молока; раздает эту воду всем попавшим в рай Али-Шахимердан.
- Абу-Бекр* — первый мусульманский халиф (632—634), тесть и преемник пророка Мухаммеда.
- Абу-Талеп* — согласно мусульманским преданиям, дядя пророка Мухаммеда, был идолопоклонником.
- Адам* — по библейским и мусульманским преданиям, первый человек на земле, прародитель человечества.
- Аден* — древний город и порт в Аравии, назывался «земным раем» из-за своей красоты.
- Адыл-шах* — букв.: справедливый царь; персонаж дестанов «Гюль и Бюльбюль» Шабенде и «Зохране и Тахир» Молланепеса, классиков туркменской литературы; общий эпитет идеального правителя.
- Азади Довлетмамед* (ок. 1700 — 22 марта 1760) — отец Махтумкули, туркменский поэт и ученый, зачинатель туркменской классической литературы, автор лирических стихотворений, дидактической поэмы «Бехиштнаме» («Книга о рае») и большого трактата в стихах «Вагзы-Азад» («Свободное увещание»).
- Azasel* — в мусульманской мифологии, одно из имен дьявола.
- Азан* — возвешение о времени очередного намаза и призыв людей на молитву; обряд, исполняемый при рождении ребенка.
- Азраил* — ангел смерти.
- Али* (Али-Шахимердан) — двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, один из его преемников, четвертый мусульманский халиф (656—661); в фольклоре и литературе часто выступает в образе храброго, всемогущего полководца, покровителя неиму-

щих, отсюда эпитет «Шахимердан» — «Царь мужей», «Царь от-важных».

Алили — название одного из туркменских племен.

Алиф (алеф) — первая буква арабского алфавита, изображается в виде прямой вертикальной черты, имеет цифровое значение 1; обозначает хорошее настроение, высоту духа; в поэзии — символ стройности стана, иногда — одиночества.

Амбра — ароматическое вещество, популярное на Востоке.

Аму, Амударья — река в Средней Азии; в поэзии традиционно употреблялись также названия Джейхун, Лебаб и Бахры-Умман.

Анаш — индийская конопля, гашиш; наркотик, употребляемый для курения.

Анка — арабское название сказочной царицы птиц Симурга, обитающей на горе Каф; в фольклоре и литературе — символ недостижимого, а также образ всемогущего спасителя, доводящего страдальца до цели.

Арафат — священная горная цепь близ Мекки, где, по преданию, на пророка Мухаммеда сошла благодать во время молитвы. По обычаю, у подножья этой горы паломники завершали свой хадж.

Арван — верблюд чистой породы.

Аргамак — порода отборных верховых лошадей.

Аркин — веревка.

Аркач — название местности в северном предгорье Копетдага.

Аруз — система стихосложения, основанная на чередовании кратких и долгих слогов; возникла первоначально в поэзии на арабском языке и получила распространение в странах мусульманского Востока.

Ариш — букв.: небо; по представлениям мусульман, земля окружена семью небесными сферами, в каждой из них находится одна из семи планет, за пределами этих небес имеются еще две сферы: курси — обиталище пророков и арш, где находится престол аллаха.

Арык — мелкий оросительный канал с проточной водой между посевами.

Астрабад — древний город и провинция в Иране; в этой местности издавна живут туркмены.

Атрек — 1) река, протекающая по юго-западной территории Туркменистана и современного северного Ирана, впадает в Каспийское море; 2) название местности, прилегающей к этой реке.

Ахал (Ахал-Теке) — 1) оазис, расположенный у подножья гор Копетдага, населенный преимущественно текинцами (теке); 2) название крепости в Геок-Тепинском районе Туркменистана.

Ахмед, Ахмеди-Мухтар, Ахмед Великий — одно из имен пророка Мухаммеда.

Ахмед-шах Дуррани, ходжа Ахмед (ок. 1721—1773) — афганский государственный деятель и полководец, основатель независимого афганского государства; туркмены рассчитывали на союз с ним в борьбе против завоевателей.

Баба-Омар — букв.: Старец Омар; 1) имя легендарного мудрого и просвещенного деятеля; 2) арабский халиф, почитаемый мусульманами-суннитами как один из четырех праведных халифов; мусульмане-шииты считали его узурпатором; во время его владычества был захвачен арабами Иран.

Багдад — город на реке Тигр, в древности — резиденция халифов.

- Бадахшан* — местность, расположенная на территории советской и афганской частей Памирских гор. В средние века Бадахшан славился драгоценными камнями — прекрасными рубинами.
- Бай* — богач.
- Балкан* (Балхан) — горная цепь в западном Туркменистане, разделяется на Малый Балкан и Большой Балкан.
- Балх* — город в Афганистане, в средние века один из культурных центров древней Бактрии, славился драгоценными камнями — рубинами удивительной красоты.
- Бальсора, Басра* — древний город в Месопотамии.
- Бархан* — песчаный холм.
- Баязид* из Бистана (ум. 874) — один из наиболее известных суфиев, признан мусульманским святым.
- Бек* — представитель родоплеменной знати, феодал; титул наместника небольшого племени или правителя области; употребляется и с именем незнатных людей для выражения особого уважения.
- Бехауддин* Накшбенди (Накшбанд, 1318—1389) — глава ордена мусульманских дервишей, жил в Бухаре, почитается как святой. В ордене Накшбенди, к которому принадлежал и Махтумкули, высоко ценилась активная трудовая деятельность.
- Бехри-баз* — морской сокол, буревестник.
- Би* (бий) — вторая буква арабского алфавита, имеет цифровое значение 2; алиф и би, читаемые вместе, означают «алфавит», «азбука».
- Биджингир* — местность в Копетдаге, славилась железной рудой и драгоценными камнями.
- Бисмилла* — начальное слово мусульманской формулы «Во имя аллаха...».
- Булгар* (Булгария) — название средневекового Булгарского государства и его столицы на Каме; в поэзии иносказательно — далекий край, где женщины славятся изумительной красотой.
- Бурзыхан* — местность в Иране.
- Вамык* — герой восточной легенды и дестана «Вамык и Узра», приписываемого таджикско-персидскому поэту Унсури (ум. 1050), символ преданной, самоотверженной и несчастной любви.
- Варка* — герой распространенного на Востоке дестана «Варка и Гюльша» (среди туркмен распространен народный вариант этого сюжета), образ беспредельной любви и преданности.
- Везир* (визирь) — министр, саванник, ближайший советник и доверенное лицо восточного властелина.
- Вейс* — см. *Увейс-Карани*.
- Габеш* — Эфиопия; употребляется также для обозначения негров, абиссинцев.
- Газель* — 1) лань; в литературе — метафорический образ красавицы; 2) вид монорифмических лирических стихотворений, состоящих из нескольких байтов (двустихий), связанных общей рифмой (схема рифмовки аа, ба, ва и т. д.), в последних строках приводится имя или псевдоним поэта.
- Гарун-аль-Рашид* (763—809) — багдадский халиф (786—809), при котором, по преданию, были составлены арабские сказки фольклорной эпохи «1001 ночь», один из персонажей этих сказок, идеализированный образ доброго и справедливого государя.
- Герат* — город в западном Афганистане, в древности — один из круп-

нейших культурных и торговых центров Востока, столица Хорасана.

Гёркез — один из родов туркменского племени гокленов, из которого вышел Махтумкули.

Гёр-оглы (Кёр-оглы, Кэр-оглы) — букв.: Сын могилы (Сын слепого, Сын глухого); главный герой одноименного народного эпоса, известный у многих народов Востока.

Гозли — букв.: прозревший; эпитет представителей туркменского племени гозли-ата, считавших себя выходцами из Аравии, потомками пророка Мухаммеда.

Гоклен — одно из крупных туркменских племен, жившее в юго-западном субтропическом районе Туркменистана Кара-Кала (точнее, Карры-Кала — Старая крепость), а также в сопредельных с ним провинциях Ирана.

Гоморра — древний город, по библейской и коранической легенде, уничтоженный небесным огнем за тяжкие грехи его жителей.

Гошгы — см. *мурейба*.

Гурген (Горган) — название реки и области в западном Копетдаге, на родине Махтумкули.

Гурджистан — Грузия.

Гурия — букв.: черноокая; в мусульманской мифологии, одна из райских дев; иносказательно — красавица.

Гылман — по Корану, юноша-слуга в раю; парень, прислужник; имя собственное мужское.

Гюлистан — букв.: розовый сад; символ цветущей страны, земного рая.

Гюль — цветок, роза.

Гюль-Ферхар — героиня эпического сказания и поэмы узбекского поэта Лутфи (XV в.) «Гюль и Новруз», дочь падишаха Ферхара, влюбленная в царевича Новруза; символ героизма и верности в любви.

Даббетил-арз — фантастическое существо, по мусульманским поверьям, явится перед концом света.

Давуд — мусульманский вариант имени библейского царя Давида (XI в. до н. э.); в мусульманской традиции он считается одним из пророков — предшественников Мухаммеда; по преданию, Давуд в молодости был кузнецом, он обладал чарующим голосом и читал священную книгу «Зебура» так выразительно, что изумлял всех. У него было сорок сыновей (в том числе Сулейман), которых бог отнял у него в наказание за гордыню.

Дайханин — крестьянин, землепашец.

Дарган — местность на территории нынешней Ашхабадской области вблизи древнего Каахка.

Дастархан — букв.: скатерть; обильное угощение.

Даштидахан (Дешти-Дахан) — название местности и горного прохода на юго-западной границе Туркмении и северного Ирана.

Дежджал — по мусульманским поверьям, одноглазое злое чудовище, которое должно появиться на осле, возвещая конец света; переносно — лгун, плут, самозванец.

Дервиш — бродяга, странствующий монах; нищенствующий суфий; аскет.

Дестан — букв.: знаменитый, прославленный; 1) прозвище Заля; 2) эпическое произведение, основанное на легендах и преданиях, состоит из чередующихся прозаических и стихотворных частей.

- Дехистан* — 1) второе название древнего города Мешеди-Мысрияна; 2) округ в долине Афна в нынешнем Кизыл-Атрекском и Гасан-Кулийском районах Туркмении.
- Джафар* — легендарный оружейный мастер в Исфагане, который изготовлял волшебные луки и стрелы.
- Джебраил* — мусульманский вариант имени библейского архангела Гавриила, небесного вестника, который якобы передавал пророку Мухаммеду главы Корана (фуркан).
- Джейран* — дикая коза, серна; поэтический символ грации, резвости.
- Джейхун* — букв.: бурный, необузданный, бушующий; одно из названий Амударьи.
- Джемшид* (Джем) — легендарный древнеиранский царь из династии Пишдадидов, герой эпопеи «Шахнаме» Фирдоуси и ряда других эпических произведений, повелитель людей и духов, обладатель несметных богатств и волшебной чаши Джамиджем, глядя в которую можно видеть все, что происходит в мире; его правление считалось «золотым веком». Джемшид якобы научил людей многим ремеслам, в том числе виноделию. Был низвергнут с трона царем-драконом Заххаком и долго скитался на чужбине. У Махтумкули он выступает и как великий зодчий.
- Джерджис* — 1) мусульманский вариант имени библейского Георгия Победоносца; согласно легенде, он был истерзан язычниками; 2) название села и кладбища на территории нынешнего Кизыл-Аrvatского района Туркменистана.
- Джинн* — демон; злой дух или добрый покровитель человека.
- Диван* — 1) канцелярия, управление, совет вельмож восточного владычества; 2) сборник поэтических произведений, составленный в определенном порядке.
- Дивана* — юридический, нищий.
- Дурды-шахир* — поэт, современник и друг Махтумкули.
- Дутар* (дутара) — двухструнный музыкальный инструмент, употребляется для сольного исполнения музыкальной пьесы и аккомпанирования певцам-бахши.
- Духан* — мелочная лавка; в поэтической традиции — собрание ценностей; обращение к девушке, возлюбленной.
- Дэв* (див) — злой дух, фантастический всликан, обычно противник героя в восточных сказаниях.
- Дюль-Дюль* — кличка мифического мула, а также коня Али-Шахи мердана.
- Забар* (зебер) — один из диакритических знаков арабского алфавита (черта над словом), имеет смысловое значение, так же как зир.
- Зал* — легендарный иранский правитель, персонаж эпопеи «Шахнаме» Фирдоуси, седобородый старец, отец Рустема; по преданию, был воспитан волшебной птицей Симург (Анка).
- Зекят* — ежегодный налог в пользу нуждающихся (обычно в пользу духовенства), установленный арабами в завоеванных ими странах и составлявший сороковую часть дохода от хозяйства или стоимости имущества.
- Земзем* — священный родник около храма Кааба в Мекке, почитаемый мусульманами. Паломники, совершающие хадж, брали с собой воду этого источника, возвращаясь на родину. В поэзии источнику Земзем уподобляются уста возлюбленной.
- Венги-Баба* — мусульманский святой, покровитель крупного рогатого скота.

- Зеравшан* — букв.: Рассыпающая золото; название реки в Узбекистане; символ плодородия, благоденствия.
- Зикрия* — мусульманский вариант имени библейского Захарии, отца Иоанна Крестителя; почитается мусульманами как один из пророков древности.
- Зир* — один из диакритических знаков арабского алфавита (черта под словом), имеет смысловое значение, так же как *з а б а р*.
- Зохра* (Зухра) — восточное название планеты Венеры. По преданию, Зохра была прекрасной женщиной, покорившей сердца ангелов Харута и Марута, от которых она узнала тайное имя аллаха, с его помощью вознеслась на небо и стала покровительницей музыки и символом красоты. Героиня дестана «Зохра и Тахир» классика туркменской литературы Молланепеса; образ безумно влюбленной женщины.
- Зумаил* — по мусульманским верованиям, место в *арше*, где вечно живет человеческий дух.
- Зюлейха* — по библейской и мусульманской легенде, жена египетского вельможи, влюбленная в *Юсупа*, героиня произведений многих восточных авторов, в том числе дестана «Юсуп и Зюлейха» Андалиба, классика туркменской литературы.
- Зюльфикар* — название легендарного меча *Али-Шахимердана*; переносно — волшебная сабля, разящая насмерть.
- Иблис* — злой дух, демон.
- Ибн-Ямин* — мусульманский вариант имени библейского Вениамина, одного из сыновей патриарха Иакова (*Якуба*), брат *Юсупа*.
- Ибрагим* — мусульманский вариант имени библейского патриарха Авраама. Согласно легенде, Ибрагим был брошен в огонь правителем Вавилона Немрудом, но вышел оттуда невредимым. Впоследствии бог в качестве испытания потребовал от него в жертву сына Исаака, но в последнее мгновение ангел остановил занесенную над юношей руку отца. В восточной литературе — образ страдальца за истину.
- Игид* (игит) — молодец, доблестный воин, смельчак, джигит.
- Идрис-Баба* — один из пророков, предшественников *Мухаммеда*, отождествляется с библейским Енохом, а также с Гермесом.
- Израфил* — мусульманский вариант имени архангела Серафима, который должен трубным звуком подать знак для воскрешения мертвых и начала Страшного суда.
- Ильяс* — мусульманский вариант имени библейского пророка Илии, доисламский святой, внук *Нуха*, сын брата *Хызыра*, царь Каспийского моря; незримый помощник людей, попавших в беду.
- Иляллах* — см. *Ля илляха иляллах*.
- Имам* — букв.: стоящий впереди; духовное лицо, руководящее пятикратным намазом в мечети; верховный священнослужитель; продолжатель духовной миссии *Мухаммеда*, глава мусульманской общины.
- Ирак* — государство на Ближнем Востоке; иносказательно — далекая страна.
- Иса* — мусульманский вариант имени Иисуса Христа, почитаемого мусульманами как пророк — предшественник *Мухаммеда*. По преданию, путешествовал на осле и, обладая животворным дыханием, исцелял больных и воскрешал мертвых. После смерти он вознесся на четвертое небо, откуда должен сойти во время

- Страшного суда, когда из-под земли выйдет Мехти и уничтожит Дежджала.
- Искандер** — мусульманский вариант имени Александра Македонского (356—323 до н. э.); почитается как пророк, фигурирует в Коране. В фольклоре и литературе народов Ближнего и Среднего Востока — образ всемогущего властелина, мудрого и справедливого государя, неустрашимого героя, неутомимого путешественника и отважного мореплавателя.
- Ислам** — букв.: покорность; мусульманская (магометанская) религия, основанная пророком Мухаммедом в VII в. и получившая широкое распространение в Азии и Северной Африке.
- Исфаган** (Исфахан) — город в Иране, в XVI—XVIII вв. — столица династии Сефевидов, славился плодовыми садами и оружейными мастерами, изготовлявшими, в частности, знаменитые луки.
- Исфендиар** — легендарный герой, персонаж народных сказаний, один из героев эпоса «Шахнаме» Фирдоуси.
- Исхак** — 1) мусульманский вариант имени библейского Исаака, сына Авраама (Ибрагима); 2) название небольшой птицы.
- Ишан** — духовное лицо высокого ранга у мусульман, имел своих учеников — мюридов; духовный наставник общины верующих, в том числе дервишей; нарицательное название представителей некоторых туркменских племен, считавших себя выходцами из Аравии, потомками Мухаммеда и его сподвижников.
- Иезд** — город в Иране.
- Иемен** — государство в Аравии.
- Иомуд** — название одного из крупных туркменских племен.
- Кааба** — высшее мусульманское святилище в Мекке, на родине пророка Мухаммеда, мечеть кубической формы, построенная, по преданию, патриархом Ибрагимом, куда правоверные совершают паломничество (хадж) и где находится священный «черный камень», упавший с неба; переносно — средоточие, святилище, объект всеобщего поклонения.
- Кази** — духовный судья, рассматривающий дела по шариа ту.
- Каймак** — сметана, сливки.
- Кайс** — см. *Меджнун*.
- Калам** — тростниковое перо.
- Каландар** — нищий, бродяга, мусульманский аскет, одевается в шкуру или рваную шубу с веревочным поясом, на котором подвешена тыква — символ несчастья, носит большой посох, отращает длинные волосы.
- Калым** — выкуп за невесту, уплачиваемый женихом ее родителям.
- Кальян** — специальный прибор для курения, изготавливается из тыквы с резервуаром для воды, через которую пропускают дым.
- Камбар** (Баба-Камбар) — слуга Али, по преданию, один из покровителей музыки; герой дестана «Юсуп и Ахмед» классика туркменской литературы Курбанали Магрупи (XVIII в.).
- Камча** — кнут, плеть, нагайка.
- Кандагар** (Кандахар) — город в Афганистане, столица государства при Ахмеде Дуррани; здесь было множество буддийских храмов, разрушенных впоследствии мусульманами.
- Караван-сарай** — постоялый двор.
- Каракол** — степная рысь.
- Каракурт** — ядовитый паук.
- Карга** — ворона.

- Карун* — мусульманский вариант имени библейского Корея; скупой богат, по преданию, был проклят Мусой и поглощен землей вместе со всеми богатствами; в литературе — образ алчного скупца.
- Каф* — 1) двадцать первая буква арабского алфавита, имеет цифровое значение 100; 2) легендарный горный хребет, опоясывающий землю и поддерживающий небесный свод, обиталище дэвов и пери.
- Каффа* — древний город в Крыму, на месте современной Феодосии.
- Кашгар* — древний город и провинция в Восточном Туркестане (ныне на территории Китая).
- Кебаб* — национальное блюдо туркмен, баранина, изжаренная на вертеле над горячими углями; в поэзии — образ страдающего сердца влюбленного.
- Кевсер* — см. *Аби-Кевсер*.
- Кейф* — наслаждение, удовольствие, блаженное состояние.
- Кенган* (Ханаан) — местность в Палестине, родина Юсупа; переносно — обетованная земля, родина.
- Кербела* — древний город на территории современного Ирака, где в 680 г. погибли в битве потомки халифа Али; мусульмане шииты почитают Кербелу как святыню, место паломничества, где совершают обряд оплакивания — шахсей-вахсей; существует выражение «собаки Кербелы», связанное с преданием, согласно которому, собаки погибших рыскали по пустыне в поисках своих хозяев.
- Керман* — город в Иране.
- Кесе-Аркач* — другое название Ахала.
- Кибитка* — переносное жилище туркменского кочевника; юрта.
- Кикнос* (Какнус) — мифическая сладкогласная птица, соответствующая фениксу греческой мифологии, способная возрождаться из пепла; в литературе превращения Кикноса уподобляются страдания героя по возлюбленной.
- Килим* — грубошерстный домотканый коврик без ворса, которым обычно застилается передний угол кибитки или занавешивается вход.
- Кирин* — кувшин.
- Коран* — букв.: чтение; священная книга мусульман, в которой изложена проповедь пророка Мухаммеда; первый из памятников арабской прозы.
- Коус* — 1) имя мифического покровителя гор и озер; 2) восточное название созвездия Стрельца; 3) название девятого месяца персидского календаря.
- Куймак* — мучная похлебка.
- Кулан* — дикий осел, онагр; отличается большой резвостью, обитает в пустыне Каракум.
- Кулхувалла* — букв.: это сказал аллах; начальные слова первого стиха Корана.
- Кульзум* — Красное (Эритрейское) море.
- Кьям-Асам-эд-Дин* — букв.: Опора религии; имя легендарного праведника; синоним благородства.
- Кыблагах* — букв.: сторона Кыблы; направление к Мекке, куда мусульмане обращаются во время молитвы; переносно — ласкательный эпитет.
- Кызылбаш* — букв.: красноголовый; название тюркских воинов ди-

- настиг Сефевидов, носивших шапки с двенадцатью красными лентами в честь двенадцати имамов; в дальнейшем — презрительное наименование персов в устах туркмен.
- Кыпчак** — название древнего тюркского племени (русское название — половцы); существует несколько населенных пунктов с таким названием.
- Лагор** (Ляхор) — город в Индии.
- Лал** — драгоценный камень алого цвета; рубин; в поэзии — синоним уст красавицы.
- Левиафан** — библейское фантастическое животное, обитающее в океане.
- Лейли** — героиня сказания «Лейли и Меджнун», сюжет которого использован многими восточными поэтами (в том числе классиком туркменской литературы XVIII в. Андалибом); образ страстно влюбленной страдающей девушки.
- Лукман** — легендарный мудрец древности, искусный врач, упоминается в Коране; по преданию, прожил 4400 лет, открыл людям действие многих лекарственных трав; в литературе — образ спасителя от всевозможных невзгод.
- Ля илляха иллялах** — букв.: нет бога, кроме аллаха, — начало основной формулы ортодоксального ислама.
- Мавлана** — букв.: господин наш; почетный титул выдающихся суфиев.
- Мазандеран** — субтропическая область в Иране на побережье Каспийского моря, где выращиваются цитрусовые (лимоны, апельсины); символ плодородия, изобилия редких плодов.
- Мазар** — могила, гробница; мавзолей мусульманского святого.
- Майя** — верблюдка особой породы; символ женской красоты.
- Мансур Халладж** (858—922) — мусульманский поэт, жестоко казнен как еретик в Багдаде ревнителями ортодоксальной мусульманской религии; символ мужества и жестоких страданий.
- Марал** — лань, джейран; в поэзии векам марала уподобляются веки красавицы.
- Меджнун** — букв.: бесноватый; прозвище юноши Кайса, героя широко распространенного на Востоке сказания о Лейли и Меджнуне; образ обезумевшего от любви страдальца.
- Медина** — город на Аравийском полуострове, первый оплот мусульман, прибежище Мухаммеда после его бегства из Мекки в 622 г. и место его погребения в 632 г., куда совершаются религиозные паломничества (хадж).
- Медресе** — высшее мусульманское духовное учебное заведение.
- Мейхана** — питейный дом, кабак.
- Мекка** — город на Аравийском полуострове, религиозный центр ислама, родина пророка Мухаммеда; переносно — ласкательный эпитет.
- Мектеб** — начальная мусульманская школа.
- Мелик** — букв.: правитель, повелитель; имя и приставка к имени исторических и легендарных личностей.
- Мерв** — древний город, центр оазиса на реке Мургаб, столица султана Санджара Сельджукида (1118—1157), крупный экономический, политический и культурный центр Востока.
- Мехти** (Махди) — один из имамов, который, по мусульманскому

поверью, выйдет из-под земли во время Страшного суда и уничтожит Д е ж д ж а л а.

Мешхед — город в северо-восточном Иране, где покойтся прах одного из последних и м а м о в, место паломничества мусульман-ши и т о в.

Мина — священная долина к востоку от М е к к и, где паломники совершают обряд заклания жертвенных животных.

Минарет — высокая башня, с которой возвещается о начале очередного н а м а з а.

Мир — см. эмир.

Мир-Кулал — средневековый мусульманский мистик.

Мираб — должностное лицо сельской общины, распределяет воду.

Миср — Египет; переносно — обетованная земля.

Михраб — ниша или глухая арка во внутренней стене мечети, обращенная к Мекке, где стоит и м а м и куда надлежит обращаться молящимся; в поэзии с дугообразной формой михраба сравниваются брови красавицы.

Моисей — см. Муса.

Мудеррис — преподаватель в медресе.

Мулла (молла) — мусульманский священник; учитель; грамотный человек.

Мункир и *Некир* — по мусульманским поверьям, посланники аллаха, которые в Судный день спрашивают умерших о их мирских деяниях, чтобы установить, кто достоин рая, а кто — ада.

Муребба — букв.: учетверенный; строфическая форма в поэзии, состоящая из нескольких четверостиший; то же, что г о ш г ы (букв.: составленный).

Муса — мусульманский вариант имени библейского Моисея, почитаемого мусульманами как один из пророков, предшественников М у х а м е д а; «белая рука Мусы» — символ чудес, торжества и славы.

Мусабба — букв.: усмеренный; строфическая форма в поэзии, состоит из нескольких семистрочных строф, рифмуется по принципу м у х а м м а с а.

Мусамман — букв.: усосьмеренный; строфическая форма в поэзии, состоит из нескольких восьмистрочных строф.

Мутассаг — букв.: удевятеренный; строфическая форма в поэзии, состоит из нескольких девятистрочных строф, рифмуется по принципу м у х а м м а с а.

Муфти — мусульманское духовное лицо, толкователь ш а р и а т а.

Мухаммас — букв.: упятеренный; строфическая форма в поэзии, состоит из нескольких пятистрочных строф, связанных единством темы, со следующей схемой рифмовки: ааааа, бббба, вввва и т. д.

Мухаммед (Магомет, 570—632) — арабский религиозный и государственный деятель, основатель и с л а м а, почитаемый мусульманами как пророк и посланник аллаха.

Муче — двенадцатилетний животный цикл летосчисления, каждый год которого начинается в день Новруза — 21 марта и носит название животного (мышь, корова, тигр, заяц, рыба, змея, лошадь, баран, обезьяна, курица, собака, кабан).

Мюрид — послушник, последователь; ученик; с у ф и й, полностью подчиненный воле своего наставника.

Мюррих — планета Марс; символ войн, кровавых столкновений.

Навои Низамиддин Мухаммед Мир Алишер (1441—1501) — узбекский поэт, пользовался популярностью среди туркмен под именем Мирали как мудрый и справедливый государственный деятель; в последние годы жизни вел дервишский образ жизни; в честь Мирали названы особая мелодия и лад народной музыки туркмен.

Накшбенди — см. *Бехауддин*.

Намаз — молитвенный обряд мусульман, совершаемый пять раз в сутки.

Нас — жевательная смесь, изготавливаемая из табака, растительного масла, мела и золы.

Насатан — человек, употребляющий *на с*.

Насими Сеид Имадеддин (1369—1417) — азербайджанский поэт, жестоко казнен за ересь феодалами и фанатическим духовенством в Алеппо: с него заживо содрали кожу, а труп повесили на воротах города; ему посвящена поэма «Насими» классика туркменской литературы XVIII в. Андалиба; имя Насими стало символом мученичества.

Неджд — горная область в Аравии, где, по преданию, скитался Межджуи.

Некир — см. *Мункир* и *Некир*.

Немруд — легендарный правитель Вавилона, приказавший бросить в огонь Ибрагима.

Нер (инер) — верблюд-самец особой породы, отличающийся силой и выносливостью; символ могучей силы и благородства.

Нишапур — город и область в Иране.

Новруз — день мусульманского Нового года по календарю муче, совпадает с днем весеннего равноденствия 21 марта.

Новширан — один из псевдонимов Ширван-хана.

Ной — см. *Нух*.

Нун — двадцать пятая буква арабского алфавита с цифровым значением 50, имеет дугообразную форму; в поэзии — символ сгорбленности, изогнутости.

Нух — мусульманский вариант имени библейского патриарха Ноя, прародителя людей, спасшегося от всемирного потона в ковчеге, куда бог разрешил ему поместить свою семью и по паре всех видов животных.

Нуха — город и местность в Азербайджане; по некоторым предположениям, Махтумкули посетил Нуху во время одного из своих путешествий и посвятил ей стихотворение «Наш путь в Нуху. Дороги далеки...».

Омар I ибн Аль-Хаттаб — второй из четырех «правоверных» мусульманских халифов (634—644), преемников Мухаммеда, завоеватель Ирана.

Осман — третий из четырех «правоверных» мусульманских халифов (644—656), преемников Мухаммеда, при котором, по преданию, был собран в единое целое и отредактирован Коран.

Падишах — государь, самодержец.

Пеливан (Махмуд-Пеливан, Пиль-Махмуд, Исмахмуд-ата, Исмамыт-ата, Пурай-Вели) — поэт XIII—XIV вв., славился как борец на тоях, жил в Хорезме, похоронен в Хиве, его мавзолей находится напротив медресе Ширгази.

Пери — добрые духи в образе сказочных девушек необычайной кра-

- соты, способные творить чудеса; в поэзии — олицетворение женской красоты.
- Пиала* — небольшая чаша для питья чая.
- Пир* — старец, покровитель; духовный наставник суфиев; глава религиозной мусульманской секты.
- Пир-заде* — потомок п и р а.
- Рабат* — крепость, укрепление; постоянный двор.
- Рамазан* — название девятого месяца мусульманского лунного года, в течение которого мусульмане соблюдают пост.
- Раис* (раис) — начальник, глава.
- Рей* — город и область в Иране, один из крупнейших торгово-ремесленных и культурных центров.
- Рейхан* — 1) благовонное растение, базилик; 2) в эпосе «Гёр-оглы» имя одного из основных противников главного героя.
- Ризван* — по Корану, ангел, стоящий на страже райского сада; символ терпения, выдержки.
- Роза* (ураза) — мусульманский пост, соблюдаемый в течение месяца рамазана.
- Рубыл* — мусульманский вариант имени библейского Рувима.
- Рум, Румистан* — Византия, позже Турция, Османское государство; общее название стран Запада.
- Рустем (Рустам)* — герой восточных сказаний и эпопеи «Шахнаме» Фирдоуси, сын Зала и Рудабы; образ неустранимого и всепобеждающего героя.
- Рыян* — легендарный повелитель древнего Египта, муж Зюлейхн, соответствует библейскому Пентефрию.
- Саз* — струнный музыкальный инструмент; символ таланта, вдохновения.
- Сакар* — по представлениям мусульман, одно из семи отделений ада, размещенных под седьмым пластом Земли.
- Салам* (салам алейкум) — букв.: мир вам; формула приветствия.
- Салор* — название одного из туркменских племен.
- Саман* — измельченная солома.
- Сафа* — холм близ Мекки, место обрядового шествия во время хаджа.
- Сеиды* — выходцы из арабов, считали себя святыми, потомками пророка Мухаммеда, носили длинные волосы как знак отличия.
- Селим-шах* (султан Селим, Селим Грозный) — турецкий правитель (1512—1520), победитель иранского государя Шах-Исмаила I.
- Сельман* — друг халифа Али, один из первых ревнителей ислама.
- Семендер* — саламандра, мифическое животное, способное возрождаться из огня.
- Сенджаб* — серая белка, из шкурок которой шили дорогую верхнюю одежду, например джуббу — легкую накидку без рукавов.
- Серахс* — селение в южной Туркмении, расположенное по обоим берегам р. Теджен, по которой ныне проходит государственная граница с Ираном, разделившая Серахс на два самостоятельных населенных пункта.
- Сердар* — военачальник, вождь.
- Серендиб* — древнее название острова Цейлон; сказочная страна.
- Синай* — священная гора на Синайском полуострове, на вершине которой, по преданию, Муса разговаривал с богом.

- Сират* — по мусульманским поверьям, мост тоньше волоса и острее сабли, висящий над адом и ведущий в рай, по которому после воскресения из мертвых смогут пройти только праведники.
- Сирин* — мифическая волшебная птица с женскими лицом и грудью.
- Слу* — красавица.
- Сона* — пестрая уточка, кряква; эпитет красивой девушки.
- Сонги-Даг* — букв.: Конец горы, Последняя гора; горы на территории юго-западного Туркменистана и современного северного Ирана, на границе горного и равнинного районов.
- Субхан* — букв.: Слава; один из эпитетов бога.
- Сулейман* — мусульманский вариант имени библейского Соломона, третьего царя Израиля и Иудеи (965—928 до н. э.), по преданию, обладатель магического кольца с вырезанным на нем именем бога, которое придавало ему сил повелевать людьми, животными и духами; символ могущества, мудрости и богатства. Многочисленные восточные легенды рассказывают, в частности, о любви Сулеймана к царице Савской Балкис и о мудром советнике удоде, который был их сватом.
- Султан* — повелитель, царь, владыка.
- Сунниты* — сторонники одного из двух важнейших направлений ислама, наиболее распространенного, «правоверного», в отличие от шиитов.
- Суфий* — букв.: носящий власяницу; мусульманский аскет, монах, сторонник суфизма, мистического течения в исламе; иносказательно — ханжа, святоша.

Тавриз — см. *Тебриз*.

Талиб — ученик мусульманской школы.

Тартаруз — мифическое существо доисламских поверий.

Тахир — герой романтического сказания «Зохре и Тахир», образ преданного влюбленного.

Тебриз (Тавриз) — город в Иране, в древности — столица туркменских и азербайджанских династий.

Теке (текинцы) — название одного из крупных туркменских племен, населявших Ахал.

Техаллус — прозвище, псевдоним поэта.

Тимьян — кустарниковое растение с мелкими душистыми цветами, содержащее эфирные масла; чебрец.

Той — пир, празднество.

Туби — по мусульманским поверьям, райское дерево, в тени которого наслаждаются набожные праведники.

Туран — древнее наименование территории к северу от Ирана, населенной в основном тюркоязычными народами; название мифической страны тюрков, противопоставленной Ирану; в литературе — родина красавиц.

Увейс-Карани, *Вейс* — один из ближайших сподвижников пророка Мухаммеда, доблестный воин; согласно легенде, когда Мухаммед лишился зубов во время битвы, Увейс-Карани сам выбил себе здоровые зубы, призывал остальных сделать то же самое в знак преданности.

Узра — героиня восточного сказания «Вамык и Узра», возлюбленная юноши Вамыка; образ преданной, самоотверженной и несчастной влюбленной.

Умман — океан, море, большая река; древнее название Аравийского моря и части Индийского океана.

Умран — мусульманский святой, отец Абу-Талеба.

Фархад — герой восточного сказания «Фархад и Ширин», легендарный художник, скульптор, архитектор и каменотес, прорубивший канал в неприступных горах Бисутун во имя своей любви к Ширин; образ самоотверженного влюбленного, готового на самопожертвование.

Фатъма — мусульманская святая, дочь пророка Мухаммеда, жена халифа Али, ее именем названа средневековая династия Фатимидов в Египте (909—1171); согласно мусульманским преданиям, в ее волосах хранятся таинственные письмены о праведных деяниях, которые будут зачитаны в Судный день.

Феридун — легендарный царь древнего Ирана, герой поэмы Фирдоуси «Шахнаме», символ мудрости, справедливости и мужества.

Феттах — букв.: победитель, завоеватель, покоритель, угнетатель; эпитет шаха Ага-Мухаммеда Каджара (1742—1797).

Фетх Али-хан — один из вождей восстания против иранского шаха в 20-х годах XVIII в.

Фраги — букв.: свободный, спокойный, разлученный, лишенный; псевдоним Махтумкули.

Франгистан — букв.: страна франков; Франция и вообще страны, населенные европейцами.

Фуркан — 114 частей Корана, которые, согласно мусульманской легенде, бог посылал пророку Мухаммеду.

Хабил, Кабил — мусульманский вариант имен библейских Авеля и Каина, сыновей Адама, враждовавших между собой.

Хадж — паломничество мусульман в Мекку для поклонения Каабе.

Хаджи — мусульманин, совершивший хадж; паломник, пилигрим.

Хазан — холодный резкий осенний ветер, вызывающий заморозки и губящий растения; поэтический образ внезапного бедствия.

Хазарское море — Каспийское море.

Хазрет — букв.: господин; почтительное обращение к высокопоставленным лицам, как светским, так и духовным.

Халиф — букв.: преемник, помощник; религиозный глава и верховный правитель мусульман после смерти пророка Мухаммеда; особенно почитаемы первые четыре халифа — Абу-Бекр, Омар, Осман и Али; позднее титул халифа как всемусульманского духовного главы носили египетские и турецкие султаны.

Хамун — букв.: счастливый; 1) эпитет, которым наделяют царей; 2) по мусульманским преданиям, главный сановник одного из египетских фараонов, отвергавший, как и его повелитель, религиозные проповеди пророка Мусы, за что оба они поплатились жизнью.

Хан — титул правителя, независимого властелина; частица, присоединяемая к имени собственному как знак уважения.

Ханум — жена; госпожа, дама; почтительное обращение к женщине.

Харам-халал — мусульманские понятия о «нечистом», «недозволенном» (харам) и «чистом», «дозволенном» (халал), относятся обычно к пище, заработку и т. п.

Хасан (ум. 669) — сын Али, брат Хусейна, по мусульманскому

- преданию, погиб в битве под Кербелой в 680 г., согласно историческим данным, умер в Медине.
- Хатам, Хатам-Тай* (Хатим ат-Тай) — легендарный богач из арабского племени тай, отличался щедростью и благородством; известен также как поэт.
- Хатиджа* — 1) одна из жен пророка Мухаммеда, почитается мусульманами как святая; 2) жена Юсупа, героя дестана «Юсуп и Ахмед» туркменского поэта XVIII в. Магруппи; в поэзии — образ преданной жены.
- Хейхат* — загробный мир; светопреставление; междоветие, выражающее сожаление, досаду.
- Хива* — один из крупных торговых и культурных центров Средней Азии на торговом пути между Востоком и Западом; в одном из хивинских медресе, Ширгази, три года учился Махтумкули.
- Хивины* — жители Хивы.
- Хинд, Хиндустан* — Индия; в поэзии символ счастливой страны.
- Ходжа* — потомок одного из первых халифов, представитель племени выходцев из Аравии; духовное лицо, наставник.
- Ходжа Ахмед* (псевд. — Ясави, ок. 1103—1166) — поэт-мистик, почтавшийся как святой мусульманами-тюрьками, среди которых бытовало изречение: «В Медине — Мухаммед, в Туркестане — Ходжа Ахмед».
- Хорасан* — область, включавшая в себя ряд районов восточного Ирана, часть Афганистана и Средней Азии, с главным городом Гератом.
- Хорезм* — древнее государство в Средней Азии с центром в низовьях Амударьи.
- Хум* — большой глиняный кувшин для хранения вина.
- Хумай* (Хумаюн, Гамаюн) — мифическая птица, приносящая счастье тому, на кого упадет тень ее крыла.
- Хурджин* — переметная сума из ковровой ткани.
- Хусейн* — сын халифа Али, брат Хасана, по преданию, погиб в битве под Кербелой.
- Хызыр* (Хызр) — букв.: Зеленый; легендарный мусульманский пророк, покровитель природы, плодородия, незримый помощник людей, хранитель источника «живой воды», которую нашел, сопроводжая Искандера в его походах; в литературе — образ чудесного спасителя, символ изобилия.
- Цикута* — ядовитая трава; яд.
- Чабан* — пастух.
- Чал* — освежающий напиток из верблюжьего молока; применяется для лечения туберкулеза.
- Чарыки* — кустарная обувь из сыромятной кожи.
- Чекалка* — шакал.
- Чилим* — кальян, прибор для курения, изготовляемый из тыквы или водяного ореха, с закрытым резервуаром для воды и длинной трубкой.
- Чильтены* — букв.: сорок святых; бессмертные существа, оказывающие помощь попавшим в беду; то же, что эрены.
- Чин-Мачин* — букв.: Китай и за Китаем; в фольклоре и литературе — Китай, Индокитай и другие дальневосточные страны; родина искусных художников.
- Чоудор-хан* — имя ближайшего друга и соратника Махтумкули,

- воина-патриота, предводителя джигитов, защитников отчества; он обращался к Ахмеду Дуррани за помощью в борьбе против кызылбашей.
- Чурек** — плоский хлеб, лепешка, испеченная в специальной глиняной печи (тамдыре).
- Шайтан** — злой дух, демон, сатана.
- Шаль** — многоцветный вязаный шерстяной платок или тканый шерстяной пояс.
- Шам** — Сирия.
- Шариат** — свод мусульманских религиозных, уголовных и гражданских законов и установлений, основанных на Коране.
- Шах** — царь, самодержец.
- Шахимердан** — эпитет Али.
- Шахир** — поэт.
- Шебистан** — букв.: страна ночи; сказочная страна, обитель духов.
- Шейх** — букв.: старец; духовный руководитель и наставник мусульманской общины; старейшина, почтенный человек.
- Шейх-Сенган** — мифический герой восточных сказаний, был влюблен в христианку, ради которой отказался от веры и высокого положения.
- Шемгун** — сын Якуба, брат Юсупа.
- Шербет** — сладкий фруктовый прохладительный напиток.
- Шибли** — прозвище легендарного арабского шейха и поэта-суфия Абубекра Мухаммеда ибн Халафа (IX—X вв.), родом из селения Шиблие в Мавераннахре (Средняя Азия). По преданию, когда Шибли не смог соединиться со своей возлюбленной, он поднялся на высокую гору и так сильно застоялся, что из его уст вырвалось пламя и обожгло все вокруг. С тех пор вершина этой горы почернела и получила название Шибли. В литературе имя Шибли — символ несчастной любви и беззаветной преданности.
- Шитты** — представители одного из двух основных направлений в исламе, поклонники халифа Али.
- Шираз** — город на юге Ирана; в поэзии — родина замечательных красавиц.
- Ширап** — вино, нектар.
- Ширван-хан** — один из псевдонимов Хосрова I (531—579), правителя Ирана из династии Сасанидов; в поэзии — образ мудрого и справедливого правителя.
- Ширгази** — хивинский хан (1715—1727), именем которого названо м. д. р. е. с. е., где три года учился Махтумкули.
- Ширин** — героиня восточной легенды «Фархад и Ширин»; образ преданной возлюбленной.
- Эдем, Эрем** — мифологический райский сад, состоящий из восьми частей, построенный тираном-богоборцем Шеддадом.
- Эйюб, Эйюп** — мусульманский вариант имени библейского Иова; по преданию, черви пожирали его тело в течение сорока лет за то, что однажды он отказался помочь больному; в поэзии — символ терпения, выносливости.
- Эмир, мир** — букв.: правитель, повелитель; титул тимуридских министров и военачальников (XIV—XVI вв.), позднее (с XVIII в.) — титул правителя Афганистана и Бухары.
- Эрем** — см. Эдем.
- Эрены** — мифические бессмертные духи, помогающие героям.

Эсхак — мусульманский вариант имени библейского Исаака, сына Авраама (Ибрагима).

Эфсана — букв.: изложение; одна из форм стихосложения — строфа, состоящая из одиннадцати и более строк, рифмуется как первая строфа м у х а м м а с а.

Юнус — мусульманский вариант имени библейского Ионы; был проглочен рыбой, но остался невредимым.

Юрт — жилище, дом, очаг; страна, край, родина.

Юсуп (Юсуф) — мусульманский вариант имени библейского Иосифа Прекрасного, младшего и любимого сына Иакова (Якуба); по преданию, братья продали Юсупа в рабство купцу Мелику, передавшему его затем Зюлейхе. В литературе — символ красоты.

Языр — название одного из древних туркменских племен.

Якуб — мусульманский вариант имени библейского патриарха Иакова, отца Юсупа; он потерял зрение от горьких слез после исчезновения любимого сына; образ терпеливого отца-страдальца.

Ялавунчи — древнееврейское племя, из которого, по преданию, вышли Юсуп и его братья.

Ятаган — кривая сабля с заостренным внутрь лезвием.

Яхья — мусульманский вариант имени Иоанна Крестителя, почитаемого как пророк.

СОДЕРЖАНИЕ

- Великий поэт, мыслитель, патриот. *Вступительная статья А. Зырина и М. Овезгельдыева* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Несокрушимое. *Перевод Н. Тихонова* 49
2. Будущее Туркмении. *Перевод А. Тарковского* 49

I

3. Гурген. *Перевод Г. Шенгели* 53
4. Увидеть хочется. *Перевод А. Тарковского* 53
5. Разговор с отцом. *Перевод Г. Шенгели* 54
6. Прекрасный Ширгази. *Перевод Л. Пеньковского* 57
7—11. На смерть сына
1. «Скажите лжецам и глупцам...» *Перевод А. Тарковского* 58
2. «У перепелки выпадет птенец...» *Перевод Н. Лебедева* 59
3. «Меня настиг мучитель-рок...» *Перевод А. Тарковского* 59
4. «Душа моя пылает...» *Перевод А. Тарковского* 60
5. «Якуб рыдающий, тоскую...» *Перевод А. Тарковского* 61
12. «Опомнись, сердце! Оглядиись кругом!...» *Перевод Ю. Нейман* 62
13. От друга моего я получу ли весть? *Перевод Н. Гребнева* 63
14. «К самым достойным старцам смерть постучится в дверь...»
Перевод Ю. Валича 64
15. «Не сжалилась судьба, не спас нас бог...» *Перевод Н. Гребнева* 65
16—17. На смерть отца
1. «Шестидесяти лет, в год Рыбы, в день Новруза...»
Перевод Г. Шенгели 65
2. «Рок, я встретил тебя, я искал тебя сам...» *Перевод А. Тарковского* 66

18.	«О, помоги мне, Зюбеда!..»	Перевод А. Тарковского	67
19—21.	Пятидесятилетие. Перевод А. Тарковского		
	1.	«Немало на свете я прожил, друзья...»	68
	2.	«Да будет нам спутником верным народ...»	69
	3.	«О, как дрожит моей прекрасной...»	70
22.	Дни мои.	Перевод А. Тарковского	70
23.	Они не вернулись.	Перевод Ю. Гордиенко	71
24.	Ищу.	Перевод А. Тарковского	72
25—30.	Абдулла. Перевод А. Тарковского		
	1.	«Что делать мне? Как не рыдать...»	73
	2.	«Ветер, утренний ветер! Слугой твоим стану! Скажи...»	74
	3.	«Девять лет мы в разлуке с тобою, брат...»	75
	4.	«Брат Абдулла, Мазандеран — твой кров...»	76
	5.	«Ушел Абдулла, но торговец захожий...»	77
	6.	«Судьба! Что делаешь, судьба!..»	78
31.	Дни.	Перевод А. Тарковского	78
32.	«Наш путь — в Нуху, дороги далеки...»	Перевод Н. Гребнева	79
33.	«Жизнь, дарованная мне...»	Перевод А. Тарковского	79
34.	Будут искать.	Перевод А. Тарковского	80
35.	«Я слишком рано испытал жестокого мира гнев...»	Перевод А. Тарковского	81
36.	Видел я.	Перевод А. Старостина	82
37.	Жалоба.	Перевод А. Тарковского	83
38.	«Любой из сверстников моих...»	Перевод Г. Шенгели	84
39.	«За что еще с меня ты, боже, взыщешь?»	Перевод Н. Гребнева	84
40.	Дай ответ — ответ даем.	Перевод М. Тарловского	85
—			
41.	«Не пресытился мир потаенною горечью слез...»	Перевод А. Тарковского	88
42.	Ныне.	Перевод Т. Спендиаровой	88
43.	Душа моя.	Перевод Г. Шенгели	89
44.	Ответы.	Перевод Г. Шенгели	90
45.	«Я на родине ханом был...»	Перевод А. Тарковского	91
46.	Превратился я в пепел.	Перевод А. Старостина	92
47.	Откровение.	Перевод А. Тарковского	93
48.	Фраги.	Перевод А. Тарковского	95
* 49.	Не могу понять.	Перевод С. Иванова	96
50.	Пламя.	Перевод Ю. Валича	96
51.	Не пойму.	Перевод Ю. Гордиенко	97
52.	«В одну из пятниц сон я видел странный...»	Перевод Г. Шенгели	98
53.	Вместе.	Перевод Ю. Гордиенко	99
54.	Что делать?	Перевод Н. Гребнева	100
55.	Буду оплакан.	Перевод А. Тарковского	100
56.	«Меня беспощадный преследует рок...»	Перевод А. Тарковского	101
57.	Несправедливость.	Перевод А. Тарковского	102
58.	«К тебе, человек, приступаю с мольбою...»	Перевод А. Тарковского	102
59.	Поражен бедой.	Перевод Г. Шенгели	103
60.	Причины слез.	Перевод А. Тарковского	104
61.	«Братья, цвет мусульман!..»	Перевод Ю. Гордиенко	105

62. «Веселье мне было отмерено скупо...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	106
63. Путь далек. <i>Перевод А. Тарковского</i>	106
64. Сердце. <i>Перевод А. Тарковского</i>	108
65. Заплачет надо мной. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	109
66. Не говорить ли? <i>Перевод Г. Шенгели</i>	110
67. Скиталец. <i>Перевод А. Ревича</i>	111
68. Круг. <i>Перевод А. Тарковского</i>	112
69. «Вершины гор в тумане млечном...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	113
70. Нет спасенья. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	113
71. Остался. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	114
72. «К тебе, аллах, взываю я...» <i>Перевод Г. Шенгели</i>	115
73. С каким лицом я предстану, боже? <i>Перевод Г. Шенгели</i>	115
74. «Тот, кто в Истину влюблен...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	116
75. «Изменило мне счастье, мучительный мир!...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	117
76. Дай исцеленье мне. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	118
77. «Слушай, рок, слепец бездомный...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	119

78. Птица счастья. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	121
79. Гоклен. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	122
80. «Судил йомудам и гокленам бог...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	123
81. Феттах. <i>Перевод А. Тарковского</i>	123
82. Призыв. <i>Перевод А. Тарковского</i>	125
83. Твое. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	125
84—85. Чоудор-хан. <i>Перевод А. Тарковского</i>	
1. «Выходят гоклен и йомуд на дорогу...»	127
2. «Шит родины, око мое — Чоудор-хан...»	128
86. Гибель Овеза. <i>Перевод А. Тарковского</i>	128
87. Дождя, дождя, мой султан! <i>Перевод А. Тарковского</i>	129
88. Желает. <i>Перевод А. Тарковского</i>	130

89. Повелительница. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	132
90. «Друзья! У меня любимая есть, живет она вдали...» <i>Перевод Г. Шенгели</i>	133
91. Друг. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	134
92. Не знают. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	134
93. Клянусь! <i>Перевод Г. Шенгели</i>	135
94. Возлюбленная. <i>Перевод А. Тарковского</i>	135
95. «Одержимый любовью сожжет за собою мосты...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	136
96. Печаль. <i>Перевод А. Тарковского</i>	137
97. «Сгорю, полюбив: я — наследник Меджнуновой славы...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	137
98. Поймешь ли ты? <i>Перевод А. Кронгауза</i>	138
99. Где же ты? <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	139
100. «Судьба тебя мне не дала, хоть с осени тебя я жду...» <i>Перевод А. Старостина</i>	140
* 101. «Нет хуже доли — жить без милой...» <i>Перевод С. Иванова</i>	141

102.	Моя честь. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	142
103.	Мои слова. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	143
104.	Есть у меня. <i>Перевод А. Тарковского</i>	143
* 105.	«В сердце страсть любви вскипела, жжет огнем невзгод меня...» <i>Перевод С. Иванова</i>	144
106.	«Что пред яркой твоей красотой все цветы голистана?..» <i>Перевод А. Тарковского</i>	145
107.	Страдания любви. <i>Перевод А. Тарковского</i>	146
108.	«Розы прекрасней тебя меж цветов голистана нет...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	147
109.	К новой милой. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	148
* 110.	«Увижу тебя на миг...» <i>Перевод Б. Голубева</i>	148
* 111.	Недугом стало. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	149
112.	Кто ты? <i>Перевод Г. Шенгели</i>	150
113.	Полюбил я. <i>Перевод А. Тарковского</i>	151
114.	Встречал ли ты? <i>Перевод Г. Шенгели</i>	152
115.	Есть ли? <i>Перевод Г. Шенгели</i>	152
116.	«Коль время-кравчий мне не даст испытать шербету...» <i>Перевод Г. Шенгели</i>	153
117.	Нужна мне. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	154
118.	«Кто милой сообщит об участи моей?..» <i>Перевод Н. Греб- нева</i>	155
119.	Взор упал. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	155
120.	«Сердце что-то замыслило, вскинулось ввысь...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	156
121.	Услышу ли я о тебе, любимая? <i>Перевод Г. Шенгели</i>	157
122.	Приди. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	158
123.	Не стерпит. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	159
124.	«Нет красивей!.. Взоры — стрелы...» <i>Перевод Г. Шенгели</i>	159
125.	Вспомнишь вдали. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	160
126.	Любимой. <i>Перевод А. Ревича</i>	161
127.	Красавица. <i>Перевод А. Ревича</i>	162
128.	Твой стан. <i>Перевод А. Тарковского</i>	163
129.	«Кульзум я готов переплыть сорок раз...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	163
130.	Две луны. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	164
131.	«Еще почует роза роз...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	165
132.	«Когда блеснул твой лунный лик...» <i>Перевод А. Тарков- ского</i>	166
133—146.	Менгли. <i>Перевод А. Тарковского</i>	
1.	«Горделивые пери султаном признали Менгли...»	166
2.	«Жертва истины небесной...»	167
3.	«Твое подножье — мир земной...»	168
4.	«Ты — роза, цель моих надежд...»	169
5.	«Свой пальчик розовый кусая...»	170
6.	«Ты напала из-за угла...»	171
7.	«Если приду к милой моей в том голистане...»	172
8.	«Странники, взгляните на меня...»	173
9.	Клянусь	174
10.	Твои глаза	175
11.	Расстался. <i>Перевод А. Ревича</i>	176
12.	Разлука. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	176
* 13.	Навек сражен мечом разлук. <i>Перевод Л. Вдовиной</i>	178
* 14.	Бренный мир. <i>Перевод А. Зырина</i>	178

147.	«Город мой — океан огня...»	Перевод А. Тарковского	179
148.	«Зохре небесная взошла...»	Перевод А. Тарковского	180
149.	Мольба.	Перевод А. Тарковского	180
* 150.	«Затянуло сердце мне туманом мук...»	Перевод С. Иванова	181

151.	«Широким взором мир окинь...»	Перевод Г. Шенгели	183
152.	Новруз.	Перевод Ю. Гордиенко	184
153.	Природа.	Перевод А. Тарковского	185

II

154.	Мученья.	Перевод В. Ганиева	193
155.	Пока не умер.	Перевод Ю. Гордиенко	193
156.	Когда придет конец.	Перевод Ю. Нейман	194
157.	«Ты в мир явился, человек, таинственным путем...»	Перевод Ю. Нейман	195
* 158.	«Увы, друзья, нам знать нельзя...»	Перевод С. Иванова	196
* 159.	«Как жаждет сердце в тишине...»	Перевод С. Иванова	197
160.	Раздумье.	Перевод А. Тарковского	198
161.	Человечество.	Перевод Г. Шенгели	200
162.	И ты.	Перевод А. Тарковского	201
163.	Злое дело.	Перевод Г. Шенгели	202
164.	Друзья.	Перевод Т. Спендиаровой	203
165.	«На ложе лености ты спишь, забыв о деле...»	Перевод Г. Шенгели	204
166.	«Меджнунова гора в тумане, говорят...»	Перевод Н. Гребнева	204
167.	Нищий и царь.	Перевод А. Тарковского	205
168.	Не падут ли горы?	Перевод Г. Шенгели	206
169.	Людская тленна плоть.	Перевод Н. Гребнева	207
170.	Велик ли прок.	Перевод Н. Гребнева	207
171.	Враги.	Перевод Г. Шенгели	208
172.	Твоя заслуга.	Перевод Ю. Нейман	209
173.	Станешь.	Перевод Г. Шенгели	210
174.	Гость.	Перевод Г. Шенгели	211
175.	«Коль мусульмане друг друга порубят...»	Перевод А. Старостина	211
176.	Не будет.	Перевод А. Тарковского	213
177.	Так будет.	Перевод Ю. Нейман	214
178.	«Душа моя, воспрянь! Смири свою тревогу...»	Перевод Г. Шенгели	216
179.	Стремится.	Перевод А. Ревича	216
180.	Разлучась.	Перевод Г. Шенгели	217
181.	Плачет.	Перевод Т. Спендиаровой	218
* 182.	Есть всему черед.	Перевод С. Иванова	219
* 183.	«Ты дремлешь, человек, под гнетом зла...»	Перевод С. Иванова	219
* 184.	«Человек! Себя не познав...»	Перевод С. Иванова	220
185.	«Многих мир в игру вовлек...»	Перевод А. Тарковского	221
186.	У чаши.	Перевод Ю. Гордиенко	222

187.	«Сто тысяч путников на дню перекочуют в мир теней...» <i>Перевод Д. Голубкова</i>	223
188.	Не станет. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	223
* 189.	«Если вор ты и мошенник, о судьбе скажу твоей...» <i>Перевод В. Ганиева</i>	224
190.	Жестокие судьи. <i>Перевод А. Тарковского</i>	225
191.	«Спит человек иль бодрствует...» <i>Перевод Г. Шенгели</i>	226
192.	Недуг. <i>Перевод А. Тарковского</i>	227
193.	Рок. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	227
194.	Поклонение. <i>Перевод А. Тарковского</i>	228
195.	Не останется. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	229
196.	Чудо. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	230
197.	Уйдут. <i>Перевод А. Тарковского</i>	231
198.	Станет песком. <i>Перевод М. Тарловского</i>	232
199.	Достигнешь. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	232
200.	Принес. <i>Перевод А. Кронгауза</i>	233
201.	Уйдет («Жизнь в мире подобна кочевью...»). <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	234
202.	Уйдешь. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	235
203.	Уйдут. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	235
204.	Уйдет («Зачем ты, мир, ничтожному мирволишь?..»). <i>Перевод Г. Шенгели</i>	236
205.	О мир! <i>Перевод М. Тарловского</i>	237
206.	Мир. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	238
207.	Наш мир. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	239
208.	Мир, хэй! <i>Перевод М. Тарловского</i>	239
209.	Дым. <i>Перевод М. Тарловского</i>	240
210.	Рука мира. <i>Перевод А. Тарковского</i>	241
211.	Мир в затворе. <i>Перевод А. Тарковского</i>	242
212.	Жизнь проходит. <i>Перевод А. Тарковского</i>	243
213.	Оказывается. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	245
214.	«О рок, награди нас своей благодатью...» <i>Перевод В. Ганиева</i>	246
215.	Судьба. <i>Перевод М. Тарловского</i>	246
216.	Не спи! <i>Перевод А. Кронгауза</i>	247
217.	Смерть. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	248
218.	Не вечен ты. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	249
219.	Даббетил-арз. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	250
220.	В тот день, друзья. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	251
=====		
221.	Время. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	254
222.	Безвременно. <i>Перевод А. Тарковского</i>	255
* 223.	«Поиссохли ручки, пали кряжи гор...» <i>Перевод С. Иванова</i>	256
224.	Бедняк. <i>Перевод М. Тарловского</i>	257
225.	Примета. <i>Перевод А. Старостина</i>	258
226.	Светопреставление. <i>Перевод В. Ганиева</i>	259
227.	«О братья, какие пришли времена!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	261
228.	Нашествие. <i>Перевод А. Тарковского</i>	262
229.	Где светлое время? <i>Перевод А. Тарковского</i>	263
=====		
* 230.	«Кто мудр, да будет другом мудреца!..» <i>Перевод В. Ганиева</i>	265
231.	Раздробит камни. <i>Перевод Ю. Валича</i>	265

232.	Наставление. Перевод А. Тарковского	266
233.	Нужен. Перевод Г. Шенгели	269
234.	Не окажется. Перевод Н. Гребнева	270
235.	«Того плохим я назову, кто, не сдержав слепой порыв...» Перевод Т. Стрешневой	270
236.	Поймет ли? Перевод Ю. Нейман	271
237.	Превратится. Перевод Ю. Гордиенко	272
238.	Желанны. Перевод Ю. Нейман	273
239.	Да не будет! Перевод А. Старостина	274
240.	Пусть имя чтится свято. Перевод А. Старостина	275
241.	Красавица истина. Перевод А. Тарковского	276
242.	Куренье. Перевод Ю. Нейман	277
243.	Курильщик. Перевод Г. Шенгели	278
244.	Оставь куренье! Перевод Г. Шенгели	279
245.	Лекарств не будет. Перевод Г. Шенгели	281
246.	Из лучших лучший. Перевод Ю. Нейман	282
247.	Молва. Перевод А. Тарковского	282
248.	Захочется. Перевод Г. Шенгели	283
249.	Тонкого стана нет. Перевод Ю. Гордиенко	284
250.	Женись. Перевод Г. Шенгели	285
251.	«Когда смельчак двух жен себе добудет...» Перевод Г. Шенгели	286
252.	Не будь! Перевод А. Кронгауза	287
253.	Назидание. Перевод Г. Шенгели	287
254.	«Слушай, сердце! Наставление я дам...» Перевод Г. Шен- гели	288
255.	Пощади! Перевод Г. Шенгели	288
256.	Сравненье покажет. Перевод Г. Шенгели	289
257.	Найди свой путь. Перевод Г. Шенгели	290
258.	Лесть и клевета. Перевод А. Тарковского	290
259.	«Почтенья от невежд не ожидай...» Перевод Ю. Нейман	291
260.	Подальше держись. Перевод Т. Спендиаровой	292
261.	Честь умножит. Перевод Г. Шенгели	293
262.	«Не отдавай души неверным! Кто выдаа...» Перевод Г. Шенгели	293
263.	«Не оценит вкус еды...» Перевод Г. Шенгели	294
264.	Придет. Перевод А. Тарковского	295
265.	«Ты тайны трусу не вверяй своей...» Перевод Н. Гребнева	295
* 266.	Нельзя. Перевод С. Иванова	296
267.	Ложный друг. Перевод А. Тарковского	297
268.	Не сразу узнаем. Перевод Г. Шенгели	298
269.	Не угасай. Перевод Г. Шенгели	299
270.	Сравню. Перевод М. Тарловского	299
271.	Вообрази. Перевод Г. Шенгели	300
272.	«Кто добрые дела всю жизнь творит...» Перевод В. Га- ниева	301
273.	Вах! Перевод М. Тарловского	302
274.	Не стоит («Трясется бай иной над полною мошной...») Перевод Н. Гребнева	303
275.	«Коль в ауле млыл соседи...» Перевод Г. Шенгели	304
276.	Золотом не станет. Перевод Г. Шенгели	304
277.	«Хоть конское седло на нем...» Перевод Н. Гребнева	305
278.	Спокойным будь. Перевод Ю. Валича	306
279.	«Разве отдаст бедный за шелк штуку килима?...» Перевод Т. Спендиаровой	306

280.	Двенадцать советов. <i>Перевод А. Тарковского</i>	307
281.	Будет глух. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	308
282.	Не ждут. <i>Перевод М. Тарловского</i>	309
283.	На себя взгляни. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	310
284.	Родина лучше. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	310
285.	Растет. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	311
286.	Нужна. <i>Перевод М. Тарловского</i>	312
287.	Найды. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	313
288.	Виден. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	313
289.	Лучше. <i>Перевод А. Тарковского</i>	314
290.	Надо. <i>Перевод А. Ревича</i>	315
291.	Глядите. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	316
292.	Не пристало. <i>Перевод Ю. Валича</i>	317
293.	Все равно. <i>Перевод Ю. Валича</i>	318
294.	Не стóит («Слышать упреки трусу не стыдно...») <i>Перевод Ю. Валича</i>	319
295.	Блестать пристало. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	319
296.	Джигит. <i>Перевод А. Старостина</i>	320
297.	Не стоит («Тот, кто музыки сладостной сердцем не слышит...») <i>Перевод Г. Шенгели</i>	321
298.	Одно. <i>Перевод М. Тарловского</i>	321
299.	Мечом и словом. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	322
300.	«Не может счастьем похвалиться...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	323
301.	Джигиты. <i>Перевод А. Тарковского</i>	323
302.	Ценнее. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	324
303.	Добро и зло. <i>Перевод А. Тарковского</i>	325
304.	С печалью. <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	326
305.	«У многих жизнь от бедности такая...» <i>Перевод Г. Шенгели</i>	327
* 306.	«Не кичись, что добром и скотом богат...» <i>Перевод С. Иванова</i>	327
307.	«Что толку, если сокол попадет...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	328
308.	«Время такое — в тени прозябает бедняк...» <i>Перевод А. Ревича</i>	329
309.	«Кто свой дворец возводит на песке...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	330
310.	«Сын Адама, непрощенный гость на земле...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	331
311.	«Ты видишь помыслы мои, аллах!...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	333
312.	«Мнит скворчонок себя соловьем...» <i>Перевод Ю. Гордиенко</i>	333
313.	«Хочешь волосы красить? Грецкий орех...» <i>Перевод А. Ревича</i>	334
314.	«Коль ты всех судишь слишком строго...» <i>Перевод Г. Шенгели</i>	335
315.	«Чем быть с дрянным и злобным дружным...» <i>Перевод Г. Шенгели</i>	335
* 316.	Сплетник. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	336
317.	Оценится. <i>Перевод А. Тарковского</i>	337
* 318.	«Чтущий правду джигит — как хмельной, горяч...» <i>Перевод С. Иванова</i>	338
* 319.	«Мечтает бедный о простой одежде...» <i>Перевод В. Ганичева</i>	339

* 320. Не знаст. <i>Перевод В. Ганцева</i>	339
* 321. Напоминаст. <i>Перевод В. Ганцева</i>	340

322. Юсуп. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	342
323. Повесть о Юсупе. <i>Перевод А. Тарковского</i>	343
324. Голубь. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	345

Примечания	349
Словарь	358

Махтумкули
М 36 Стихотворения: Пер. с туркм. (Вступ. статья
А. Зырина и М. Овезгельдыева, сост. и примеч.
М. Овезгельдыева). — Л.: Сов. писатель, 1984. —
384 с., 1 портр. — (Б-ка поэта. Большая сер.).

Настоящее издание произведений классика туркменской поэзии XVIII в. Махтумкули ставит своей целью дать по возможности полное представление о лучших образцах его творчества в разных поэтических жанрах и формах. Переводы на русский язык заново отредактированы, многие произведения печатаются в новых переводах. Композиционное расположение материала соответствует идейно-тематическому содержанию и жанровым особенностям произведений.

М $\frac{4702540100-018}{083(02)-84}$ 406—83

ББК 84.Тур1

Махтумкули

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1984, 384 стр.

План выпуска 1983 г. № 406

Художник И. С. Серов

Редактор Д. М. Климова

Худож. редактор А. С. Орлов

Техн. редактор С. Л. Шереметьева

Корректор И. Г. Клейнер

ИБ № 3654

Сдано в набор 25.09.83. Подписано к печати 30.01.84. М 24211. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 20,26.
Уч.-изд. л. 18,39. Тираж 25 000 экз. Заказ № 1574. Цена 1 р. 70 к. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение, 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

